

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Абкадырова Ирина Рустэмовна

**СЛОВА-РЕАЛИИ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ АКТУАЛИЗАЦИИ И
МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕКСИКАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ**

(на материале современной прозы)

Специальность: 10.02.05 — романские языки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

к.ф.н. доцент Карповская Н.В.

Ростов-на-Дону — 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
I Слова-реалии как проявление культурно-коммуникативной вариативности и маркер национальной идентичности	12
1.1 Понятие национальной идентичности сквозь призму современной цивилизационной парадигмы	12
1.1.1 Специфика проявления национальной идентичности и культурно-коммуникативной вариативности в эпоху активной глобализации	13
1.1.2 Оппозиция <i>свой\чужой</i> в свете мексиканской национальной ментальности	24
1.2 Слова-реалии как средство отражения национальной идентичности и составляющая языковой картины мира	30
1.2.1 Проблема выделения слов-реалий в системе культурно-специфических лексических единиц и различные подходы к их классификации	31
1.2.2 Слова-реалии как компонент мексиканской языковой картины мира	40
1.2.3 Мексиканские слова-реалии как барьер в процессе межкультурной коммуникации и интеракции	44
II Слова-реалии как конститuenty мексиканского коммуникативного стиля в национальном художественном дискурсе	47
2.1 Мексиканский коммуникативный стиль как понятие теории межкультурного коммуникации	49
2.1.1 Структура и ключевые параметры национального коммуникативного стиля	52

2.1.2	Аксиологические и социокультурные параметры мексиканского коммуникативного стиля	56
2.1.3	Социолингвистические, лингвистические и психолингвистические параметры мексиканского коммуникативного стиля	59
2.1.4	Паравербальные и невербальные параметры мексиканского коммуникативного стиля	65
2.2	Значимость слов-реалий при актуализации национального коммуникативного стиля в мексиканском художественном дискурсе	66
2.2.1	Совмещение национального и индивидуального компонентов в художественном дискурсе и художественной картине мира	67
2.2.2	Специфика использования национального коммуникативного стиля при создании мексиканской художественной картины мира	71
2.3	Когнитивно-прагматический потенциал мексиканских слов-реалий в романах современных мексиканских авторов	76
2.3.1	Когнитивно-прагматический подход к исследованию языковых явлений в парадигме современного знания	77
2.3.2.	Природно-географические слова-реалии	84
2.3.3	Реалии-антропонимы	91
2.3.4	Бытовые и алиментарные слова-реалии	99
2.3.5	Слова-реалии, относящиеся к «культурному фонду»	100
2.3.6	Слова-реалии как ключевые национальные концепты	105
2.3.7	Инвективные слова-реалии	111

III Слова-реалии как средство моделирования чужого национального коммуникативного стиля в художественном дискурсе	118
3.1. Стратегия моделирования в свете передачи «чужого» коммуникативного стиля	119
3.2 Технологии моделирования мексиканской картины мира в произведениях иностранных авторов	123
3.2.1 Построение сюжетных линий в свете проявления стереотипных знаний о мексиканской культуре	124
3.2.2 Роль лингвистических средств при моделировании мексиканского коммуникативного стиля	126
3.2.3 Отражение социолингвистических особенностей национальной мексиканской коммуникации	130
3.2.4 Передача типичных аксиологических и психолингвистических характеристик жителей Мексики	132
3.2.5 Особенности отражения паравербального и невербального поведения мексиканцев	133
3.3. Когнитивно-прагматические возможности слов-реалий при моделировании мексиканского коммуникативного стиля	135
3.3.1 Природно-географические слова-реалии	139
3.3.2 Реалии-антропонимы	145
3.3.3 Исторические и общественно-политические слова-реалии	161
3.3.4 Бытовые и алиментарные слова-реалии	165
3.3.5 Слова-реалии из области религии, традиций и фольклора	168

3.3.6 Слова-реалии, относящиеся к ключевым национальным концептам, определяющим мексиканский характер	175
3.4 Особенности реализации слов-реалий в процессе моделирования / актуализации мексиканского коммуникативного стиля	182
Заключение	189
Литература	194
Приложение	220

Введение

В настоящее время влияние глобализации в области экономики, политики и культуры определяет тесные контакты, взаимозависимость и конвергенцию различных этносов. В этой связи возрастает потребность в эффективной межкультурной коммуникации и выработке механизмов адекватной интерпретации речевого поведения других лингвокультур.

С целью решения возникающих проблем создаются различные ассоциации, организуются конгрессы и конференции, а также проводятся многочисленные исследования, посвященные вопросам адаптации, формирования коммуникативных компетенций, проявлениям этноцентризма и др. Изучение различных национальных коммуникативных стилей также играет значительную роль на современном этапе развития научного знания.

Одним из важнейших компонентов национального коммуникативного стиля являются слова-реалии, под которыми в нашей работе, вслед за С. Влаховым, С. Флориным, Э.А. Левиной и др., понимаются отдельные лексемы и словосочетания, называющие объекты, явления и понятия, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) того или иного этноса и полностью или частично отсутствующие в жизни других народов. В настоящее время большое внимание привлекают слова-реалии в плане реализации определенных интенций субъектов вербальной интеракции.

Решению указанной проблемы способствует современный когнитивно-прагматический подход, который открывает новые перспективы в исследовании слов-реалий. Изучение слов-реалий в свете вопросов актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля в современных художественных произведениях на материале испанского языка в настоящее время не проводилось, что определяет научную **новизну** настоящей работы.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена развитием современной парадигмы научного знания, направленной на изучение специфики реализации когнитивной картины мира на вербальном уровне; необходимостью применения

когнитивно-прагматического инструментария в исследовании языковых явлений, а также важностью выявления и систематизации средств актуализации и моделирования национальных коммуникативных стилей на фоне потребности в эффективном межкультурном диалоге.

Цель работы заключается в определении специфики когнитивно-прагматических возможностей слов-реалий в процессе актуализации / моделирования мексиканского коммуникативного стиля в современной прозе.

Цель исследования обуславливает необходимость решения следующих **задач**:

1) рассмотреть слова-реалии как одно из средств освоения *своей* и *чужой* реальности в свете проявления культурно-коммуникативной вариативности;

2) определить место и роль слов-реалий в системе культурно-специфических лексических единиц и в формировании национального коммуникативного стиля;

3) выявить специфику структуры и ключевые параметры мексиканского коммуникативного стиля, а также исследовать технологии моделирования мексиканского коммуникативного стиля в произведениях иностранных авторов;

4) рассмотреть особенности когнитивно-прагматического подхода к исследованию языковых явлений в рамках современной парадигмы научного знания;

5) выявить когнитивно-прагматический потенциал мексиканских слов-реалий и определить их основные функции при актуализации / моделировании мексиканского коммуникативного стиля в произведениях современных авторов.

Объектом исследования послужили слова-реалии как компонент национальной языковой картины мира.

Предмет исследования – когнитивно-прагматический потенциал мексиканских слов-реалий в свете актуализации / моделирования мексиканского коммуникативного стиля в современных художественных текстах.

Языковым материалом для исследования послужили как произведения мексиканских авторов – Э. Мендоса («El amante de Janis Joplin», 2001) и Х. Веласко («Diablo guardián», 2003), так и романы писателей других

национальностей – Ф. Вальехо («Entre fantasmas», 1993), А. Перес Реверте («La Reina del Sur», 2002), Д. Уинслоу («The power of the dog», 2005), посвященные мексиканской тематике. В ходе исследования методом сплошной выборки было отобрано 1385 слов-реалий (более 8000 случаев их употребления).

Теоретико-методологическая база исследования. В силу своей многоплановости и полифункциональности слова-реалии как национально-культурный элемент языковой системы привлекали и привлекают внимание исследователей, работающих в различных областях научного знания:

– *теория языка*: Е.А. Супрун (1958), А.А. Реформатский (1967), Г.Д. Томахин (1981), Л.С. Бархударов (1975), С. Влахов и С. Флорин (1980), П. Ньюмарк (1988), Н.А. Фененко (2011, 2013), А.А. Кретов (2011, 2013), Ю.С. Гумен (2004) и др.

– *переводоведение*: Ю.А. Зеленкова (2004), Г.В. Бестолкова (2004), Ю.А. Осипова (2003), Н.П. Чепель (2005) и др.

– *лингвокультурология*: А.С. Гумен (2004), О.А. Корнилов (2003), С.Г. Тер-Минасова (2000), А.В. Симакова (2011), О.С. Лиликович (2016) и др.

– *исследования в рамках прагматического и когнитивно-прагматического подходов*: Н.Ф. Алефиренко (2011), Л.М. Бондаревой (2014), Ю.А. Воробьевой (2003), Т.В. Дробышевой (2004), Н.В. Карповской (2009, 2015), Э.А. Левина (2006), С.И. Манина (2010), М.И. Сивохо (2007), А.В. Ражина (2007), Н.А. Фененко (2001) и др.

Кроме того, **теоретико-методологическую базу** настоящей работы составляют труды следующих ученых: *в области теории межкультурной коммуникации и лингвокультурологии* – З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.; *в рамках исследования национальной идентичности* – Т.Г. Грушевицкой, Г.В. Полтораниной, Т.Г. Стефаненко, Л.В. Ковтун, С.В. Кортунова, Л.Н. Гишкаевой, М.Л. Дубоссарской, Дж. Берри и др.; *в плане изучения мексиканской национальной идентичности* – С. Хантингтона, С. Рамоса, Х. Басконселоса, А. Тамасини Бассолса, С. Рамоса Амескита, А. Эскалона Рамоса, К. Фуэнтеса, О. Паса и др.; *в области теории национальных вариантов и непосредственно мексиканского национального варианта испанского языка* – Г.В. Степанова, Н.М. Фирсовой, Н.Ф. Михеевой, О.С. Чесноковой,

Л. Бланч, Д. Линдсдей, О. Андраде, О. Макасага, М. П. Бутрагенье и др.; в *выстраивании концепции языковой картины мира и художественной картины мира* – С.М. Богатовой, Ю.С. Гумен, В.И. Карасика, В.В. Корнева, О.А. Корнилова, О.А. Малетиной, Л.С. Макарова, Л.В. Миллер, Ю.А. Рылова, Г.В. Степанов, А.В. Симаковой, Ю.И. Плахотной и др.; в *плане теории коммуникативного стиля и национального коммуникативного стиля* – М.А. Василик, У. Гудикунста, Л.В. Куликовой, Т.В. Лариной, А.А. Ивановой, С.В. Мкртычяна, О.С. Солдатовой, И.А. Стернина, К. Хорни, Т.А. Филоненко и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. При воспроизведении фрагментов своей действительности в художественном тексте имеет место актуализация¹ национального коммуникативного стиля, под которым понимается коммуникативные представления, правила и нормы, «опосредованные культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка»,² в то время как при воспроизведении фрагментов чужой реальности следует говорить о моделировании³ национального коммуникативного стиля.

2. Большое влияние на реализацию коммуникативного стиля в художественном тексте оказывают существующие в лингвокультуре автора стереотипы, которые находят отражение в особенностях сюжета и в использовании различных лингвистических, социолингвистических, психолингвистических и других средств, среди которых в силу своих когнитивно-прагматических характеристик выделяются слова-реалии.

3. Слова-реалии способствуют идентификации автора художественного произведения в рамках оппозиции *свой / чужой*, представляя собой один из

¹ Под актуализацией в рамках данной работы понимается «реализация потенциальных свойств языковых элементов в речи, приспособление их к требованиям данной речевой ситуации» [Розенталь, 1976: URL].

² Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении [Текст] : монография / Л.В. Куликова. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 182.

³ Понятия моделирования и моделирования национального коммуникативного стиля подробно рассмотрены в § 3.1 настоящей работы.

основных средств актуализации / моделирования национального коммуникативного стиля.

4. Реализация когнитивно-прагматического потенциала слов-реалий в художественных произведениях направлена на достижение различных прагматических эффектов при актуализации и моделировании мексиканского коммуникативного стиля.

5. При актуализации мексиканского коммуникативного стиля ведущая роль принадлежит ассоциативной, символической и оценочной функциям, в то время как при моделировании мексиканского коммуникативного стиля доминантными являются кумулятивная, характерологическая и локализирующая функции¹.

В соответствии с поставленными задачами в работе применялись следующие **методы исследования**: описательный метод, метод контекстуально-функционального, компонентного и прагматического анализа, а также методы количественного анализа. Для выявления национальной специфики реализации слов-реалий в процессе актуализации и моделирования мексиканского коммуникативного стиля применяется метод контрастивного, лингвокогнитивного и когнитивно-прагматического анализа. Следуя общему направлению развития современной парадигмы научного знания, настоящее исследование базируется на междисциплинарном подходе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что данное исследование синтезирует и расширяет знания по теории национального коммуникативного стиля, выявляя его особенности в процессе актуализации и моделирования в художественном тексте, а также уточняет функции и когнитивно-прагматические возможности слов-реалий в художественном тексте.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке курсов по лингвокультурологии, кросскультурной прагматике, а также диалектологии испанского языка. Результаты исследования и аналитические процедуры могут быть использованы при составлении учебных пособий по истории и культуре Мексики.

¹ Определение функций представлено в § 2.3.1 настоящей работы.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения исследования были представлены на международных и российских научно-практических конференциях: «Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы» (Ростов-на-Дону, 2011), «Неделя науки ЮФУ» (Ростов-на-Дону, 2012), «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур» (Ростов-на-Дону, 2014), «I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации» (Москва, 2015), «*Novo loquens* в ибероамериканском лингвистическом пространстве: исследования и преподавание» (Москва, 2016); и на следующих конгрессах испанистов: «Актуальные проблемы филологии в испано-российском научном пространстве» (Ростов-на-Дону, 2011), «Испания и Россия в новом коммуникативном пространстве XXI в.» (Москва, 2013), «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур» (Ростов-на-Дону, 2013).

По теме диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 4 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, и 1 статья – в зарубежном издании (Испания).

В соответствии с поставленной целью, задачами и логикой исследования выбрана **структура диссертации**. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Литература включает 220 наименований, научных работ из них 147 – на русском языке, 73 – на английском и испанском языках.

ГЛАВА I. Слова-реалии как проявление культурно-коммуникативной вариативности и маркер национальной идентичности

Активное межкультурное взаимодействие приводит к повышению интереса ученых к изучению вопросов национальной идентичности и культурной вариативности языковых систем, которая ярче всего проявляется на лексическом уровне в виде слов-реалий.

1.1 Понятие национальной идентичности сквозь призму современной цивилизационной парадигмы

В современной цивилизационной парадигме, под которой, как правило, понимается «определенное мировоззрение, миропонимание и мироописание, детерминирующее собой способ жизнедеятельности, отношения к миру и возникающим в нем проблемам, способ адаптации и адаптирования окружающей среды, способ понимания и решения жизненных проблем» [Даллан; Даллакян, 2016], все острее ставятся вопросы определения *национальной идентичности* народов.

Неудивительно, что данная проблематика привлекала и привлекает внимание многих зарубежных и отечественных исследователей, среди которых Г. Хименес, К. Хеау, С. Хантингтон, Л.А. Софронова, С.В. Картунов и др.

Термин *идентичность*, согласно Л.Б. Шнейдеру, вошел в науку благодаря Э. Эриксону, который определяет ее «как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, как важнейшую характеристику ее целостности и зрелости, как интеграцию переживаний человеком своей неразрывной связи, отождествления себя с определенными социальными группами» [Цит. по: Шнейдер, 2001: 22].

В гуманитарных науках данное понятие появляется со второй половины 70-х годов XX века. Однако до сих пор существуют различные подходы к его определению. Так, К. Хеау и Г. Хименес полагают, что, с точки зрения отдельного индивида, национальная идентичность – это лишь чувство национальной

принадлежности. При этом авторы признают, что, если рассмотреть этот феномен в свете национальной общности в целом, то его можно было бы определить как разделяемые обществом – и внешне признанные – представления об особом культурном наследии, которое, предположительно, определяет нацию и отличает её от других наций. Таким образом, с одной стороны, национальная идентичность предполагает принадлежность к определенной культуре, с другой – характеризуется набором неких средств, с помощью которых проявляется её индивидуальность, причем лингвистическая составляющая является одним из наиболее ярких способов выражения национальной идентичности того или иного этноса [Héau Lambert, Gimenez, 2005: 83].

В рамках настоящего исследования понятие *национальная идентичность* представляет особый интерес. С одной стороны, её основные компоненты и факторы формирования, как правило, закрепляются в языковой системе посредством слов-реалий, а с другой – национальная идентичность играет определяющую роль в формировании коммуникативного стиля.

1.1.1 Специфика проявления национальной идентичности и культурно-коммуникативной вариативности в эпоху активной глобализации

Примечательно, что большинство современных исследователей сходятся во мнении о существовании нескольких видов идентичности (личной, групповой, этнической, национальной, социальной, профессиональной и т. д.), в силу того что человек принадлежит сразу к нескольким группам по разным признакам (пол, возраст, религиозные взгляды, национальность и др.). По мнению Л.А. Софроновой, «одна из них может подавляться, другая – выходить на первый план и становиться доминирующей в комплексе вариантов идентичности» [Софронова, 2006: 8].

При рассмотрении структуры национальной идентичности в ней, как правило, выделяется ряд составляющих – таких, как национальный характер,

национальное самосознание, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения, исторически сформировавшиеся представления о месте страны в мире, её культурно-цивилизационной принадлежности и т.д. [Гаджиев, 2011: 3 –17]. С.В. Картунов отмечает наличие в ней определенного идентификационного ядра, которое содержит исторически сложившиеся представления национальной общности о самой себе, и подчеркивает тот факт, что национальная идентичность не является статичным образованием, т. к. со временем под воздействием различных факторов (демократизации, информатизации, культурной стандартизации, ценностной универсализации) представления людей меняются [Картунов, 2009: 21].

Большое влияние на развитие национальной идентичности оказывают исторические события [Смирнов, 2001: 125]. Однако одним из самых сильных средств воздействия выступают глобализационные процессы. Среди этих процессов можно выделить тенденцию к единообразию и давление со стороны доминирующей культуры (языка, идеологии), которая может привести к потере национального своеобразия культуры этносов. Способность к обновлению без утраты культурных идентификационных ядер, адаптивному изменению во многом определяется степенью прочности национальной идентичности [Картунов, 2009: 10].

Логично предположить, что все компоненты национальной идентичности тесно взаимосвязаны и изменение одного из них может привести к различным деформациям национальной идентичности или формированию новой идентичности, что, как правило, влечет за собой изменения во внутренней и внешней политике государства. Например, на референдуме, который прошел в Пуэрто-Рико в 2012 году, большинство жителей высказалось за придание архипелагу статуса суверенного ассоциированного государства в союзе с США, иными словами – 51-ого штата США [Антошин, 2015: URL]. Таким образом, итоги данного референдума показывают, что этнос уже не ощущает себя отдельной общностью и не отделяет себя от граждан США, несмотря на активное

использование на своей территории испанского языка в качестве основного средства общения.

Представляется важным подчеркнуть, что определение своей национальной идентичности, как и проявление этноцентрических тенденций, неразрывно связано с защитой позиций родного языка. В частности, в эпитетах, фразеологизмах, пословицах и поговорках проявляются элементы национальной метафорической и аксиологической картин мира определенного этноса, чуждых, а иногда и кажущихся враждебными представителям других наций. Утрата языковых средств чаще всего свидетельствует о потере культурного и исторического сегментов. В настоящее время языковой вопрос стоит очень остро во многих странах мира. Так, в Испании жители Каталонии и Галисии активно отстаивают позиции своих родных языков. С учетом сложной лингвистической ситуации на территории страны неудивительно, что гимн Королевства Испания не сопровождается официальным текстом.

Особое значение вопросы национальной идентичности приобретают, когда речь идет о странах, которые часто характеризуют как экономически, политически и, что особенно важно, культурно побежденные. В свете указанного подхода, как правило, рассматривают и Мексику [Ramos, 2008: URL]. Среди факторов, детерминирующих психологию современных мексиканцев, как правило, выделяются четыре основных:

1. Испанская колонизация (исторический сегмент). Не давая положительной или отрицательной оценки завоеванию Мексики, можно утверждать, что данное историческое событие и последующая колонизация привели не только к появлению синкретичной культуры, но и к уверенности мексиканцев в превосходстве европейской культуры, которая достигла более высокого уровня развития, чем местная индейская, что впоследствии породило у мексиканцев комплекс неполноценности (*complejo de inferioridad*) [Escalona Ramos, 1951: 30] и двойственное отношение к своему историческому прошлому: гордость за великое доколониальное прошлое и стыд за поражение.

Некоторые мексиканские исследователи (L. Zea, S. Ramos, J. Vasconcelos) отмечают, что Мексике необходимо заново пройти процесс самоопределения и осознать себя самодостаточной нацией для дальнейшего развития. При этом трудно согласиться с мнением С. Хантингтона, который полагает, что «в конце концов латиноамериканская цивилизация может влиться в трехстержневую западную цивилизацию и стать ее подвариантом». Мексика, по его мнению, уже «пыталась переопределиться, приняв североамериканскую идентичность вместо латиноамериканской» [Хантингтон, 2003: 189]. Многие исследователи отмечают, что даже мексиканские иммигранты, проживающие на территории США, продолжают следовать обычаям и традициям родной культуры и говорить на испанском языке, не желая растворяться в американском «плавильном котле» [Кортунов, 2009: 23], что вызывает недовольство со стороны американского населения.

Примечательно, что низкая самооценка мексиканцев прошла определенную эволюцию: в современной мексиканской культуре получило распространение понятие *малинчизм* (*malinchismo*), обозначающее чрезмерное увлечение всем иностранным [Tomasini Bassols, 1997: URL]. Факт появления этого концепта свидетельствует о том, что этнос борется за сохранение своей самобытности и уникальности путем введения новых ценностей.

Что касается католической религии, привнесённой испанцами, то она была ассимилирована местным населением. Из всех культов девы Марии, признанных Католической церковью, в Мексике наиболее развит культ девы Марии Гваделупской, которая явила по легенде свой образ простому индейцу. По этой причине мексиканцы иногда называют себя не просто католиками, а гваделупистами (*guadalupistas*), т.е. почитателями именно девы Марии Гваделупской.

Помимо того в местном варианте религии появились национальные святые, некоторые из которых (например, покровитель бандитов неканонизированный Святой Мальверде) у представителей европейской культуры вызывают удивление

и даже шок.

2. Получение независимости от Испании (исторический сегмент). Независимость от метрополии была провозглашена в Мексике в 1810 году, однако только после 11 лет борьбы, в 1821 году, мексиканцам удалось добиться ее официального признания Испанией. В ряду причин начала борьбы за независимость в рамках данной работы необходимо отметить рост национального самосознания, спровоцированный отчасти гуманистическими идеями Ж.-Ж. Руссо. Кроме того, следует отметить роль индейцев, которые воевали за господство на своих исконных землях [Темляков, 2015: URL].

3. Мексиканская Революция (социально-исторический сегмент). В ходе Мексиканской Революции стала очевидной разобщенность нации и потребность страны в сильном лидере. Примечательно, что во всех проанализированных нами романах мексиканских писателей, независимо от их тематики, так или иначе присутствуют отсылки к данному историческому событию: в большинстве произведений упоминаются лидеры этой революции: П. Вилья, Э. Сапато и др. Как отметил мексиканский писатель Э. Абреу Гомес, «революция открыла глубокие раны, не дав средства их исцеления» [Цит. по: Шульговский, 1968: 284].

4. Геополитическое положение (геополитический сегмент): близость к США. В мире широко известны слова мексиканского президента Порфирио Диаса: «Бедная Мексика! Так далеко от Бога и так близко к США!» Вследствие экспансионизма со стороны сильного соседа Мексика потеряла более половины своих территорий и испытывает постоянное вмешательство в свою внутреннюю и внешнюю политику.

Некоторые современные исследователи отмечают тот факт, что мексиканский этнос, как и многие другие «культурно побежденные», стоит перед необходимостью защищать и сохранять свою национальную идентичность [Ramos, 2008: URL], что может привести как к росту этноцентризма членов национального сообщества, так и к культурной адаптации мексиканцев. Остановимся на каждом из упомянутых терминов.

Понятие *этноцентризма* ввел в научный оборот Людвиг Гумплович, подразумевая под ним убеждение, веру этноса в свое особое место среди других народов, в свою избранность и первенствующее значение [Гансова, 2011: URL].

По мнению А.В. Квакина, именно эгоцентрическая позиция познающего субъекта лежит в основе процесса познания мира [Квакин, 2001: 102].

Рассматривая данный феномен, Т.Г. Грушевицкая приводит характеристики этноцентризма, выделенные М. Бруэром и Д. Кэмпбеллом: восприятие норм и ценностей своей этнической группы как безусловно верных; рассмотрение обычаев своей группы как универсальных; оказание при необходимости всесторонней помощи членам своей группы; чувство неприязни, предубеждения по отношению к другим этническим группам; гордость своей группой [Грушевицкая, 2002: URL]. Представляется возможным отметить и такие проявления этноцентризма как чувство гордости за свой родной язык и желание говорить на нём.

Многочисленные эксперименты, проведённые и описанные различными учеными (Э.А. Гансова, Л.Б. Куликова, М. Бруэр, Д. Кэмпбелл), показали, что этноцентризм характерен практически для любой культуры, однако степень его выраженности и развития будет неодинаковой у представителей разных культур.

Обобщая точки зрения различных ученых (Э. Асп, М. Бруэр, Д. Кэмпбелл Т.Г. Грушевицкая), представляется возможным выделить следующие виды этноцентризма: *религиозный, расовый, лингвистический* и др.

Можно также говорить об инвертированном или обратном этноцентризме, который чаще называют *ксеноцентризмом*, при котором члены социума полагают, что их родная культура уступает другим и служит препятствием на пути личностного развития индивида, вследствие чего развивается увлечение всем иностранным, а в национальном языке появляется высокий процент заимствований. Для испаноязычной Мексики во многом характерен данный тип этноцентризма. Он же является одной из причин постепенного сокращения числа говорящих на местных индейских языках.

Следствием этноцентризма является возникновение *этностереотипов* – распространённых в обществе мнений «о качествах, которыми якобы наделён типичный представитель той или иной национальности» [Шен, 2009: 10]. Например, в Испании распространено мнение о гипервежливости мексиканцев. Например, испанский писатель А. Перес-Реверте, создавая образ мексиканки в романе «La Reina del Sur», отмечает:

Mejicana, la llamaban. Mejicana esto y Mejicana lo otro. Se veía de buen carácter; y aunque no tuviera estudios, el acento la hacía parecer educada, con ese vocabulario abundante que tienen los hispanoamericanos, tan lleno de ustedes y de por favores, que los hace parecer a todos académicos de la lengua (La Reina del Sur).

Однако этот факт объясняется не столько особенностями воспитания последних, сколько спецификой их национального коммуникативного стиля.

К результатам проявления этноцентризма относится и возникновение в языковой системе *этнонимов*, отражающих распространённые в обществе этностереотипы. Они учитывают такие характеристики этноса, как детали внешнего вида и одежды, особенности образа жизни, национальной кухни, названия животных и растений, с которыми он ассоциируется, значимые исторические события, имеющие отношение к референту [Шен, 2009: 12]. Так, мексиканцев из-за специфики их национальной кухни, в которой фасоль и кукуруза относятся к основным продуктам питания, жители США часто называют *beaner, bean-eater, beano* (от англ. *bean* – боб, фасоль) или *taco* («кукурузная лепешка») [The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English, 2008: 48]

Что касается обращения к латиноамериканским иммигрантам в целом, то их чаще всего называют *spic* (от англ. *speak* – говорить), *latinos* («латиносы») или *wetback* и *mojados* («промокшая спина») [Urban Dictionary, URL]. Последний этноним изначально относился исключительно к мексиканцам, переплывшим реку

Рио Гранде, чтобы попасть в США, однако со временем значение этой лексемы расширилось, и теперь она употребляется по отношению ко всем нелегальным латиноамериканским иммигрантам.

Важно отметить, что этностереотипы имеют тенденцию меняться в зависимости от исторической эпохи, политической ситуации в мире [Шен, 2009: 14]. Однако скорость их трансформации ниже, чем темпы, с которыми меняются сами нации.

Восприятие нацией самой себя может значительно отличаться от мнений и суждений о ней у представителей других этносов, поэтому наряду с *этническими гетеростереотипами* выделяют *автостереотипы*. Они позволяют индивиду идентифицировать себя с тем или иным этносом и перенимать нормы поведения и общения, принятые в данной культуре. Как правило, автостереотипы опираются на положительные самоквалификации этноса [Пушных, 2011: 21].

Следует отметить, что иногда этноцентризм служит неким защитным барьером, охраняющим общность этноса от напора глобализации, поскольку она способствует тому, что культурные ценности экономически развитых стран распространяются по всему миру и довольно часто позиционируются как общечеловеческие, проявляясь в развитии так называемой массовой или медийной культуры: люди разных стран смотрят одни и те же фильмы, слушают одну и ту же музыку, читают одни и те же книги и др. Образование межгосударственных объединений, сопровождающееся унификацией и уравниванием целого ряда элементов, часто вызывает беспокойство народов с точки зрения сохранения своего культурного своеобразия и идентичности, поскольку в процессе объединения могут быть утеряны национальные языки и культуры.

Что касается понятия культурной адаптации⁴, то мы, вслед за Т.Г. Стефаненко, понимаем под данным термином «сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости)

⁴ В работе термины «культурная адаптация» и «межкультурная адаптация» рассматриваются как синонимичные.

с новой культурной средой, принимая ее традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними» [Стефаненко, 2009: 267].

Многие современные ученые, занимающиеся данной проблематикой, отмечают неоднородность протекания культурной адаптации и выделяют её различные типы, уровни, виды, стороны или формы (Г.В. Полторанина, Т.Г. Стефаненко, Дж. Берри и др.).

В частности, канадский ученый Дж. Берри выделяет два вида адаптации: *психологическую* и *социокультурную* [Berry, 2006: 306]. Подобное деление предлагают и некоторые российские ученые.

Т.Г. Стефаненко говорит о *внутренней* и *внешней* сторонах адаптации. Под *внутренней стороной* понимается психологическая адаптация, «выражающаяся в чувстве удовлетворенности и полноты жизни»; под *внешней стороной* подразумевается социально-культурная адаптация, т.е. «участие индивида в социальной и культурной жизни новой группы, полноправное межличностное взаимодействие с её членами» [Стефаненко, 2009: 70 – 80].

В настоящее время активно обсуждается также вопрос адаптации отдельных культурных концептов при переводе произведений, поскольку один и тот же концепт может оказывать неодинаковое прагматическое воздействие на адресата оригинального и переводного текстов [Семочко, 2004: 77 – 82].

Говоря о культурной адаптации, необходимо также упомянуть понятия *инкультурации* и *аккультурации*. Так, считается, что термин *аккультурация* изначально появился в американской антропологии в исследованиях, посвященных культурным изменениям в племенах индейцев [Николаев, 1996: URL]. Под ней понимается «результат непосредственного длительного контакта групп с различными культурами», выражающийся «в изменении паттернов культуры одной или обеих групп» [Berry, 1997: 7]. Таким образом, можно сделать вывод, что под *адаптацией* понимается соответствие индивида обществу в целом, а под *аккультурацией* – изменение культурных установок данного индивида.

Что касается *инкультурации*, то данное понятие подразумевает «глубинное,

внутреннее обретение человеком ценностных ориентаций и предпочтений, этикетных норм поведения» [Дугарова, 2004: 35]. Само понятие не подразумевает межкультурного общения и, по мнению некоторых ученых, достаточно тесно связано с понятием *социализации*, поскольку «инкультурация предполагает наличие таких социально-культурных элементов, как языковая система; ценностно-смысловые ориентиры; процедуры развития творческой деятельности; совокупность накопленных достояний в культуре; традиции и формы преемственности» [Драч, 2005: 565–566].

Адаптацию проходят не только отдельные индивиды и группы лиц. Культуры и языки вынуждены подстраиваться под новые условия социальной действительности. Неоднозначное влияние глобализации на испанский язык, а также попытки его адаптации к современному миру давно привлекают к себе внимание исследователей. Так, в 2004 году в Росарио (Аргентина) прошел третий международный конгресс, посвященный проблемам испанского языка, на котором была выражена обеспокоенность излишним упрощением испанского языка и его засорением англицизмами под влиянием Интернета. Член Испанской королевской академии К. Гильен (Claudio Guillén) отметил недопустимость подобной унификации, поскольку упрощение является злейшим врагом многообразия: ни одна точка зрения не обладает гегемонией по отношению к той области, которую рассматривает [Guillén, 2004: URL].

На этом конгрессе обсуждалась и другая проблема испаноязычного мира: в погоне за сохранением самобытности культуры определенного этноса может потеряться единство испанского языка, и со временем носители разных национальных вариантов и диалектов станут меньше понимать друг друга, однако формально нации продолжат разговаривать на одном языке.

Международный конгресс в Росарио стал также местом острой дискуссии о перспективах развития испанского языка. Ряд ученых, среди которых не последнюю роль играет мексиканский писатель и дипломат К. Фуэнтес, отстаивали позицию о том, что «взаимодействие и определенное уподобление

языков, способствующее их дальнейшему развитию, неизбежно и является неотъемлемой частью процесса глобализации» [Fuentes, 2004: URL].

Важно отметить, что Мексика сталкивается с необходимостью культурной адаптации на протяжении всей своей истории: сначала одни индейские племена завоевывали другие, потом местное население попало под влияние Испании и католической религии, в наши дни определенное культурное, а также экономическое и политическое давление на неё оказывают США. Активные культурные и экономические контакты между США и странами Латинской Америки обусловили возникновение языкового феномена под названием *Spanglish* [Михеева, 2005: URL]. Не углубляясь в анализ статуса данного явления, отметим, что оно зародилось как средство общения в смежных областях Мексики и США. Однако в настоящее время выпускают словари *Spanglish*, на него переведена первая глава романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», существует несколько десятков песен и даже художественных произведений на *Spanglish*, в частности детские рассказы.

В настоящее время глобализационную и культурную адаптацию не следует определять как явления исключительно позитивного или негативного характера. Тем не менее стоит отметить, что чем глубже глобализация проникает в различные сферы жизни индивидов, тем активнее этносы заявляют о своей уникальности и борются за сохранение национальной культуры и языка.

Глобализационные процессы порождают *глобальный коммуникативный стиль*, под которым понимается «совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и нивелированном поведении представителей различных национальностей в процессе глобальной (интернациональной) коммуникации» [Филоненко, 2010: URL]. Трудно не согласиться с позицией Т.А. Филоненко [Филоненко, 2010: URL], что дихотомия *глобальный коммуникативный стиль* – *национальный коммуникативный стиль* является проекцией двух противоположных процессов современного мира, о которых шла речь ранее: *глобализации* и *интеграции* (т.е.

стремления к объединению и унификации) с одной стороны, и развития этноцентризма, *дифференциации* и стремления к национальной идентификации – с другой.

1.1.2 Оппозиции *свой\чужой*

в свете мексиканской национальной ментальности

Довольно часто вопрос об определении собственной национальной идентичности встает перед отдельным индивидом или этносом в целом только при встрече с чужой культурной средой. «В процессе контактов между представителями различных культур сталкиваются различные культурно-специфические взгляды на мир, при которых каждый из партнеров первоначально не осознает различия в этих взглядах, каждый считает свои представления нормальными, а представления другого ненормальными» [Грушевицкая, 2002: 10]. В итоге нередко происходит столкновение различных этноцентрических позиций и возникает негативная оценка собеседника, которая приводит к непониманию или даже враждебному отношению, в связи с чем представители других культур воспринимаются как *чужие*. В данном контексте под *чужим* понимается «иностранец, пугающий своей непонятной речью, одеждой, манерами» [Софронова, 2006: 12].

В научной литературе приводится множество примеров, описывающих сепарацию отдельных представителей *чужой* культуры и их принудительное подчинение правилам поведения, установленным доминантной культурой. Подобные запреты вызваны как этноцентрическими взглядами, так и стремлением обезопасить *свою* культуру от чрезмерного внешнего воздействия, сохранить свою национальную идентичность, поскольку «чужим человек становится, когда его внутренний мир и внешнее поведение строятся вне зависимости от общепринятых норм» [там же].

Спорную гипотезу, исследуя особенности исторического развития испанского народа, выдвигает М.Л. Дубоссарская. В её понимании, обществу для

консолидации и развития необходимы *враги* – чуждые элементы, против которых ведется война, например, для Испании времен Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского такими *врагами* выступили арабы и евреи. Затем была создана испанская Святая Инквизиция, которая преследовала представителей других конфессий. Позднее «основной задачей для испанской инквизиции оказались не менее активные поиск и наказание «тайных мусульман» и «тайных иудеев» среди самих христиан, а также в целом религиозно неортодоксальных лиц и вообще инакомыслящих любого рода». Завоевание Южной Америки и христианизацию местного индейского населения автор рассматривает в плане очередного этапа борьбы с *чужими*. Таким образом, конфликтность во взаимодействии испанских конкистадоров и местных индейских племен, по мнению исследователя, была заложена изначально. М.Л. Дубоссарская приходит к выводу о том, что «для завоевателей индейцы были в основном или исключительно военным противником, который угрожал самим их жизням; соответственно, индейцы как люди их просто не интересовали» [Дубоссарская, 2008: 168 – 172].

Н. Диас (Nelson Martínez Díaz) придерживается отличной точки зрения. Несмотря на то что солдатам-конкистадорам традиционно разрешалось брать «неверных» в качестве рабов, для монахов-просветителей права испанской короны на индейцев были тесно связаны с необходимостью крестить последних, сохраняя и защищая при этом их свободу. Неслучайно Изабелла Кастильская даровала свободу и статус *vasallos libres* индейцам, привезенным в Севилью в качестве рабов [Díaz, 1986: 3]. Индейцы считались такими же подданными короны, как и испанцы. Подобный подход обусловил довольно быстрое появление в Латинской Америке первых университетов и активную просветительскую деятельность среди индейцев. Уже в 1538 году на территории современной Доминиканской республики был основан первый в Латинской Америке университет – Университет святого Фомы Аквинского (La Universidad Santo Tomás de Aquino), а в 1551 году по указу короля Карла V был основан Королевский католический университет.

Одной из основных особенностей колонизации Латинской Америки

некоторые исследователи считают тот факт, что в ряде случаев индейцы не воспринимали испанцев как *чужих* [Díaz, 1986: 5]. При этом коренное население не могло считать их и *своими* по причине того, что внешний вид колонизаторов, их поведение, культура и язык значительно отличались от местных. Этот фактор определил неоднозначный характер взаимоотношений двух этносов, который впоследствии развился в двойственное отношение представителей мексиканского этноса к своей истории и роли в ней Испании.

Изучение оппозиции *свой/чужой* в последнее время достаточно активно ведется и в *лингвистике*. Специфика лингвистического направления в исследовании данной проблематики заключается в том, что её компоненты выявляются в семантическом пространстве языка. В языковой системе существует широкий спектр средств, репрезентирующих данную категорию: «синтагматические способы организации средств языка, обращающиеся к сфере «своего» конкретного субъекта и относительно этой сферы выстраивающие область «чужого», и парадигматические средства языка – лексемы, содержащие в себе семантику «свойственности» или «чуждости» как потенциальную, способную реализовываться в том или ином контексте» [Петроченко, 2005: 43 – 44]. С точки зрения когнитивной лингвистики, «одним из средств конструирования символических границ между Своими и Чужими и выступает стереотипизация» [Рябова, 2003: URL].

Для испаноязычных народов исследование оппозиции *свой/чужой* имеет принципиально важное значение, т.к. иностранное вторжение (испанское, португальское, французское) оказало сильное воздействие на формирование национальной идентичности латиноамериканских этносов и выдвинуло необходимость определения своей национальной идентичности, иными словами – характеристики *своего*.

Проблема *свой/чужой* продолжает оставаться актуальной для испаноговорящих стран и в настоящее время, поскольку, несмотря на общность языка, в каждой стране сложился свой национальный коммуникативный стиль,

обладающий уникальными особенностями. Соответственно латиноамериканцы отличаются от испанского населения не только внешне, но и манерой общения. Например, мексиканцы употребляют формы приветствия, которые не распространены в Испании: *¿Qué onda, güey?* *¿Quiubo?* *¿Quiúbole?* и т.д. Однако в лексическом плане испанцы для мексиканцев являются скорее *своими*, чем *чужими*. Длительное взаимодействие между индейцами и колонизаторами привело к взаимоадаптации и сплаву культур. Так, в испанском языке появился целый пласт индихенизмов, например: *chocolate, maiz, patata, tabaco* и др.

В отечественной науке рассмотрению различных аспектов собственно мексиканского национального варианта испанского языка посвящены работы Н.Ф. Михеевой, О.С. Чесноковой, Л.Н. Гишкаевой, И.В. Гусевой, И.В. Смирновой, Н.А. Гостемиловой и других исследователей. В мексиканской науке вопросами национальной идентичности занимались такие ученые, как А. Эскалона Рамос (Alberto Escalona Ramos), Р. Бехар (Raul Béjar Navarro), А. Арамони (Aniceto Aramoni), Р. Бланкарте (Roberto Blancarte), К. Фуэнтес (Carlos Fuentes), О. Пас (Octavio Paz) и др.

Как было отмечено ранее, одним из основных факторов формирования национальной идентичности и ментальности выступает язык, поскольку именно он играет определяющую роль при национальной дифференциации, обеспечивая чувство общности *своих*. К особым случаям языковой репрезентации оппозиции *свой/чужой* следует отнести слова-реалии, т.к. владение данными лексическими единицами является одним из основных маркеров принадлежности индивида к определенной национальной и культурной среде.

До сих пор дискуссионным остается вопрос о характере испано-индейских контактов, заложивших основу мексиканского национального варианта испанского языка и мексиканской культуры в целом. Опираясь на взгляды антропологов Р. Бехара (R. Béjar) и Г. Росалеса (H. Rosales), можно выделить пять существующих в науке и обществе точек зрения на проблему культурного взаимодействия испанцев и местных индейских племен [Béjar, Rosales, 2005:

URL].

1. *Индианизм* (indianismo): национальную идентичность большинства мексиканцев определяют их индейские корни и принадлежность к индейской культуре. Обычаи и традиции аборигенов претерпели некоторые изменения с течением времени, но сохранили своё единство и уникальность. Испанский сегмент, попав на латиноамериканскую почву, был растворён или переосмыслен на местный манер.

2. *Западноевропейизм* (occidentalismo): колонизация и период республиканского правления поставили местные племена на европейский путь развития, привнеся основные элементы европейской культуры, а именно – испанский язык, католическую религию, свои моральные ценности и нормы. Индейские черты, все еще проступающие в мексиканской культуре, являются культурными рудиментами, которые исчезнут в процессе развития.

3. *Смежность, или примыкание* (yuxtaposición): обе культуры (индейская и испанская) сосуществуют, вступая во взаимодействие и конфликты, но не сливаясь. При таком подходе представляется затруднительным говорить о единой мексиканской идентичности.

4. *Метизация* (mestizaje): мексиканская нация обладает своей собственной культурой, которая имеет определенные специфические черты в разных регионах страны. Эти особенности являются результатом смешения различных элементов индейской, европейской и африканской культур. Такой синтез стал причиной нового, мексиканского мировосприятия. К сторонникам последней теории можно отнести А. Эскалона Рамоса, который отмечал, что мексиканцы чувствуют как индейцы, а думают как испанцы [Escalona Ramos, 1951: 181 – 183]. Другой выдающийся мексиканский философ, О. Пас, утверждал по этому поводу: «Мексиканец не хочет быть ни индейцем, ни испанцем. Не хочет он быть и их потомком» [Paz, 1947: URL]. Р. Бехар и Г. Росалес также разделяют данную точку зрения, отмечая, что история мексиканской культуры всегда будет представлять собой бесконечную битву между западноевропейским и индейским началом

[Béjar, 2005: URL].

5. *Сплав* (hibridación): испанская и африканская культуры слились с местными индейскими этносами, в результате чего появилась новая нация – мексиканцы. На их мировоззрение также сильно повлиял процесс индустриализации и последующее демократическое развитие, при котором сохранились архаичные элементы власти.

В этой связи примечателен эпизод, произошедший в 1975 году в Аксотла дель Монте (Мексика), который описывает Д. Робичаукс (David Robichaux) в своей книге «Identidades indefinidas: entre “indio” y “mestizo” en México y América Latina». Мужчина лет 50-ти по отношению к себе и таким же, как он, заявил: «Да, мы индейцы». Его собеседник, мужчина лет 30-ти, тут же его поправил, воскликнув: «Нет, мы уже мексиканцы!» [Robichaux, 2007: URL].

На наш взгляд, в настоящее время достаточно трудно однозначно оценить характер взаимоотношений конкистадоров и местных жителей. В ходе анализа работ по данной тематике можно выделить следующие основные этапы развития отношений между испанскими завоевателями и индейскими племенами современной Мексики:

1. Первоначально индейцы восприняли испанцев как богов, поскольку время прибытия испанских конкистадоров совпало со временем, когда, по ацтекскому пророчеству, должен был вернуться бог Кетцалькоатль. Для испанцев индейцы, с одной стороны, выступали как «неверные», язычники, которых необходимо было крестить, с другой же стороны, индейцы обладали большим количеством золота, которое испанцы хотели вывезти.

2. Достаточно быстро появились смешанные браки и началась метизация населения. Местное население по-своему восприняло европейские ценности и новую религию. Так, например, главная покровительница Мексики – *Мария Гваделупская* – изображалась (и изображается) на иконах смуглокожей.

В результате метизации появилась новая нация – мексиканцы, которые не чувствовали себя ни европейцами, ни индейцами. Получение независимости и

разочарование в европейских идеалах обусловило необходимость определить свой путь развития и свою идентичность.

3. Разделение на *своих* и *чужих* продолжает иметь принципиальное значение в мексиканском обществе и в настоящее время. О. Андраде (Hogacio Andrade) отмечает, что с представителями *своей* культуры мексиканцы ведут себя более открыто, довольно легко заводят с ними деловые отношения, в то время как *чужих* они могут уважать, соблюдая дистанцию, придерживаясь всех установленных правил и не доверяя им [Andrade, 2003: 34].

Примечательно, что соблюдение формальностей и дистанции при коммуникации с *чужими* закрепилось в мексиканском коммуникативном стиле, в котором, например, обращение по должности или титулу, а также местоименная форма «Usted» имеют гораздо более широкую сферу употребления, чем в пиренейском варианте испанского языка.

Ценности новой культуры, значительно отличающиеся или совсем отсутствовавшие ранее у испанцев и индейцев, и новая национальная ментальность отражаются не только в манере общения мексиканцев, но и в лексическом составе мексиканского варианта испанского языка и, прежде всего, в таком пласте культурно-специфической лексики, как *слова-реалии*. Язык, будучи средством коммуникации, выступает инструментом самосохранения этноса и обособления *своих* от *чужих*, отражая и закрепляя сведения о предметах-реалиях и специфические понятия, выработанные или созданные народом.

1.2 Слова-реалии как средство отражения

национальной идентичности и составляющая языковой картины мира

Для каждого из испаноговорящих народов характерен свой национальный коммуникативный стиль. Помимо грамматических и фонетических отличий, внимание привлекают особенности лексики отдельных национальных вариантов испанского языка, поскольку действительность, преломленная сквозь призму национального сознания, может выражаться в языке различными способами, в том

числе в виде культурно-специфических слов. Исследование данного пласта лексики, представляющего собой один из важнейших сегментов национальной языковой картины мира, относится к ключевым проблемам современной теории межкультурной коммуникации.

1.2.1 Проблема выделения слов-реалий в системе культурно-специфических лексических единиц и различные подходы к их классификации

Большинство фундаментальных отечественных работ, посвященных культурно-специфическим лексическим единицам, начинается с обзора тех терминов, которые предложены различными авторами для обозначения данного понятия: *реалии* (С. Влахов, С. Флорин, Н.А. Фененко, А.А. Кретов и др.), *экзотическая лексика* (А.Е. Супрун, Т.Е. Никандрова), *пробелы (лакуны)* (И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин), *варваризмы* (А.А. Реформатский, Б.В. Томашевский), *алиенизмы* (В.П. Берков, П.А. Клубков, В.Ф. Лурье), *культуронимы* (В.В. Кабакчи) и т.д. Среди зарубежных исследователей также нет единства по данному вопросу, и можно встретить такие понятия, как *culturema* (L. Luque Nadal, Hans J. Vermeer), *indicador cultural, punto rico* (С. Nord), *elemento cultural* (L. Molina Martinez), *referencia cultural* (представители школы Гранады, например, Р. Майорал Асенсио (R. Mayoral Asensio), *culture-bound words* (A. Lefevere) и др. Подобная ситуация, как нам кажется, объясняется традицией употребления данного понятия в разных отраслях научного знания (лингвистике, культурологии, страноведении, переводоведении и др.).

Если рассматривать основные теории о сущности различных культурно-специфических лексических единиц, то их можно типологизировать следующим образом: теория лакунарности; теория культуронимов; теория прецедентности; теория прототипов; теория языковых реалий. В основе названия той или иной группы лежит или уже существующая номинация, или та единица, на которую

опираются данные теории, относящиеся к указанному направлению.

1. *Теория лакунарности*. Данная теория опирается на понятие *лакуны*, под которой понимаются «пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры, являющиеся способами существования национального сознания» [Марковина, Сорокин, 2010: 4]. При широком подходе к данному термину лакуна рассматривается как феномен межкультурной коммуникации и представляет собой «скрытое расхождение, обусловленное различием национального сознания коммуникантов, приводящее к непониманию» [Дашидоржиева, 2011: 3].

Лакуны неоднородны по своей природе. Опираясь на точку зрения Д.М. Бекасова, можно выделить следующие типы лагун: *лингвистические*, к которым относятся лексические, грамматические и стилистические пробелы в языке; *ментальные*, среди которых выделяются психологические, поведенческие лакуны и др. [Бекасов 2012: 7].

Обе группы неразрывно связаны, поскольку отсутствие в культуре определенного явления (например, в русской культуре понятия *siesta* или *ofrenda*), как правило, приводит к отсутствию выражающей его лексемы. В рамках двух выше обозначенных групп необходимо выделить так называемые *случайные лакуны*, т.е. такие лексемы одного языка, которые по неизвестным причинам не имеют соответствий в лексическом составе другого языка [Бархударов, 1975: 95].

В рамках теории лакунарности используется также понятие *лакунарной напряженности*, под которой понимается количество реплик в коммуникации, выражающих несогласие, непонимание или неприятие (т. е. *чужих реплик*, показывающих недостаточную смысловую прозрачность поведения коммуниканта) [Марковина, Сорокин: 2010: 5].

2. *Теория культуронимов*. Культуроним представляет собой общее наименование элементов культуры. В зависимости от универсальности или специфичности данных единиц, как правило, выделяются два типа:

а) *полионимы* – универсальные элементы земной цивилизации, которые

присутствуют в ряде культур. При взаимодействии двух языков складываются бинарные полионимы (*calle* – *улица*). В зависимости от общности этимологии или ее отсутствия выделяются *гомогенные* бинары (*revolución* – *революция*) и *гетерогенные* бинары (пары слов, не имеющие общей этимологии, например, *casa* – *дом*);

б) *идиокультуронимы* – специфические культуронимы. В рамках данного типа разграничивают два подтипа: *идионимы* – первичные идиокультуронимы, специфические элементы своей культуры – и *ксенонимы*, лексемы, обозначающие специфические элементы чужих культур. «В традиционной лингвистике эта лексика фигурирует под различными терминами, но чаще всего такие слова называют языковыми реалиями» [Кабакчи, 2005: 166 – 167].

3. *Теория прецедентности*. Под *прецедентными феноменами* понимаются «феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и наконец такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987: 216]. Прецедентные феномены, как правило, подразделяют на прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные тексты. Так, прецедентные имена «используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [Нахимова, 2007: URL].

4. *Теория прототипов* была выдвинута американской исследовательницей Э. Рош (E. Rosch) и разрабатывалась в рамках когнитивной психологии, где распознавание стимула описывается как соотнесение его с неким прототипом, который хранится в памяти и представляет собой абстрактную репрезентацию набора стимулов, образованных множеством сходных форм одной и той же модели. В разных культурах и языках не совпадают критерии выбора качества

предмета или явления, влияющие на определение прототипа. Это объясняется тем, что представители разных лингвокультур (то есть носители разных коммуникативных стилей) опираются на различный общественный опыт, привычки, традиции и как следствие оценки [Rosch, 1983: 73 – 86].

5. В рамках настоящей работы наибольший интерес представляет *теория языковых реалий*. Отметим, что, несмотря на то, что термин *реалия* крайне редко встречается в работах зарубежных исследователей, он широко используется отечественными исследователями. При широком подходе вышеуказанный термин включает в себя как предметы, процессы, явления, так и паралингвистическую составляющую: особенности жестикуляции, проявление эмоций, элементы быта, ситуации и др.

Помимо того, некоторые современные авторы включают в число реалий также коннотативные слова, «исходя из национального характера ассоциаций, сопряженных с определенными предметами реальной действительности и не имеющих аналогичных ассоциаций в сопоставляемой культуре» [Симакова, 2011: 51]. Так, например, Г.Д. Томахин, А.В. Симакова и др. предлагают разграничить *денотативные* и *коннотативные реалии*. К первой категории относятся «лексические единицы, семантическая структура которых целиком заполнена фоновой лексической информацией» [Симакова, 2011: 49]; ко второй – «слова, обозначающие предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и языке особые дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре» [Томахин, 1988: 220 – 221].

Подобная классификация реалий соотносится с делением культурно-маркированных слов В.Н. Телия. Согласно её подходу, к первому типу относятся лексические единицы, в которых культурно-значимая информация заключена в денотативном аспекте значения; у единиц второго типа культурно-значимая информация связана с их коннотативным аспектом значения» [Телия, 1996: 235].

Помимо двух указанных выше групп, выделяют *ассоциативные реалии*,

которые «находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т. п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно сходных слов в сравниваемых языках» [Виноградов, 2001: 37]. В зависимости от типа культурного компонента и от его объема в структуре общего значения слова можно говорить о более или менее культурно-маркированных лексических единицах.

Таким образом, несмотря на то, что ученые выделили основные признаки, характеризующие слова-реалии (национально-культурная маркированность; уникальность, специфичность для одной страны, ее культуры; принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным существительным [Алексеева, 2009: URL]), вопрос объема понятия *реалия* остается дискуссионным. В нашем исследовании данная проблема решена путем уточнения: по отношению к лексической единице мы оперируем понятием *слово-реалия*. Однако в свете исследования слов-реалий мексиканской культуры возникает ряд дополнительных вопросов:

1. Являются ли словами-реалиями регионализмы, в частности латиноамериканизмы и мексиканизмы?

Например, такие лексемы, как *cuate*, которая согласно словарю мексиканизмов имеет значение *amigo* (друг), *gemelo* (близнец), *mellizo* (двойняшка) [Macazaga Ordoño: 1999, 28], не обозначают уникальные для Мексики понятия или явления. Тем не менее их присутствие в речи говорящего маркирует его как носителя определенной лингвокультуры. К этому же случаю относятся и такие междометия-мексиканизмы, как *orale* (призыв, побуждение и др.) и *hijole/jijole* (удивление, разочарование и др.).

2. Правомерно ли считать словами-реалиями лексемы испанского языка, употребляемые в речи не носителей испаноязычной лингвокультуры? Например, в тех случаях, когда они рассказывают о данной стране или имитируют речь её жителей.

Следует отметить, что один из анализируемых нами романов, «The power of the dog», написан на английском языке, однако в нём встречаются отдельные слова и даже предложения на испанском. Вопрос о статусе лексемы не возникает, когда она обозначает уникальное понятие мексиканской культуры (например, *pan de muertos, ofrenda*). Однако и общеиспанские слова (*tío, pan, agua*), обозначающие универсальные понятия, создают определенный колорит, который за счет общего контекста сужается до мексиканского.

Опираясь на определение слов-реалий, предложенное С. Влаховым, С. Флориным, Э.А. Левиной, в настоящей работе под *словами-реалиями* понимаются слова и словосочетания, называющие предметы, явления и абстрактные понятия, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) того или иного этноса (в частности, мексиканцев) и полностью или частично отсутствующие у других народов. К категории слов-реалий мы относим и регионализмы (мексиканизмы, латиноамериканизмы) и т. д., также испанские лексемы, функционирующие в художественных текстах на любом языке, кроме испанского.

Что касается вопроса классификации слов-реалий, то он также является дискуссионным. Одной из причин такого положения дел является разное понимание самого термина в работах ученых. В настоящее время существует несколько классификаций, рассматривающих данное явление в зависимости от признака, положенного в основу.

В первую очередь необходимо упомянуть уже ставшую хрестоматийной комплексную классификацию болгарских учёных С. Влахова и С. Флорина, которые выделили группы реалий по *предметному, местному* (в зависимости от национальной и языковой принадлежности), *временному* (по признаку «знакомости») и *переводческому* делению, а позднее добавили дополнительные параметры: *степень освоенности, распространенность, приемы передачи и формы реалий*. Достоинство данной классификации состоит в её детальности и системности [Влахов, Флорин, 1980: 59 – 88].

О.А. Корнилов, утверждая, что особенности внешней среды, воздействующей на сознание, и различная работа национального языкового сознания обуславливают национальную специфичность лексики, разделил реалии по характеру детерминированности внешними качествами на две группы (реалии *типа А* и *типа В*):

1. Лексические реалии *типа А* – это культурно-специфические реалии жизни и быта народа, которые не имеют соответствий на уровне концептов и лексических соответствий в других языках. В рамках данной группы выделяются две подгруппы: лексемы *типа А1*, обозначающие специфические концепты, которые отсутствуют в других языках; слова *типа А2*, к которым относятся обозначения неспецифических, универсальных концептов, имеющих специфические прототипы.

2. Лексика *типа В* представляет собой наименования абстрактных понятий. Сложность в понимании слов этой группы состоит в том, что в исходном языке функционируют псевдокорреляты, что «затрудняет попытки проникнуть в суть подобных понятий, поскольку проблема как бы снимается» [Корнилов, 2003: 149].

Представленные в работе О.А. Корнилова национально-специфические типы лексики свидетельствуют о том, что лексическая единица, отражающая фрагмент национальной картины мира, независимо от того, называет она конкретный факт (концепт) реальной действительности или обозначает абстрактное понятие, всегда выступает как национально окрашенная.

Взяв за основу классификацию О.А. Корнилова, Ю.С. Гумен разработала собственную типологию культурно-специфических слов, исходя из трёх параметров:

1. *Параметр пространственного ограничения.* Под данным критерием понимается степень специфичности обозначаемых концептов. В рамках этого параметра лексика делится на *абсолютно специфическую* и *ограниченно специфическую*. Под первой категорией слов понимаются лексические единицы, называющие «уникально-специфические для локальной культуры референты,

вызывающие специфические ассоциации у модальной личности данной локальной культуры и не вызывающие такие ассоциации у модальной личности другой локальной культуры», а под второй – «референты, характерно специфические для группы локальных культур, вызывающие специфические ассоциации у модальной личности каждой культуры, входящих в выделенную группу» [Гумен, 2004: 37 – 43].

2. *Когнитивный параметр*, т.е. характер специфичности лексемы. В рамках этого параметра выделяется *референт-специфическая лексика*, именуемая уникальные референты, и *концепт-специфическая лексика*, вызывающая культурно обусловленные ассоциации у носителей языка вследствие специфичности прототипов и коннотаций.

3. *Сигматический параметр*. В зависимости от вида обозначаемого референта в экстралингвистической реальности выделяются шесть основных пластов, которые обладают наиболее ярко выраженными этнодифференциальными характеристиками и являются формообразующими для определенной локальной культуры:

1) *природно-географическая среда*, в рамках которой можно говорить о нескольких группах слов:

— обозначения реально существующих в данном для локальной культуры пространственном континууме населенных пунктов и географических образований. В сознании носителей эти географические маркеры обычно не ассоциируются с общественно-значимыми событиями;

— обозначения, вызывающие устойчивые культурно-специфические ассоциации с теми или иными общественными, культурными и/или историческими событиями;

2) *персоналии*. По степени авторизации, под которой понимается «степень обработки данного материала и характер связи номинации с денотатом» [Бешкарева 1999, 8 – 9 цит. по Гумен, 2004: 42], антропонимы подразделяются на три группы: антропонимы *нулевой авторизации*, к которым относятся имена

собственные реальных людей и/или персонажей прецедентных вербальных или невербальных текстов, закрепленные в фоновых знаниях лингвокультурной общности; *собственно авторизованные антропонимы*, включающие в себя окказиональные имена собственные или имена собственные, взятые из реальной действительности; *косвенно авторизованные антропонимы*: имена собственные с намеренно измененной автором фонетической оболочкой, степень и характер трансформации которой не позволяет потерять таким антропонимам свойств десигнаторов;

3) *исторические и общественно-политические события, политическая структура общества* (включая административное деление), *экономическая и хозяйственная деятельность*;

4) *быт* (включая непосредственное бытовое окружение, предметы обихода, единицы измерения), *традиции и обычаи* (включая мифы, поверья, фольклор и игры);

5) *национальный характер, ментальность*;

6) «*культурный фонд*», *произведения литературы и искусства* [Гумен, 2004: 37 – 43].

Как мы видим, подобные типологии не затрагивают вопрос о способе передачи той или иной реалии в языке перевода, поэтому появляются также классификации, рассматривающие реалии с этой точки зрения. Так, например, Н.А. Фененко и А.А. Кретов на материале французского языка и культуры создали классификацию реалий, учитывающую наличие реальных артефактов и натурфактов, составляющих среду обитания этноса, их отражение в сознании индивидов и номинацию отраженной реальности в языке [Фененко, Кретов, 1999: URL]. Авторы, сохранив термин *реалия* в качестве родового, разработали трехчастную типологию:

1. *R-реалии* обозначают явления внеязыковой действительности и служат для установления связи слов с новыми значениями, расширяя «номинативные возможности и денотативное пространство языка перевода».

2. *C-реалии*, представляющие собой культурные эквиваленты (концепты) явлений внеязыковой действительности, обогащают концептосферу языка перевода за счет создания новых понятий.

3. *L-реалии*, под которыми понимаются средства номинации культурного концепта в языке [Фененко, 2001: 85 – 86].

А.А. Кретов и Н.А. Фененко полагают, что, будучи культурно-специфичными языковыми единицами, реалии позволят выявить особенности отражения *своей* и специфику освоения *чужой* действительности в языке [Кретов, Фененко, 2011: URL].

Принимая за основу вышеописанную типологию, И.В. Чарычанская предлагает при переводе оригинального текста выделять *фактуальные* реалии, которые передают исключительно содержательно-фактуальную информацию, и *ассоциативные* реалии, которые передают содержательно-концептуальную информацию. Если проводить параллель с типологией Н.А. Фененко и А.А. Кретьова, то *фактуальные* реалии «соответствуют R-реалиям, поскольку их основная функция состоит в обозначении явлений внеязыковой действительности, а *ассоциативные* реалии, являющиеся носителями концепта, – C-реалиям» [Чарычанская, 2003: 74]. Данная классификация ориентирована на выбор оптимального способа передачи реалий на другой язык.

Таким образом, существует несколько различных подходов к определению и типологии термина *реалия*. Это многообразие вызвано комплексным характером явления и целями, которые ставят перед собой исследователи при изучении реалий.

1.2.2 Слова-реалии как компонент мексиканской языковой картины мира

Взаимосвязь и взаимодействие языка этноса и его национального сознания интересует ученых на протяжении последних двухсот лет. Еще в XIX веке исследователи пришли к выводу, что в языке отражается история его народа.

Иными словами, он «представляет собой основную среду определения, сохранения и передачи социального опыта, а также инструмент объективации субъективных значений» [Евсеева, 2009: 3]. Следовательно, присутствие в языке целого пласта культурно-специфических слов является неслучайным.

Термин «картина мира» был предложен немецким ученым Л. Вайстербером в 30-е гг. XX века и в настоящий момент прочно закрепился в науке [Даниленко, 2009: URL]. Такие исследователи, как А. Вежбицкая (2001), В.И. Карасик (2008), О.А. Корнилов (2003) и др., занимались изучением вопросов отражения национальной картины мира в языке.

В настоящее время под *языковой картиной мира* чаще всего понимается «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2010: 54]

Одним из важных компонентов языковой картины мира выступают *слова-реалии*, большую часть которых можно считать ключевыми единицами языка, т.е. «такими единицами, которые помогают понять какие-то важные особенности культуры народа, пользующегося данным языком» [Сорокина, 2008: 10 – 11]. На наш взгляд, существует несколько основных причин появления указанного выше типа лексических единиц в национальной языковой картине мира мексиканского этноса:

1. *Географическое положение и экономическое развитие Мексики.* Так, слова-реалии типа *selva, rampa*, а также названия эндемиков (*obregonia, eucodonia, reinita roja*) появились в мексиканском варианте испанского языка вследствие географических особенностей расположения страны.

В связи с тем что на территории Мексики проживает ряд индейских народностей, ряд местных наименования (например, имена богов, топонимы, названия индейских продуктов и блюд, др.) закрепились в мексиканском варианте испанского языка.

Обозначающие эти понятия слова-реалии, как правило, являются индихенизмами (например, *Plateloico, acapaneca, aguate, cacahuate* и др.).

2. *Этнографические* особенности культуры, к которым относятся быт, условия и формы труда, фольклор, обычаи и традиции. Слова-реалии типа *Día de los muertos, ofrenda, pan de muertos* также представляют собой развитие элементов индейской культуры, которая на сегодняшний день является неотъемлемой частью мексиканской культуры.

Слова-реалии закрепляют и особенности внутренней жизни общества: например, такие мексиканские реалии, как *narcocorrída* (песня о жизни наркоторговцев), *narcosanto* (покровитель наркоторговцев), свидетельствуют об определенной роли торговли наркотиками в жизни данного общества.

Важно подчеркнуть, что слова, обладающие культурно-специфическими значениями, отражают не только образ жизни, характерный для языкового коллектива, и его историю, но и *образ мышления*. Так, например, в испанском языке не существует эквивалента русской лексеме «сутки». Вместо него используется выражение *veinticuatro horas* (24 часа) или *día y noche* (день и ночь).

3. *Особенности исторического развития (войны, революции, перевороты)*. Этот фактор определяет наличие в мексиканском варианте испанского языка слов-реалий типа *Grito de Dolores* (праздник, связанный с таким историческим событием, как призыв священника Мигеля Идальго-и-Костилья начать войну за независимость Мексики от Испании). Мексиканская революция способствовала появлению значительного количества слов-реалий в мексиканском коммуникативном стиле. Так, например, в честь революционеров названо большое количество улиц и площадей страны.

По мнению О.А. Корнилова, характерные черты культур стран Латинской Америки привели к тому, что «все национально-специфическое, заключенное в генах народа и являющееся результатом всего его предшествующего развития в условиях конкретной внешней среды, по-своему деформировало предложенный каждому из народов историей испанский язык в его кубинский, колумбийский, перуанский и т.п.

варианты. Такие деформации прослеживаются на всех уровнях языка: в фонетике, лексике, синтаксисе... на уровне речевых произведений, их стилистики и тональности, на уровне особенностей метафоричности мышления...» [Корнилов, 2003: 127].

Иной позиции придерживается Ю.И. Семенов, который полагает, что «язык, отличая англичан от французов, не отделяет их от американцев, англо-канадцев, англо-австралийцев, англо-новозеландцев. Отличая испанцев, скажем, от шведов, язык не отграничивает их от мексиканцев, кубинцев, чилийцев, аргентинцев. Однако различие... между англичанами и американцами, ... испанцами и чилийцами проявляется в культуре» [Семенов, 2003: URL].

В свою очередь, С.Г. Тер-Минасова полагает, что основная культурная нагрузка падает на лексику, поскольку именно из слов и словосочетаний складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. В качестве примера она приводит устойчивые выражения – фразеологизмы, идиомы, пословицы и поговорки, то есть тот пласт языка, в котором напрямую отражена мудрость народа и результаты его культурного опыта [Тер-Минасова, 2000: 147].

Как было отмечено ранее, под влиянием индейских языков и местной культуры в мексиканском варианте испанского языка появились *индихенизмы*. Исследуя упомянутые лексические единицы, О.С. Чеснокова выделяет 19 лексико-семантических групп индихенизмов (названия флоры, фауны, предметов народных промыслов, лекарственных трав и средств народной медицины, исторические реалии и др.). Интересно, что в мексиканском варианте испанского языка присутствуют одновременно заимствования из разных индейских языков: *аравакизмы*, *майякизмы*, *науатлизмы* и др. В настоящее время некоторые индихенизмы полностью адаптированы испанским языком и входят в состав идиоматических выражений [Чеснокова, 2006: 72 – 81].

Часть слов-реалий мексиканской культуры является *мексиканизмами* – словами, словосочетаниями или значениями, характерными для мексиканского варианта языка, которые используются в нем отличным образом от других национальных вариантов испанского языка. При широком понимании данного термина к нему также относят грамматические явления, например, особые случаи употребления Preterito Indefinido

вместо Preterito Imperfecto в Мексике.

Х. Морено де Альба выделяет два типа мексиканизмов:

1) *диахронические*, т.е. лексемы появившиеся на территории Мексики, но в настоящее время употребляющиеся в различных регионах, например, *chocolate*;

2) *синхронические*, которые используются только в Мексике, независимо от места их происхождения. Например, для обозначения бассейна мексиканцы употребляют лексему *alberca*, которая происходит из иврита – *bereka* + арабский артикль *al*; в большинстве остальных испаноязычных стран распространено слово *piscina* (в Аргентине – *pilete*). К данной подгруппе мексиканизмов относятся индихенизмы [Alba, 2000: 198].

Таким образом, национальные слова-реалии, появившиеся в языке по ряду различных причин, являются неотъемлемой частью мексиканской языковой картины мира. Будучи следствием проявления культурно-коммуникативной вариативности и появившись в языке по ряду различных причин, слова-реалии, как правило, представляют особую трудность в процессе межкультурной коммуникации.

1.2.3 Мексиканские слова-реалии – барьер в процессе межкультурной коммуникации и интеракции

Барьером в процессе межкультурной коммуникации языковые слова-реалии могут стать в силу уникальности национальной языковой картины мира и особенностей ментальности каждого этноса. В научной литературе есть целый ряд терминов для обозначения подобных затруднений: *помехи, трудности, нарушения контактов коммуникации* и т. д. В Энциклопедическом словаре под общей редакцией А.А. Бодалева под *барьерами* межкультурных отношений понимаются «определенные препятствия или проблемы, возникающие вследствие непонимания вербальных или невербальных сигналов пространственно-временного действия, затрудняющих интеракцию и мешающих обмену информацией, которые сопровождаются дискомфортом и отрицательными переживаниями» [Бодалева, 2011: URL].

А.П. Садохин, анализируя упомянутый выше терминологический ряд, полагает, что если к *барьерам* относятся «факторы, которые препятствуют взаимодействию партнеров и не допускают адекватного их взаимопонимания», то *помехи* влияют на качество процесса коммуникации в плане его снижения. Отдельно отметим, что незнание языка ученый относит к помехам межкультурной коммуникации, так как «оно может быть компенсировано невербальными и паравербальными средствами», а разницу в культурных традициях, нормах и ценностях – к барьерам [Садохин, 2008: URL].

Исследователи давно пришли к выводу, что барьеры межкультурной коммуникации (и коммуникации в целом) можно рассмотреть с точки зрения разных областей знания и, соответственно, существуют типологии барьеров по различным основаниям: по тяжести протекания коммуникации, типу действующих помех, степени результативности, вовлеченности партнеров, возможности изменений и др. Так, например, выделяются следующие типы:

1. *Барьеры на уровне содержания*, которые возникают из-за различных лингвистических расхождений в языках, на которых говорят коммуниканты.

2. *Барьеры на уровне отношений*, появляющиеся по причине «принадлежности участников к различным социокультурным группам» [Садохин, 2008: URL].

В рамках нашей работы большой интерес представляют барьеры первого типа, так как расхождения и особенности данного уровня отражаются в тех реалиях, которые могут осложнять межкультурную коммуникацию по двум основным причинам:

1. Один из коммуникантов не знаком с данной реалией, поскольку она отсутствует в его культуре. В данную категорию попадает персоналий, например, имена исторических деятелей (*Hernán Cortés*, *Pancho Villa*, др.), имена богов (*Huitzilopochtli*, *Quetzalcóatl*, др.), а также исторические названия городов (*Tenochtitlan*). Проблема понимания в данном случае лежит глубже, чем незнание одной лексической единицы, поскольку за реалией, как правило, стоит

имплицитная культурологическая информация.

2. Коммуниканты смотрят на ту или иную реалию с позиции разных культур, вследствие чего происходит её неодинаковое декодирование и вырабатывается разное (вплоть до диаметрально противоположного) отношение к обозначаемому ею понятию или явлению. Например, как правило, не совпадает отношение испанцев и мексиканцев к колонизации Латинской Америки.

Перенасыщение речи данным пластом лексики может привести к замутнению смысла высказывания для носителей другого национального варианта испанского языка. С другой стороны, присутствие в речи слов-реалий той или иной культуры является маркером *своего* для носителей определенного коммуникативного стиля и может упростить процесс коммуникации. Например, мексиканский ресторан *La venganza de Malinche*, расположенный в центре Мадрида, делает скидку посетителям, которые знают о роли Малинче в истории Мексики.

Важными функциями слов-реалий является создание эффекта *узнаваемости*. Это свойство широко используется писателями для моделирования того или иного национального коммуникативного стиля в художественном дискурсе. Однако важно отметить, что употребление определенных слов-реалий может вызвать обратный эффект: так, например, наиболее растиражированные слова-реалии определенной культуры (в случае с Мексикой – *sombrero, tequila, mariachi*), ставшие стереотипичными символами страны для других культур, могут вызвать раздражение у мексиканцев вследствие того, что они уже давно не отражают действительность их страны.

Итак, слова-реалии являются одной из тех причин, которые приводят к возникновению барьеров в межкультурном общении. Проявление новых слов-реалий в процессе исторического развития различных этносов, пользующихся одним языком, способствует отдалению национальных вариантов одного языка и появлению сложностей в процессе межкультурной коммуникации.

Выводы

1. Среди факторов, непосредственно детерминирующих ментальность современных мексиканцев выделяются четыре основных: испанская колонизация, получение независимости от Испании, Мексиканская Революция и геополитическое положение (близость к США).

2. Глобализация может спровоцировать усиление этноцентрических тенденций в обществе. Следствием усиления этноцентризма является не только рост патриотизма и популяризация родного языка, но и появление новых этностереотипов (авто- и гетеро-) и этнонимов.

3. Помимо роста этноцентризма, глобализация приводит к необходимости культурной адаптации этносов. В этой связи испанский язык занимает особую позицию, поскольку, с одной стороны, находится под влиянием английского языка, а, с другой – используется как основное средство общения в целом ряде стран и может потерять своё единство, адаптируясь к местным условиям.

4. В современной науке отсутствует единство мнений о характере взаимодействия и этапах развития испано-индейских контактов, заложивших основу мексиканского национального варианта испанского языка и мексиканской культуры в целом.

5. Специфика предметного и когнитивного мира мексиканцев прослеживается в мексиканском варианте испанского языка, являющемся инструментом самосохранения этноса и обособления *своих* от чужих, в первую очередь, за счет слов-реалий. В настоящей работе используется широкое понимание данного термина (в него включаются регионализмы). Существует несколько различных подходов к выделению реалий, их типологии и классификации, что вызвано комплексным характером явления и целями, которые ставят перед собой исследователи при изучении слов-реалий.

6. Слова-реалии играют важную роль в процессе межкультурной

коммуникации. Перенасыщение ими речи может привести к затемнению смысла высказывания для носителей другого национального варианта испанского языка, становясь барьером в процессе межкультурной коммуникации; в то же время корректное употребление слов-реалий является маркером *своего* для носителей определенного коммуникативного стиля и может повысить эффективность процесс коммуникации.

7. Слова-реалии являются неотъемлемым компонентом национального коммуникативного стиля. Национальный коммуникативный стиль противопоставлен глобальному коммуникативному стилю. Эта дихотомия является проекцией двух противоположных процессов современного мира – интеграции и дифференциации.

ГЛАВА II. Слова-реалии как конститuentы национального коммуникативного стиля в мексиканском художественном дискурсе

Особенности общения закрепляются в языке, так как он выступает основным средством накопления и передачи знаний. По причине значимости этого процесса современные лингвисты и культурологи большое внимание уделяют изучению *национального коммуникативного стиля*, особую роль в реализации которого, согласно результатам проведенного фактологического исследования, играют слова-реалии. Можно говорить о двусторонней связи слов-реалий и национального коммуникативного стиля, в рамках которого они функционируют. С одной стороны, слова-реалии тесно связаны с материальной и духовной жизнью этноса и появляются в языке как необходимость номинации какого-либо понятия или предмета, пополняя, детализируя и формируя, таким образом, модель восприятия окружающей действительности членов данного этноса, оказывая влияние на их национальный коммуникативный стиль. С другой стороны, уже сформировавшаяся норма национального коммуникативного стиля может стать барьером для формирования в нём тех или иных реалий.

2.1 Мексиканский коммуникативный стиль как понятие теории межкультурной коммуникации

Прежде чем приступить к рассмотрению основные особенности мексиканского коммуникативного стиля, необходимо остановиться на понятии «*коммуникативный стиль*», которое активно используется в работах по межкультурной коммуникации и психологии общения (С.В. Мкртычян, И.А. Стернина, К. Хорни, У. Гудикунст и др.), а также в исследованиях, посвященных особенностями педагогического общения и поведения (Я.Л. Коломинский, Н.А. Березовин, В.А. Кан-Калик, Г.А. Ковалев и др.). Несмотря на высокий интерес к указанной проблематике как со стороны отечественных, так и зарубежных учёных, до настоящего времени исследователи не выработали единого терминологического инструментария (предложены термины: коммуникативный

стиль, стиль межличностного общения, стиль коммуникации и другие).

Остается нерешенным и вопрос об интерпретации понятия коммуникативного стиля. Одни исследователи подходят к коммуникативному стилю как к определенному *способу* взаимодействия с окружающими. Так, В.В. Бойко под *коммуникативным стилем* личности понимает «совокупность привычных для нее способов и средств установления и поддержания контактов с окружающими в различных формах взаимодействия – в беседах, переговорах, дискуссиях, спорах, а также в различных ситуациях взаимодействия – выработка идей, принятие и формулировка решений, преодоление конфликтов» [Бойко, 2008: URL].

Что касается позиции других ученых, то в их определении прослеживается пересечение понятий коммуникативного стиля и коммуникативного поведения. Например, М.А. Василик полагает, что *коммуникативный стиль* «обозначает привычные, устойчивые способы поведения, присущие данному человеку, которые он использует при установлении отношений и взаимодействии с другими людьми» [Василик, 2008: URL].

И.А. Стернин рассматривает коммуникативный стиль в качестве одного из факторов коммуникативного поведения, понимая под ним доминирующую манеру общения, проявляющуюся в большинстве коммуникативных ситуаций [Стернин, 2003: URL].

В то же время в понимании Л.Б. Куликовой *национальный коммуникативный стиль* – это «интегральная сущность, имеющая культурно- и лингвистически детерминированную природу, и определяется как устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова, 2009: 182]. В данном случае в понятие коммуникативного стиля включаются высота тона, интенсивность, скорость говорения, интонация, качество голоса, выбор

лексических и синтаксических средств, передача очереди, а паралингвистические средства.

Исследуя базовые компоненты и основные признаки коммуникативного стиля, необходимо остановиться на тех параметрах культуры, которые непосредственно определяют коммуникативный стиль индивида. Обобщая и систематизируя ряд культурологических концепций в свете теории межкультурной коммуникации, Л.В. Куликова предлагает выделять следующие параметры:

- контекстность культур (концепция Э. Холл);
- измерения культур (концепция Г. Хофстеде);
- ценностные ориентации культур (теория Ф. Клакхона, Ф. Стробека);
- типы культур (параметрическая система Р. Льюиса);
- специфика языковой картины мира, особенностей когнитивной базы культуры и когнитивной деятельности её представителей;
- коммуникативная тональность (оптимистическая / пессимистическая);
- прямота выражения содержания (прямой – непрямой стиль);
- рациональность (рациональный – интуитивный стиль);
- аргументативность (дедуктивный – индуктивный стиль);
- статусность (личностно-ориентированный / статусно-ориентированный стиль) и др. [Куликова, 2006: 107 –135].

Автор отмечает, что данный перечень может быть продолжен, поскольку «состав, количество и конкретное наполнение стилеобразующих факторов, параметров, признаков коммуникативного стиля требуют исследования и систематизации» [Куликова, 2004: URL].

При таком подходе понятие национального коммуникативного стиля пересекается с понятием национального коммуникативного поведения. Понятие «национальное коммуникативное поведение», введенным в научный обиход И.С. Стерниным, трактуется как «совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности» [Стернин, 2003: URL]. Л.В. Куликова отмечает, что национальный коммуникативный стиль выступает основой

национального коммуникативного поведения [Куликова, 2006: 67]. Позиция исследователя основывается на том, что не все факторы, релевантные при параметрическом описании коммуникативного поведения, целесообразно применять при моделировании национального коммуникативного стиля. Так, при моделировании национального коммуникативного стиля к релевантным факторам относятся: формальность/неформальность общения; коммуникативная самопрезентация; отношение к разногласиям; общительность; содержание общения; ориентация на собеседника; роль устного и письменного общения и невербальная организация общения. В то время как такие факторы, как коммуникативный самоконтроль, коммуникативная потребность в информации и др., играющие важную роль при описании коммуникативного поведения не задействуются при моделировании национального коммуникативного стиля.

При определенной близости предлагаемых подходов к определению национального коммуникативного стиля и национального коммуникативного поведения в рамках настоящей работы более целесообразным представляется использование термина «национальный коммуникативный стиль» в связи с тем, что материалом для исследования послужили художественные тексты различных авторов. При работе с указанным материалом вследствие специфики речи художественного произведения традиционно используется термин «стиль». Так, например, для обозначения системы «содержательных фактических (эстетических, модальных, экспрессивных и т.д.) и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора» [Ашимова, 2013: URL] оперируют термином «идиостиль».

2.1.1 Структура и ключевые параметры национального коммуникативного стиля

Понятие национального коммуникативного стиля оказалось в центре внимания ученых только в последние тридцать лет.

По мнению А.А. Ивановой, в составе национального коммуникативного

стиля можно выделить три взаимосвязанных компонента: понятийный, ценностный и коммуникативно-прагматический, включающий мотивы и интенции, которые реализуются посредством определенных стратегий и тактик [Иванова, 2012: URL].

В понимании Т.В. Лариной национальный коммуникативный стиль образован совокупностью двух взаимодополняющих подстилей: *национального стиля вербальной коммуникации* (набор «доминант, формируемых в результате регулярного использования определенных коммуникативных стратегий и предопределяемых ими языковых средств») и *национального стиля невербальной коммуникации* («совокупность исторически сложившихся и закреплённых традицией особенностей использования средств невербальной коммуникации – проксемических, кинесических, тактильных и др.») [Ларина, 2009: 34].

Для коммуникативной этностилистики и теории межкультурной коммуникации принципиально важными представляются попытки типологизации, описания и моделирования национальных стилей коммуникации, «поскольку они позволяют обобщить национально-культурные особенности коммуникативного поведения, проследить их логику и представить их в виде системы» [Солдатова, 2009: 44].

В связи с указанной проблематикой Т.В. Ларина (2009) предлагает выделить ряд параметров для описания национального коммуникативного стиля и сгруппировать их в зависимости от типа характеристики, положенной в его основу.

В *социокультурную группу* параметров исследователь включает следующие пары: дистантность / контактность, ориентированность на статус / ориентированность на личность, симметричность / асимметричность отношений.

В плане *аксиологической* характеристики выделяются такие параметры, как доминантные ценности культуры, которые оказывают воздействие на процесс коммуникации, среди них можно выделить личную автономию / интимность, уважение к статусу / равенство, искренность / сохранение лица, молодость /

старость.

В рамках нашей работы следует остановиться на таком критерии, как «сохранение лица», поскольку он играет одну из определяющих ролей в мексиканском коммуникативном стиле. Что касается самого понятия «*лицо*» (*face*), то оно было введено в науку американским социологом Э. Гоффманом. Чаще всего под ним понимается «позитивная социальная ценность, принадлежащая каждому члену общества» [Власян, 2011: URL].

К *социолингвистическим* факторам относятся субъектно-объектная ориентированность коммуникантов, степень допустимости прямого коммуникативного воздействия, прямолинейность/косвенность, степень формальности/неформальности (демократичности) в общении.

В *психолингвистическую* группу параметров включаются эмоциональная сдержанность / эмоциональная открытость, направленность и функциональная значимость эмоций, степень речевой экспрессивности.

Лингвистическая группа параметров состоит из наличия, отбора и предпочтения тех или иных языковых средств, особенностей синтаксической организации высказываний, степени ритуализованности высказываний, продолжительности отдельных высказываний, количества реплик, употребляемых в различных ситуациях общения и др.

К *паравербальным* параметрам Т.В. Ларина относит темп речи, громкость, тональность, допустимость и длину пауз, допустимость и роль молчания.

Невербальные параметры, в свою очередь, разделяются на проксежное, кинесическое и тактильное поведение [Ларина, 2009: URL].

При моделировании, т. е. осознанной попытке имитации национального коммуникативного стиля, важно максимально соблюдать приведенные выше параметры, чтобы у собеседника не возникало ощущения неестественности речи говорящего или ощущения того, что говорит представитель *чужой* культуры. Одной из причин подобного сбоя может стать некорректное (в качественном или количественном отношении) употребление слов-реалий той или иной

тематической группы.

Следует также отметить, что роль слов-реалий возрастает в косвенном коммуникативном стиле, поскольку слова и выражения данной группы, помимо лексического значения, как правило, наделены, ярким коннотативным значением и могут вызывать у слушающего определенные ассоциации.

Рассматривая вопросы типологии национальных коммуникативных стилей, большинство авторов ссылаются на классификацию У. Гудикунста, который выделил четыре группы стилей, основываясь на противопоставлении эмоциональных, моральных и эстетических норм различных культур и сделал вывод о том, что тип культуры и характерные для нее преобладающие ценности определяют доминирующий коммуникативный стиль [Цит. по: Ларина, 2009: URL]. Т.В. Ларина приводит краткое описание этих параметров:

1. *Прямой и непрямой* стили отражают способ выражения намерений говорящего. Для прямого стиля характерно ясное изложение намерений, а при непрямом стиле коммуникации говорящий косвенно, завуалированно выражает свои интенции.

2. *Развернутый и краткий* стили: данный параметр показывает, насколько подробно и детализированно принято излагать информацию в той или иной культуре.

3. *Личностный и контекстуальный* стили определяются значением ролевых отношений между коммуникантами. Личностный стиль характеризуется неформальным общением, равноправным положением участников коммуникации и направленностью на личность. Контекстуальный стиль, напротив, представляет формальное общение и направлен на подчеркивание ролевых отношений между коммуникантами.

4. *Инструментальный и аффективный* стили определяются целями общения: если первый стиль служит для достижения некоего результата в процессе коммуникации, то второй ориентирован на сам процесс общения [Gudykunst, 1988: 100 – 112].

Национальный коммуникативный стиль проявляет свои специфические черты в различных коммуникативных дискурсах. Перечисленные выше параметры подходят и для описания национального коммуникативного стиля, представленного в художественных текстах, поскольку в них, как правило, так или иначе отражены различные стороны коммуникации.

Поскольку целью настоящей работы является анализ актуализации и моделирования именно мексиканского коммуникативного стиля, то в следующем подразделе рассматриваются непосредственно его основные характеристики.

2.1.2. Аксиологический и социокультурный параметры мексиканского коммуникативного стиля

Ряд ученых: И.В. Смирнова, П. Бутрагеньо (P. Butragueño) и др. – подчеркивает тот факт, что мексиканская культура в целом и мексиканский вариант испанского языка не обладают гомологичностью, а распадаются на несколько региональных вариантов. Отчасти такая неоднородность мексиканского варианта испанского языка объясняется историко-культурным контекстом: на территории современной Мексики проживали (и частично сохранились) различные племена индейцев со своим национальным языком и культурой, которые оказали и продолжают оказывать влияние на испанский язык каждого региона страны.

Тем не менее, в общественном сознании укрепилась мысль, что «в Мексике разговаривают определенным образом». Следовательно, в целом язык мексиканцев обладает определенными общими чертами, что позволяет говорить о некоем единстве и идентифицировать индивида, которому свойственны данные особенности испанского языка (и коммуникативного поведения), как представителя мексиканской культуры [Erdösová, 2011: 64]. Таким образом, в определенной мере можно говорить о единой мексиканской культуре, о некоем мексиканском варианте испанского языка, а следовательно, и о мексиканском коммуникативном стиле.

Рассмотрим его характерные черты, опираясь на параметрическую систему,

предложенную Т.В. Лариной.

Среди приоритетных ценностей мексиканской культуры и коммуникативного поведения мексиканцами выделяются уважение к статусу и «сохранение лица» коммуникантов, что реализуется в широком использовании нормативных форм вежливости:

1. **Вербальный запрос на разрешение совершения какого-либо действия.** О.С. Чеснокова, в частности, указывает, что намерение покинуть собеседника оформляется фразой «*Con permiso*», т.е. «с вашего/твоего позволения» [Чеснокова, 2006: 239]. Данное положение нашло отражение и в результатах проведенного нами анализа. Ср:

Si papi, no papi, de chocolate, con queso, sin chile, con permiso, me da igual (Diablo Guardián).

2. **Развернутое выражение благодарности** («защищает» лицо коммуниканта) и **похвалы**:

1. – *Nunca había probado algo tan exquisito, muchas gracias.* (Como agua para chocolate);

2. – *¡Estoy perfectamente! Tienes unas hijas maravillosas. ¡Y su conversación es fascinante!* (Como agua para chocolate);

3. *Y él todo diplomático, jurándome que no quería molestarme, pero de cualquier modo iba a ser un placer. Se vende hijo de puta con buenos modales, aproveche esta oferta por tiempo limitado* (Diablo Guardián).

3. **Косвенная диминутивность**, находящая свое отражение в многочисленных извинениях и «смягчающих фразах» (фразах, имеющих значение преуменьшения или нарочитого смягчения):

Todos los demás invitados, con uno u otro pretexto y con miradas libidinosas, también pidieron disculpas y se retiraron (Como agua para chocolate);

В Мексике человек с подобной манерой общения считается хорошо

воспитанным и вежливым.

Мексиканское общество имеет *строгую иерархическую структуру*. Те, кто занимает высокое положение в обществе благодаря своей семье, хорошему образованию или профессиональному положению, соблюдают необходимую формальную вежливость, нацеленную, как правило, на соблюдение дистанции по отношению к *чужим*. Отметим, что в этом состоит одно из принципиальных отличий мексиканского стиля общения, например, от американского. По классификации деловых культур, предложенной Г. Хофстеде, для Мексики характерен высокий уровень **дистанции власти (Power Distance)**: 81 единица при среднем показателе 70 [Hofstede, 2005: URL]. На лингвистическом уровне данная особенность проявляется:

– в частотном употреблении **обращения по титулу или занимаемой должности** [Чеснокова, 2006: 243] типа *doctor, abogado, oficial* при знакомстве, что подтверждается проанализированным нами фактологическим материалом:

1. *Soy disciplinado, maestro – le dije...* (Adán en Edén)

2. *No me confunda, licenciado* (Adán en Edén).

Обращению, обозначающему профессиональную роль, может предшествовать лексема «*señor*». «Употребление данных сложных обращений характерно для официальной деловой сферы, оно маркировано некоторым церемониальным оттенком» [Фирсова, 1999: URL]. Например:

– *Usted, ¿es mi amigo, señor licenciado?* (Adán en Edén).

– в широком использовании **форм вежливости и местоимения «Usted»**. В мексиканском варианте испанского языка оно полностью взяло на себя функции формы «*vosotros*», которое широко употребляется на Пиренейском полуострове. Так, например, в романе Э. Мендосы бандит обращается к своим старинным друзьям и клиентам на «*Usted*»:

...que pongan una botella en cada mesa para no estar batallando, ustedes son

mis amigos, son mi familia, son chicos de la película... (Un asesino solitario).

Данная местоименная форма употребляется как средство выражения уважения. Обращение на *tú* в официальной обстановке может быть воспринято как знак неуважения [Novinger, 2008: URL].

Местоименная форма *tú* широко употребляется при общении в кругу друзей, молодежи и в семейном дискурсе. Взрослые обращаются к детям на *tú*, однако дети за исключением случаев близкого родства отвечают на *Usted*. Традиция обращаться к собственным родителям на *Usted* нашла отражение в романе «Como agua para chocolate», в котором главная героиня обращается к своей матери:

– *Pero eso es cuando uno se equivoca y Usted misma dijo hace un momento que el mío era...* (Como agua para chocolate).

Как отмечает в одном из интервью А. Реверте, в Мексике человека могут застрелить, но обращаться при этом к нему будут на *Usted* (El pais, 2002: URL).

Употребление формы *tú*, возможно также в деловом дискурсе, когда начальник, обращаясь к подчиненному, хочет подчеркнуть их социальное неравенство [Novinger, 2008: URL]:

Les hablo de tú. Ellos me hablan de usted. (Algún privilegio de la autoridad)
Se ponen de pie cuando entro (Adán en Edén).

Таким образом, сохранение дистанции с собеседником в мексиканском коммуникативном стиле достигается за счет различных языковых средств.

2.1.3 Социолингвистические, лингвистические и психолингвистические параметры мексиканского коммуникативного стиля

Высококонтекстуальность мексиканского коммуникативного стиля связана со следующими его особенностями:

1. Частотность употребления метафор, фраз с двойным смыслом, каламбуров, игры слов (albur): «С мексиканцами надо быть очень

осмотрительными в общении, лучше говорить метафорами, двусмысленными фразами, которые могут быть поняты по-разному [Lindsay, 1988 цит. по: Cortés, 2002: URL]. Например:

...viejecitas desconocidas a las que nada les ha robado: mata por el gusto de matar y argumenta que sus víctimas estaban ya muy dadas al catre, machuchas y más felices muertas que vivas (Adán en Edén).

Фразеологическая единица *dado al catre* (буквально *отданный кровати*), имеющая значение *больной, уставший*, и лексема *machuchas* со значением *перезревший* обладают нейтральной коннотацией, в данном примере являются эвфемизмами и употреблены вместо более грубых и категоричных выражений *estar a la muerte* и *muy viejas* соответственно.

2. Косвенная номинация, иносказательность и др. с целью отказа от прямолинейности:

- *Usted, ¿es mi amigo, señor licenciado?*
- *No soy su enemigo, si eso es lo que le preocupa.*
- *No, ¿es mi amigo?*
- *No aspiraría a tanto (Adán en Edén).*

Как отмечают зарубежные исследователи, при коммуникации с представителями мексиканской лингвокультуры чрезмерная прямолинейность слишком опасна, поскольку может оскорбить собеседника или привести к непоправимым последствиям [Lindsay, 1988 цит. по: Cortés, 2002: URL].

Данную характеристику мексиканского коммуникативного стиля выделяют и некоторые отечественные исследователи. Так, например, О.С. Чеснокова отмечает, что для мексиканского этикета общения характерна «тенденция к иносказательности, обилие косвенных речевых актов, заменяющих прямое побуждение, прямое утверждение и создающих таким образом конвенционально расцениваемую как вежливую тональность общения» [Чеснокова, 2006: 239].

Кроме того, для данного коммуникативного стиля несвойственно

использование прямых отказов. Согласно данным, которые приводит в исследовании В.Э. Моралес Гарсия, занимавшийся изучением стратегий отказа на просьбы, приглашения и др. у студентов штата Оахака, для данной категории мексиканцев крайне характерны не прямые речевые акты. Согласно его статистическим данным, количество не прямых отказов достигает 71,18%. [Morales García, 2009: URL].

Активное использование косвенных речевых актов скорее всего связано с установкой на «сохранение лица» собеседника, иными словами страхом задеть его или оскорбить. Когда мексиканцы просят перезвонить через пару недель, чтобы они смогли дать свой ответ на сделанное предложение, то сам звонивший (а не говорящий) несет ответственность за то, чтобы сразу понять, что просьба перезвонить является косвенным отказом на сделанное предложение [Andrade, 2003: 35]

Необходимо отметить, что среди наиболее ярко выраженных **лингвистических особенностей** мексиканского варианта испанского языка выделяются следующие:

– употребление глагола **haber** как личного в предложениях типа *Hay fiesta*. Соответственно дополнение функционирует как подлежащее, а глагол-сказуемое может стоять во множественном числе *Hubieron fiestas*. Такое употребление нередко можно услышать от хорошо образованных мексиканцев, и в настоящее время оно является практически повсеместным [La lengua española en América: normas y usos actuales, 2010: 172-173].

– использование **предлогов desde** и **hasta** не в традиционном значении обозначения начала и конца действия, а для обозначения времени, в течение которого происходит действие [La lengua española en América: normas y usos actuales, 2010: 42]. Так, *hasta* имеет значение русского предлога «с», и в предложении *Hasta mañana pagan* говорится о том, что заплатят не сегодня, а завтра:

*Dondequiera se oía que las campañas estaban bien ñengas, como decía el Chupafaros, pero yo **hasta** ese día agarré la onda, la verdad no me importaba un bledo, uno no puede estar en todo...* (Un asesino solitario).

Подобная характеристика провоцирует недопонимание между мексиканцами и другими испаноговорящими этносами;

– **расширение сферы употребления притяжательных местоимений** (например, при наименовании частей тела), которое иногда связывают с влиянием английского языка:

... «su» pueblo, con ese «su» tan mexicano que parece traducido del inglés: «¿Le duelen al niño «sus» ojitos»? ¿No me trae, señorita, «mi» café? (Entre fantasmas);

– **редупликация**: *luego luego; medio medio; mero mero*. Например:

Luego, luego se ve (Viejo gringo);

– **отсутствие согласования между ударной и безударной формами дополнения**:

*... yo invito carnales, yo invito, meseros: sirvan**le a todos**, choquen sus vasos, salud, salud, salud...* (Un asesino solitario);

– **отсутствие согласования косвенного дополнения и**, в частности, употребление «пустого» дополнения *le* [La lengua española en América: normas y usos actuales, 2010: 155]:

*...ahí nomás **te** la pasas con el chingado béisbol, **¡éntrale** al trabajo duro!, como los hombres...* (El amante de Janis Japlin).

«Пустое» дополнение *le* встречается также в формальном фатическом высказывании *Quihubole*, которое образовано путем слияния трех слов: *que + hubo + le* – и на сегодняшний день практически утратило свое исходное значение, зачастую воспринимаясь как приветствие.

Нельзя утверждать, что *le* является косвенным дополнением в привычном понимании этого термина, поскольку оно не только может примыкать к глагольным формам, но и входит в состав широко употребляемого мексиканизма *órale*, который образован от наречия *ahora* и может передавать целый ряд значений, и *híjole*:

1. *Entonces se me queda viendo y dice: **Híjole**, señorita, le sale como al doble que el avión* (Diablo guardián).

2. *A las siete en el Sanborns de San Angel, **Órale**, pero no voy si no me dices quién eres, y colgó...* (Un asesino solitario).

Возможно, эмфатическое значение *le* в мексиканском варианте испанского языка связано с влиянием науатля. Тем не менее Н. Ибарра полагает, что благодаря частице *le* переходные глаголы могут использоваться в качестве непереходных [Ibarra, 2009: URL].

Архаичные слова и выражения, которые вышли из употребления на территории Испании, функционируют в мексиканском коммуникативном стиле и не воспринимаются там как устаревшие, например: *¿qué tanto?* (в значении *¿cuánto?*), *muy noche*, *dizque*, *pararse* (в значении *ponerse de pie*), *demorarse*, *dilatarse*, *esculcar*, *bravo* (в значении *valiente*) [Lope Blanch, 1968: 94]:

1. *Las guardan **dizque** para reciclar* (Adán en el Edén).

2. *...no una belleza llamativa a lo María Félix o Dolores del Río pero tampoco fea como tantas mujeres chaparras, **prietas...*** (Adán en el Edén).

Среди лингвистических средств следует также отметить слова-реалии, которые являются непосредственной целью нашего исследования. Слова-реалии входят в состав ряда фразеологизмов:

*A ti?, dijo el Cifuentes con toda saña, A ti ni quien te pele güey, yo ni te he visto, y el bato se puso **como agua para chocolate*** (Un asesino solitario).

Лексема *chocolate*, обозначающая напиток из какао, сахара, ванили или

корицы, была заимствована науатлем из языка майя. Фразеологизм *como agua para chocolate* имеет значение *сильно желать чего-либо, быть яростным* [Macasaga Ortoño, 1999: 106].

В рамках данного параметра, необходимо также остановиться на коммуникативном поведении мексиканцев в таких обусловленных этикетными конвенциями ситуациях.

Приветствие. В Мексике используют общеиспанские формулы приветствия, которые четко ориентированы по времени. За формулами приветствия обычно следуют конвенциональные и семантически опустошенные формулы фатической коммуникации. Из традиционно мексиканских формул фатической коммуникации следует отметить выражения *¿Qué pasa?* и *¿Qué onda?*, а также *¿Quéhubo* и *Quihubole?*:

Como el velador no reconoció el Grand Marqués de Santos les apuntó con una carabina, Quiubo Chalío, Quiubo Santos, no te había reconocido (El amante de Janis Joplin).

Одним из самых ярких доказательств семантической опустошенности указанных формул является тот факт, что данные вопросы могут не сопровождаться ответом со стороны собеседника.

Прощание. Помимо общепринятой формулы прощания, в мексиканском коммуникативном стиле функционируют также варианты *Ahila* и *Ayla*, которые представляют собой сокращение фразы *Ahí la vemos*.

Намерение покинуть собеседника также может сопровождаться речевым актом обещания вернуться: *Ahora/ahorita/horita regreso (vengo)*. Ситуационно связанные формулы *Con permiso – Propio* функционируют так же, как формулы прощания, например, при выходе из небольшого магазина [Чеснокова, 2006: 244 – 245]. Ср.:

...mi hermana lo podría escuchar y no tiene por qué haber otra persona infeliz en esta casa. ¡Con permiso...! Ah (Como agua para chocolate).

Помимо того, широко используются формулы *Cuídate*, *Cuídate mucho* и заимствование-англицизм *Bye*.

Обращение к собеседнику. Среди средств вовлечения собеседника в диалог важное место в мексиканском коммуникативном стиле занимают многочисленные апелляции к собеседнику, в частности постоянные обращения к адресату [Чеснокова, 2006: 242]. Так, для коммуникативного стиля героя Адама Гонгора в романе К. Фуэнтеса «*Adán en el Edén*» характерно добавление фразы «¿Qué tal?» (в значении «как Вам это?») в конце реплики.

– *Por ejemplo, la amistad. ¿Qué tal?*

– *Ah. Como no.*

– *Yo trato de impedir que mis obligaciones y mis amistades se confundan en la misma torta. ¿Qué tal? (Adán en el Edén).*

Апелляция «¿Qué tal?» регулирует деятельность собеседника, в данном диалоге является стимулом, побуждающим к ответным репликам. Однако также можно встретить его как призыв сменить тему.

Что касается характеристик мексиканской культуры в рамках параметрической модели Г. Хофстеде [Hofstede, 2005: URL], то исследователь полагает, что для мексиканцев в целом *нехарактерен* высокий уровень *индивидуализма*, им больше свойственно *чувство принадлежности к определенной группе* (семье, рабочему коллективу, др.) и *коллективизм*, при котором члены одного общества чувствуют, что несут ответственность друг за друга.

2.1.4 Паравербальные и невербальные параметры мексиканского коммуникативного стиля

В Мексике под влиянием местного индейского языка науатль произошло изменение интонационного рисунка высказывания, а именно растягивание последнего слога. По этой причине, иногда туристы отмечают, что в этой части

страны жители «поют» («cantadito»), а не говорят [La lengua española en América: normas y usos actuales, 2010: 89]. На севере страны, где влияние науатля не столь сильно, говорят не плавно, а порывисто [Parra Sánchez, 2006: URL].

Мексиканский коммуникативный стиль характеризуется многозначными частотными паузами и отсутствием открытого выражения недовольства при любых условиях и результатах общения. Во время общения мексиканцы склонны стоять на небольшом расстоянии друг от друга и, в целом, достаточно спокойно относятся к прикосновениям во время беседы:

Abelardo luchando contra la sonrisa de amabilidad y el abrazo de la gratitud
(Adán en el Edén).

В знак приветствия принято не просто дотронуться щекой до щеки собеседника, как во многих других культурах, но и обнять его обеими руками (в отдельных случаях зафиксировать объятие на пару секунд):

Como el lector sabe (y si no sabe que aprenda), en México el abrazo entre hombres es un rito imprescindible de la amistad... (Adán en el Edén);

Итак, индивид идентифицируется как представитель мексиканской культуры, если он постоянно соблюдает вышеуказанные коммуникативные представления, правила и нормы. По этой причине мексиканские писатели в целях передачи национального колорита в художественном произведении актуализируют, а зарубежные авторы моделируют коммуникативный стиль своих героев, активно используя для достижения этих целей наряду с другими средствами слова-реалии.

2.2 Значимость слов-реалий при актуализации национального коммуникативного стиля в мексиканском художественном дискурсе

В силу специфики природы художественного дискурса и художественной информации функционирование слов-реалий в произведениях авторов различных национальностей отличается своеобразием.

2.2.1 Совмещение национального и индивидуального компонентов в художественном дискурсе и художественной картине мира

Любое художественное произведение создается под воздействием трех факторов: специфики художественного дискурса и художественной картины мира; индивидуальных особенностей писателя (его идиостиля); специфики его национальной картины мира.

К наполнению понятия *художественный дискурс* (в настоящем исследовании мы оперируем понятиями дискурс художественной литературы и художественный дискурс, используя их в качестве синонимов) существует несколько подходов:

1. «Совокупность художественных текстов, рассматриваемых с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов (культурных, социальных, психологических, прагматических), существенных для их адекватной интерпретации» [Кузнецова, 2012: URL].

2. «Социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, энциклопедические знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить духовное пространство человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию» [Гафарова, 2011: URL].

3. Форма знания или смысловой фонд, который обладает набором эмоционально-оценочных компонентов и регулирует речевое поведение индивида в художественной сфере [Миллер, 2004: 248].

По мнению различных авторов (О.А. Малетина, Л.В. Миллер, М.Т. Гаибова), художественная коммуникация осложнена рядом факторов, среди которых можно в первую очередь назвать *временную дистанцию* (современный/исторический контекст), *фактор пространства* (родная/инородная культура), а также лингвокультурологические характеристики: например, *культурно-исторический контекст* (в случае если адресат – представитель другой

культуры) [Макеева, 2000: 76 – 77].

В художественном дискурсе, как правило, выделяются *универсальные* компоненты и *специфические* конститутивные признаки художественного дискурса. Среди *универсальных* компонентов художественного дискурса называют *участников, хронотоп, цели, стратегии, жанры* и др.

В свою очередь, к *специфическим* компонентам художественного дискурса, относят *проективность, антропоцентричность, художественную информацию, вымышленность, стилизованность речи, синтез устной и письменной речи, эмотивные лингвистические средства* [Малетина, 2004: URL].

С точки зрения реализации и моделирования национального коммуникативного стиля, наибольший интерес представляет такой универсальный компонент, как *участники художественного дискурса*: писатель создает художественный образ, который обладает определенной национальной спецификой, т.к. его предметные детали, целенаправленно или бессознательно, соотносятся с национальной картиной мира автора произведения.

Среди *уникальных* компонентов также можно выделить составляющие, которые подвержены влиянию, обусловленному принадлежностью автора к той или иной лингвокультуре. К таким компонентам, в первую очередь, относятся проективность, антропоцентричность, стилизованность речи, вымышленность, а также эмотивные лингвистические средства. Рассмотрим каждый компонент подробнее.

1. *Проективность* художественного дискурса проявляется в «способности человека наделять окружающий его мир и людей своими собственными чертами и проблемами» [Малетина, 2004: URL]. При изображении представителей других национальностей и культур автор подсознательно вписывает их в систему стереотипных представлений, присущих его родной культуре. Для большей объективности изображаемой реальности и достижения эффекта документализации писатели посещают те страны, о которых они пишут: например, А. Перес Реверте для того, чтобы иметь непосредственное впечатление

о Мексике, побывал в этой стране во время написания романа «La Reina del Sur». В свою очередь, колумбийский писатель Ф. Вальехо, прожил в Мексике более 30 лет к тому времени, когда написал роман об этой стране «Entre fantasmas».

2. *Антропоцентричность художественного дискурса* подразумевает «познание и отражение мира в художественном произведении, направленное на познание человека» [Малетина, 2004: URL].

3. *Стилизованность речи* предполагает, что автор, создавая образ героев, как правило, наделяет их речь лексиконом и особенностями грамматики, которые, по его представлению, характеризуют их социальную или национальную принадлежность. Так, в романе «El amante de Janis Joplin» герои-наркоторговцы употребляют выражения, распространенные в криминальной среде (*hilo papalote, vidrios cocodrilo* и др.).

4. *Вымышленность* основывается на субъективном характере существования художественного текста [Филиппова, 2011: 20].

5. *Эмотивные лингвистические средства* также играют важную роль в системе художественного произведения. Под эмотивностью мы, вслед за Т.В. Лариной, понимаем сознательную, запланированную демонстрацию эмоций, имеющую определенную коммуникативную установку [Ларина, 2009: 152].

Такие компоненты, как *художественная информация, синтез устной и письменной речи*, на наш взгляд, меньше отражают специфику национального коммуникативного стиля автора.

Примечательна позиция С.Г. Филипповой, согласно которой «целью любого искусства является моделирование мира. Будучи отраженным, а не реальным, художественный мир приобретает относительную самостоятельность от мира реального» [Филиппова, 2011: URL].

Каждый автор представляет собой языковую личность с присущими ей индивидуальными когнитивными, прагматическими и языковыми особенностями, и художественная картина мира «актуализируется и особым образом структурируется в каждом конкретном художественном произведении» [Гумен,

2004: 50]. Правомерно говорить также об *индивидуальной художественной картине мира* писателя и *идиолекте* писателя, под которым чаще всего понимается опыт реализации свойств языковой системы в условиях речи отдельного индивидуума [Лютикова, 2000: URL].

Автор привносит в художественную картину мира своего произведения стереотипные убеждения, свойственные его культуре и эпохе. В некоторых случаях этот процесс протекает для него бессознательно. Однако иногда писатели намеренно опираются на стереотипы для того, чтобы сделать более узнаваемыми национальную принадлежность героя или эпоху, в которой происходит действие произведения.

Иными словами, время и пространство художественного текста, актуализированные в нем исторические и культурные реалии, а также личностные характеристики его персонажей несут этнокультурную нагрузку. Поэтому для обозначения «набора уникальных признаков, характеризующих природно-географическую среду, общественно-политическую жизнь, быт, искусство и историю локальной культуры, в которую текст погружен по замыслу автора, выражаемому в структуре художественного текста через разнообразные лексические, грамматические, фонетические, жанровые, стилистические и др. средства», был введен термин *срез этнокультурной специфики*. Данное понятие также используется для обозначения той среды, в которой было создано произведение [Гумен, 2004: 56].

Тот факт, что художественная коммуникация зачастую лишена общности запаса культурологического багажа и знаний у отправителя и получателя сообщения, может привести к потере части информации в процессе декодирования художественного текста. В этой связи справедливо высказывание И.Ю. Плахотной о том, что «одно и то же высказывание оказывает разное воздействие на каждого адресата или группу адресатов... в зависимости от сформировавшейся у них концептуальной системы» [Плахотная, 2013: 43].

Что касается социокультурной информации, которую передают слова-

реалии в художественных текстах, то можно говорить о том, что она различается по степени имплицитности-эксплицитности:

1. Слова-реалии *своей* (родной) для писателя культуры, как правило, обладают имплицитной прагматической направленностью (термин Л.М. Бондарева), используются без пояснений, многие из них культурно-специфичны, потенциально незнакомы читателю другой лингвокультуры. И, следовательно, представляется сложным спрогнозировать эффект их воздействия на реципиента, поскольку слова-реалии реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал только в том случае, когда читатель имеет представление об объеме и содержании концепта, выражаемого словом-реалией. С другой стороны, слова-реалии *своей* культуры обладают способностью передавать информацию, закрытую для *чужаков* и декодируемую только представителями *своей* культуры.

2. При создании в произведении *чужого* национального колорита писатели довольно часто опираются на корпус наиболее широко известных реалий той или иной страны или культуры. В ряде случаев используемые слова-реалии сопровождаются авторскими пояснениями и комментариями, обладая эксплицитной прагматической направленностью.

Таким образом, коммуникативный стиль, реализуясь в художественном произведении, является продуктом национальной и индивидуальной картины мира автора. Вся совокупность использованных автором слов-реалий «выполняет единую содержательно-эстетическую задачу и может рассматриваться как своеобразный интенционально-содержательный комплекс, отражающий индивидуально-авторское представление об описываемой действительности, иными словами ”индивидуально-авторский реаликон”» [Фененко, 2014: 169].

2.2.2 Специфика использования национального коммуникативного стиля при создании мексиканской художественной картины мира

Интересный материал для исследования мексиканского коммуникативного

стиля в художественном дискурсе, по нашему мнению, предлагает подход, который можно было бы назвать *взглядом изнутри*. Этот подход базируется на таком понимании и описании художественного материала, которое характерно для определенной национальной группы в отношении самой себя (в нашем случае это мексиканцы). Иными словами, речь идет *самоквалификации*.

Определение своей идентичности уже на протяжении нескольких столетий волнует мексиканских мыслителей. По данной проблематике написаны работы многих зарубежных исследователей: К. Фуэнтеса (C. Fuentes), А. Экалона Рамоса (A. Escalona Ramos), А. Арамони (Aniceto Aramoni), Р. Бехара Наварро (R. Béjar Navarro) и др. Одним из наиболее известных писателей и философов, посвятивших свои труды описанию черт мексиканского национального характера (*El laberinto de la soledad*, *Sor Juana o Las trampas de la fe*, *Posdata* и другие произведения), является О. Пас (O. Paz).

Проанализированный нами фактологический материал показывает, что ряд черт мексиканского коммуникативного стиля, перечисленных в разделе 2.1.3., систематически используется писателями с целью создания в произведении мексиканского национального колорита. Наиболее частотные средства можно условно разделить на три группы: *лексические, грамматические и культурологические*.

К **первой** группе, по нашему мнению, следует отнести прежде всего такие яркие маркеры национальной идентичности, как **латиноамериканизмы** и **мексиканизмы**, т.е. слова или словосочетания, получившие распространение на территории Латинской Америки или непосредственно Мексики.

Примечательно, что в произведениях мексиканских писателей мексиканизмы как речевое средство национальной идентификации встречаются как в репликах героев, так и в речи автора.

В рамках мексиканизмов можно выделить подгруппу **мексиканизмов-индихенизмов**. Так, О.С. Чеснокова выделяет *обращения-науатлизмы*: *cuate* (от *coati* «близнец») и его многочисленные варианты: *coate*, *cuatezón*, *cuatacho* –

форма обращения к другу; а также **chamaco**, от *chamua* «толстеть», «созревать» (о кукурузе) – обращение к ребенку:

–¿*La hora de qué, chamaco?* (Adán en Edén)

Для ряда мексиканизмов-индихенизмов характерны различные коннотативные оттенки, что придает тексту наряду с национальной окраской дополнительную выразительность и эмоциональность. В качестве примера можно привести лексему **escuincle** (*парень, пацан*). Согласно словарю RAE, указанный индихенизм обладает деспективной коннотацией и принадлежит к разговорному стилю речи, что подтверждают примеры из проанализированных текстов и результаты проведенного исследования. В частности, в романе К. Фуэнтеса «Adán en Edén» лексему **escuincle** неоднократно употребляет главный герой Адам, скептически настроенный по отношению к мальчику-предсказателю:

...se burlan de él, lo mandan a la fregada por crear embotellamientos, voy retrasado, ya quítate pinche escuincle...(Adán en Edén)

Как можно заметить, данный науатлизм прошел общеиспанскую фонетическую и грамматическую ассимиляцию.

Помимо того, в данную группу средств также входят типичные мексиканские клише и фразеологизмы:

– *Nos dejaron a todos chiflando en la loma, se-ño-rrita* (Gringo viejo);

В группе **грамматических** средств в первую очередь необходимо назвать употребление *форм, содержащих сему уменьшительности*. В частности, необходимо выделить лексемы с диминутивными суффиксами, самым частотным среди которых является -ito (-ita). Примечательно, что данные суффиксы могут реализовываться не только в нарицательных существительных, но и в именах собственных (например, *Xocoyncito*).

Нередко они используются для выражения различных оттенков межличностных отношений – от нежности, вежливости и скромности до

презрения:

*Pues de qué me ha visto usted la cara, **caballerito**? (Adán en Edén)*

Обращение **caballerito** употребляет властный и авторитарный Дон Селестино во время спора со своим взрослым сыном. Традиционно форма обращения «caballero» используется при официальном общении. Однако в данном контексте присоединение оценочного суффикса *-ito* позволяет передать отрицательные эмоции (презрение, насмешку) и добавляет высказыванию ироничный оттенок.

Упомянутые выше суффиксы могут также присоединяться к наречиям и другим частям речи и передавать определенную стилистическую окраску:

1. *Hace un mes no la veo. **Chaucito**, Adán (Diablo Guardián).*

2. *Sí, pero **ahorita** no te lo puedo decir, tu tía se va a sentir mal si dejamos de hablar en inglés (Como agua para chocolate).*

Следует отметить, что лексема *ahorita* широко известна как маркер мексиканского коммуникативного стиля.

В прямой речи героев мексиканцев писателями также отмечаются следующие характеристики, присущие мексиканскому коммуникативному стилю:

– употребление «пустого» дополнения *le*:

*Se puso las botas, **Ándale**, lo apremió Fernanda, **tu** papá está muy preocupado (El amante de Janis Joplin);*

– ненормативное управление. Так, например, придаточное предложение примыкает к главному со структурой *estar seguro* без предлога *de*:

***Estoy seguro que** ella apreciaría un hombre con redaños, y además está aquí, al alcance de la mano (El amante de Janis Joplin);*

– предпочтение *Preterito Indefinido de Indicativo* сложным временам:

*¿Ya **cenaste**?, La famosa hospitalidad de los mexicanos, agregó la voz, Esta*

mujer es una verdadera matrona... (El amante de Janis Joplin).

Говоря о **культурологических** средствах, следует отметить, что в анализируемых романах читатель сталкивается с обусловленными этикетными конвенциями коммуникативными ситуациями, о которых уже упоминалось в нашей работе при характеристике основных параметров мексиканского коммуникативного стиля: *приветствие, прощание, обращение, выражение благодарности, просьбы* и др. В поведении героев реализуются нормы мексиканского коммуникативного стиля:

1. *¡Gracias, gracias, me esperan, hasta luegoito, hasta prontito!* (Adán en Edén);
2. – *El cliente manda, yo soy un simple comerciante* (Adán en Edén).

Во втором случае также нашла отражение и другая тенденция мексиканского коммуникативного стиля, а именно преуменьшение собственной роли и значимости говорящего.

В мексиканской культуре *уважение* является одной из основных ценностей, что обуславливает строгое соблюдение этикетных правил. В романе «Adán en Edén» главный герой принимает у себя гостя, и по мексиканским нормам следует обнять его в знак дружбы:

Como el lector sabe (y si no sabe que aprenda), en Mexico el abrazo entre hombres es un rito imprescindible de la amistad (Adán en Edén)

У гостя из-за болезни очень плохо пахнет изо рта, и главному герою не хочется даже к нему приближаться, однако он вынужден это сделать, потому что не может нарушить этикет: *...la cortesía me impone al abrazo...* (Adán en Edén).

Повышенное, несколько утрированное внимание к форме проявления уважению отмечает и другой мексиканский писатель, Э. Мендоса. В романе «Un asesino solitario» Сифуентес здоровается в кафе со своей знакомой, Брендой, стандартной фразой приветствия (*¿Qué tal carino?*), чем приводит в бешенство её спутника, поскольку девушка посмела улыбнуться в ответ. Интересно отметить,

что его гнев обрушивается не на девушку, а на Сифуентеса, поскольку, как он сам объясняет, *Ella viene conmigo y exijo el respeto* (Un asesino solitario).

Помимо ситуаций, связанных с этикетными конвенциями, писатели часто описывают национальные обычаи и традиции. Так, в романе «Como agua para chocolate» завязка сюжета построена вокруг старинной мексиканской традиции, согласно которой младшая дочь в семье не имеет права выходить замуж и обязана посвятить свою жизнь уходу за родителями.

Писатель подчеркивает скрытую эмоциональность своих героев, которая однажды может выплеснуться и привести к непоправимым последствиям. Так, в романе «Gringo viejo» индейский генерал Арройо, который в порыве ярости убил главного героя – американца, поплатился за это жизнью, потому что задел этим поступком честь своего командующего Панчо Вильи [Fuentes, 1985: URL].

Необходимо отметить, что не все характеристики мексиканского коммуникативного стиля, выделенные в подразделе 2.1, нашли отражение в проанализированных нами художественных произведениях (например, не встретилось случаев ненормативного употребления *estar* вместо глагола *ser*; ненормативного употребления глагола *gustar*).

Употребление слов-реалий в художественных произведениях позволяет авторам использовать их когнитивно-прагматический потенциал в соответствии со своими интенциями.

2.3 Когнитивно-прагматический потенциал мексиканских слов-реалий в романах современных мексиканских авторов

Последние несколько десятилетий фокус многих исследований сместился с *языка* как системы на *индивида* как меру всех вещей [Алефиренко, 2011: 17]. В этой связи И.А. Демениева утверждает, что сущность «антропоцентрической модели исследования заключается в том, что человек становится отправной точкой в исследовании тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы, конечные цели и результаты [Дементиева, 2013: 176].

Мощный импульс к развитию получают прагматика, когнитивистика, нейролингвистическое программирование, дискурсивный анализ, исследование речевого портрета и др.

В рамках настоящей работы наибольший интерес представляет исследование прагматического и когнитивного аспектов языковых явлений. Статус и границы прагматики продолжает вызывать споры, однако можно утверждать, что данная область знания занимается исследованием отношений знаков к субъектам, которые их производят и интерпретируют.

2.3.1 Когнитивно-прагматический подход

к исследованию языковых явлений в парадигме современного знания

Рассматривая прагматический уровень художественного текста, Н.С. Болотная говорит о его эстетически ориентированной прагматичности, под которой понимает «способность вызывать эстетический эффект, предусмотренный интенцией автора, его коммуникативной стратегией и эстетическим отношением к действительности» [Болотная, 2009: 242]. Прагматический уровень текста имеет лингвистическую и экстралингвистическую основу. «Прагматический уровень, рассматриваемый в экстралингвистическом плане, может быть назван эстетическим уровнем...» [Болотная, 2009: 243].

В свою очередь, когнитивистика в представлении многих авторов – это интегрированная система знаний и принципов, «обращенных на раскрытие механизмов и пределов существования человеческого типа сознания» [Сулимов, 2009: URL]. В ее рамках разрабатывается ряд частных теорий: теория выделенности, теория прототипов, теория фреймов, теория языковой личности и др.

В последние годы наблюдается активное взаимодействие вышеобозначенных прагматического и когнитивного направлений, что говорит о развитии интегративной субпарадигмы. Так, в русле когнитивно-прагматической доктрины написаны работы Н.Ф. Алефиренко (2014), Е.М. Гордеевой (2010), Н.В.

Карповской (2009), Е.С. Кубряковой (1990), О.Е. Рожковой (2003), И.В. Смирновой (2014) и др.

При этом следует отметить, что существуют различные точки зрения на соотношение вышеупомянутых направлений, среди которых доминируют следующие:

1) прагматика представляется частью когнитивной теории (когнитивный аспект первичен, прагматический аспект вторичен).

2) когнитивная теория является частью прагматики (прагматический аспект первичен, когнитивный аспект вторичен).

3) когнитивный и прагматический аспекты сближаются [Моргун, 2013: URL].

В этой связи В.И. Заботкина подчеркивает, что, с одной стороны, «конвергенция когнитивных и прагматических аспектов лингвистических исследований восходит к концепту «интерпретанта» Ч. Пирса»; а с другой стороны – их объединяет инференция [Заботкина, 1999: 3 – 4], «в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 33 – 34]. Касательно инференции подчеркивают, что языковая форма (и текст в том числе) «выступает сигналом не только того, что в ней реально присутствует, но и того, что подлежит семантическому выводу (инференции)» [Заварзина, 2010: URL].

По мнению Н.Ф. Алифиренко, фокус когнитивно-прагматической субпарадигмы языка направлен на ряд феноменов речедеятельности человека, к которым относятся «принципы и механизмы речемыслительной деятельности человека, рассматриваемые в широком социокультурном контексте, с учетом целей, намерений, условий дискурсивной деятельности», а также такие категории когнитивной лингвистики, как когнитивные структуры и когнитивные процессы [Алифиренко, 2011: 23].

Таким образом, трудно не согласиться, что для сближения данных

направлений существуют определенные предпосылки. На сегодняшний день связь когнитивных и прагматических факторов признается многими учёными, т.к. когнитивный компонент «позволяет анализировать информацию, вербализуемую в тексте, и стоящие за ней ментальные структуры, а дискурсивная составляющая – выявить способы представления данной информации адресату с учетом прагматической направленности всего текста и интенций его адресанта» [Иванова, 2012: 7].

В рамках нашего исследования большой интерес представляет тот факт, что указанный когнитивно-прагматический подход активно используется при анализе различных типов дискурса. По мнению Л.В. Цуриковой, это обусловлено, с одной стороны, возможностью рассмотрения «дискурса в терминах речевых актов и речевых событий», а также проведения анализа «собственно языковых его свойств и релевантных экстралингвистических (социопрагматических) факторов», а с другой – описания «структур репрезентации различных видов знания, детерминирующих речевые стратегии коммуникантов и выбор конкретных языковых форм в процессе их дискурсивной деятельности» [Цурикова, 2003: 166].

При выявлении и изучении необходимых для успешной дискурсивной деятельности видов знания исследователь стремится «понять, что необходимо знать человеку, чтобы адекватно, с точки зрения данной культуры, говорить о мире с представителями этой культуры» [Цурикова, 2003: 167 – 168]. Именно подобный угол зрения на проблему придает анализу межкультурной коммуникации в когнитивно-прагматическом ракурсе особую актуальность и эффективность.

Что касается применения данного подхода к исследованию художественного дискурса, то «актуальной оказывается проблема репрезентации знаний писателя о мире посредством образного слова, что обеспечивает эффективное воздействие на реципиента художественного произведения» [Ярошук, 2012: 182]. В этой связи необходимо остановиться на таких основополагающих понятиях, как *прагматическая установка автора, прагматическая функция и прагматический эффект*.

Прагматическая установка автора, отражая особенности его индивидуального мировосприятия и мироощущения, представляет собой «материализованное в речи осознанное конкретное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата» [Наер, 1985: 8]. Предполагается, что в случае успешной реализации авторской установки языковые единицы оказывают запланированный прагматический эффект на реципиента.

Прагматический эффект называют также эффектом целевого действия и воздействия, «так как он *всегда* является намеренным» [Карповская, 2014: 25].

Что касается *прагматической функции*, то она подразумевает «целенаправленное воздействие языкового знака на адресата в той или иной коммуникативной ситуации». Традиционно выделяются шесть ее разновидностей: *стилистическая* (в рамках которой говорят о функциях *гиперболизации*, *интенсификации*, *лаконизации*, а также *экспрессивно-образной* и *эмоционально-экспрессивной* функциях), *кумулятивная*, *директивная*, *резюмирующая*, *оценочная* и *контактоустанавливающая* функции [Карповская, 2014: 31 – 33].

При таком подходе к проблеме представляется актуальным и значимым рассмотрение вопроса о функциях непосредственно слов-реалий в художественных текстах. Так, Н.А. Фененко выделяет шесть функций слов-реалий:

1. Воссоздание местного (национального) колорита, т. е. воссоздание этнографических особенностей быта. Национальная принадлежность указывает на этнографическую природу реалии и её связь с материальной и духовной культурой этноса.

2. Воссоздание исторического колорита. Именно благодаря темпоральной отнесённости слов-реалий они могут становиться знаком своей эпохи и указывать на определенный историко-культурный период [Фененко, 2014: 156 – 157]. Рассматривая вопросы реализации слов-реалий в ретроспективном дискурсе, Л.М. Бондарева отмечает, что прагматический потенциал слов-реалий «актуализируется в ходе постижения и расшифровки читателем макроконтекста произведения, то

есть всего социально-исторического уклада и связанных с ним представлений, понятий, воззрений, характерных для реконструируемой писателем прошлой действительности» [Бондарева, 2014: URL].

3. **Эстетизация бытовой детали.** Данная функция позволяет показать, что «герои произведений неотделимы от своего материального окружения» [Фененко, 2014: 159]. Именно материальное окружение позволяет глубже раскрыть характер героев.

4. **Символьная функция.** По мнению Н.А. Фененко, данная функция слов-реалий является результатом «вторичного семиозиса, в процессе которого происходит изменение категориальной характеристики реалии» и предмет культуры превращается в культурный концепт [Фененко, 2014: 161 – 163].

5. **Ассоциативная функция.** Поскольку слова-реалии связаны с народной культурой, они способны выступать основой для создания различных реминисценций, аллюзий, ассоциаций, межтекстовых переключек [Фененко, 2014: 163].

6. **Маркирование чужой культуры.** К числу слов-реалий относятся заимствования «которые называют свойственные другой культуре натурфакты, артефакты или ментефакты. Тексты, репрезентирующие чужую культуру, представляют профилирование комплекса сведений о мире с изменением отношений „когнитивная фигура – когнитивный фон“». Автор подчеркивает, что при переструктурировании информации о *чужой* действительности чужая картина мира может быть сознательно или ненамеренно искажена с целью создания определенного воздействия на реципиента. При этом важно также учитывать степень известности слова-реалии «в принимающей культуре и уровень её освоенности принимающим языком, частотность её использования в данном тексте и роль, которая ей отводится в рамках эстетических задач произведения» [Фененко, 2014: 166 – 167].

Все перечисленные функции можно рассматривать в качестве категориальных. Кроме того, развивая данное положение Н.А. Фененко, можно

было бы отнести *воссоздание местного (национального) колорита, воссоздание исторического колорита, эстетизацию бытовой детали и маркерирование чужой культуры* в целом к собственно когнитивным функциям, в то время как *символьную и ассоциативную функции* – к когнитивно-прагматическим.

Кроме того, выделяются и другие функции слов-реалий, среди которых следует отметить: *оценочную, кумулятивную, характерологическую и локализирующую*. Остановимся на каждой из упомянутых функций.

Слова-реалии, выполняющие *оценочную* функцию не только называют предметы и явления, но и позволяют говорящему дать какую-либо оценку и характеристику, передавая информацию эмоционально-оценочного плана.

Кумулятивная функция – это функция хранения и передачи культурно-исторической информации, накопленной этнической общностью.

Слова-реалии в *характерологической* функции позволяют сообщить какую-либо информацию, позволяющую сделать определенные выводы об объекте речи.

Локализирующая функция – «способность культурно-специфической единицы сигнализировать о конкретной этнокультурной и пространственно-временной принадлежности обозначаемого объекта» [Гумен, 2004: 33].

При исследовании роли и места слов-реалий в процессе актуализации и моделировании мексиканского коммуникативного стиля представляется продуктивным когнитивно-дискурсивный анализ, поскольку он учитывает как национально-культурную специфику его автора, так и национально-культурные особенности содержания самой информации. Таким образом, в фокусе внимания оказывается отбор слов-реалий автором произведения (почему?) и оказываемый ими на реципиента когнитивно-прагматический эффект (зачем?). При этом под когнитивно-прагматическим потенциалом нами, вслед за Н.В. Карповской, понимается «возможность актуализации в речи наряду с категориальными значениями, присущими языковым единицам как элементам языковой системы/языковой картины мира, тех импликатур, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой и способствовать не только

формированию того или иного восприятия, осмысления, познания действительности, но и достижению определенного прагматического эффекта» [Карповская, 2015: 109].

Для определения роли мексиканских слов-реалий в процессе актуализации национального коммуникативного стиля нами было выбраны два романа мексиканских авторов: «Diablo Guardián» (2003) Х. Веласко и «El amante de Jánis Jóplin» (2001) Э. Мендоса.

Выбор данных произведений обусловлен несколькими факторами, поскольку, несмотря на различия идиолектов писателей и сюжетов, им присуща определенная общность: 1) *место действия*: в анализируемых романах действие (полностью или частично) происходит на территории Мексики, поэтому авторы описывают детали местного быта и различные аспекты коммуникативного поведения мексиканцев; 2) *время написания*: романы относятся к современной литературе, отражают значимые исторические проблемы и политические вопросы современности; 3) *роль в литературе Мексики*: данные романы получили широкую известность как в самой Мексике, так и за ее пределами.

Роман «Diablo Guardián», за который Х. Веласко получил премию Alfaguara в 2003 году, представляет собой рассказ героини о ее побеге из дома, жизни в США, возвращении в Мексику и ряде других жизненных перипетий. Сюжет произведения охватывает десять лет жизни главной героини (с 15 до 25 лет). Причем стоит отметить, что за это время она успевает обворовать собственную семью, пристраститься к наркотикам и заняться проституцией. На примере жизни простой девушки-мексиканки автор показывает ключевые проблемы современного общества: нигилизм, кризис идентичности, бесконечное желание лучшей жизни и стремление к свободе выбора. Автору удастся затронуть ряд социальных проблем Мексики: торговлю наркотиками, проституцию, коррупцию и др.

Как отмечают исследователи романа, большой жизненный опыт Х. Веласко позволил ему передать в романе всю сложность процесса транскультурации США –

Мексики и последствия этого процесса для языка, мировоззрения и ценностей мексиканского народа [Monster Espinosa, 2006: URL]. Напомним, что традиционно под траскультурацией понимается переход от одной культуры к другой, при котором обе культуры подвергаются достаточно сильным трансформациям.

Э. Мендоса является известным мексиканским публицистом и одним из наиболее ярких представителем литературного течения *нарколитературы*. По его мнению, для наркоторговцев характерно специфическое мировидение и мировосприятие, связанное с тем, что они обладают властью, которую дают деньги, контролируют правительство, полицию, судебную систему и т.д. Они устанавливают свои правила взаимоотношений с другими представителями мексиканского общества и реализуют свои предпочтения в кино, моде, музыке [Silió, 2003: URL]. Сюжет романа «El amante de Janis Joplin» построен вокруг двух непреложных законов мексиканских северян: запрет на общение с «чужой» женщиной и месть за убийство родственника. Главный герой произведения – это недалекий мексиканец Давид Валенсуэла, который, защищаясь, убивает крупного местного авторитета и вынужден бежать из родного дома.

Корпус мексиканских слов-реалий романов можно разделить на шесть предметных областей:

1. Природно-географические слова-реалии.
2. Реалии-антропонимы.
3. Бытовые и алиментарные слова-реалии.
4. Слова-реалии, относящиеся к «культурному фонду»
5. Слова-реалии как ключевые национальные концепты.
6. Инвективные слова-реалии.

Рассмотрим функционирование выделенных групп слов-реалий в свете реализации их когнитивно-прагматического потенциала.

2.3.2 Природно-географические слова-реалии

Природно-географические названия, наряду с тем, что служат

пространственным ориентиром для читателя, решают ряд других задач и выполняют следующие прагматические установки автора:

– выступают в качестве неких символов, образов и т.д., характерных для мировосприятия героя/персонажа (прагматические функции: кумулятивная, резюмирующая; когнитивно-прагматическая функция: символическая);

– вводят элементы материального и природного окружения с целью национальной идентификации героя/персонажа (прагматическая функция: стилистическая; когнитивно-прагматические функции: ассоциативная, эстетизации бытовых деталей);

– передают внутреннее состояние героя/персонажа (прагматические функции: эмоционально-экспрессивная, стилистическая, оценочная; когнитивно-прагматическая функция: ассоциативная).

Остановимся на особенностях реализации слов-реалий согласно вышеобозначенным авторским установкам.

– **отражение неких символов, образов и т.д.** Населенные пункты в романах выступают некими символами, которые ассоциируются у главных героев с теми или иными понятиями:

1. *Para acabarla de fregar te metiste con los Castro, y por eso para ti se acabaron **Chacala** y Carlota, ¿me oyes?* (El amante de Jánis Jóplin);

2. *...si su novio se enoja me la llevo a **Tamazula**, le compro ropa, llegamos con mi tía **Altagracia**..* (El amante de Jánis Jóplin);

3. *Era la época del año en que todos en **Acapulco** andan cargados* (Diablo Guardián).

Так, в «El amante de Jánis Jóplin» родная для главного героя деревушка Чакала (*Chacala*) притягивает его на протяжении всего романа, однако после случайного убийства Рохелио Кастро становится символом прошлой жизни и безвозвратно утерянной безопасности и спокойствия, а город Тамасула (*Tamazula*), город того же штата Дуранго с населением около 50 000 человек, –

символом хоть и далекого, но безопасного и многообещающего места, где, как думает герой, он может затеряться и скрыться от бандита Р. Кастро вместе с украденной у него невестой.

Если читатель знаком с географией Мексики, то он знает, что Чакала, в которой проживает Давид в этот момент повествования, и Тамасула находятся достаточно близко друг к другу (46,4 км.). Соответственно читатель понимает, что скорее всего Давид мало выезжает из родной Чакалы и неспособен реально оценить расстояние. Как мы видим, в данном случае реализация кумулятивной функции тесно связана с ассоциативной функцией и активно способствует созданию символа, а также проявлению дополнительных оттенков в образе героя.

Обозначение города Акапулько (*Acapulco*) используется для выражения субъективного отношения героини романа «Diablo Guardián» к окружающей действительности. Для героини это город-праздник, город-достаток. Реализация данного слова-реалии позволяет читателю сделать определенные выводы о шкале ценностей Виолетты: даже праздничная атмосфера расположенного на берегу моря города-курорта Акапулько не меняет ее решения покинуть Мексику в поисках роскоши и богатства:

Me imaginaba paseándome por la Costera en el coche de mi papá, llegando al hotel más caro de Acapulco, metiéndome en un barco y huyendo del país (Diablo Guardián).

Отрицательные отзывы героини об инфраструктуре города в очередной раз подтверждают её мысль о том, что в Мексике нет хороших мест и людей и в этой стране невозможно жить.

В какой-то мере географические слова-реалии отражают особенности самовосприятия авторов. Так, если в анализируемых испанском и колумбийском романах город Кульякан (*Culiacán*) позиционируется как широко известное произволом преступности место, то в мексиканском романе «El amante de Jánis Jóplin» автор, чтобы показать его криминальность и вызвать у читателя

необходимые ему ассоциации, сравнивая его с американским Чикаго, известным громкими преступлениями банды Аль Капоне:

...¿sabes cómo le dicen a *Culiacán*? *Chicago chico*...(El amante de Jánis Jóplin)

Подобное метафорическое сравнение с символом преступности начала XX века позволяет автору перенести на менее известный, по его мнению, широкому кругу читателей мексиканский Кульякан (*Culiacán*) криминальный образ американского города (прагматическая стилистическая функция гиперболизации). При этом важно отметить, что в романе не подчеркивается общая абстрактная криминальность всего штата Синалоа (*Sinaloa*), а называются его отдельные города: *Mazatlán*, *Navolato*, *Cacachila*, *Badiraguato* и др., т.е. автор не актуализирует данный стереотип читателей. Что касается произведений немексиканских авторов, которые будут проанализированы в следующем разделе настоящей работы, то в них, как будет показано далее, наблюдается обратная картина.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что раскрытие когнитивно-прагматического потенциала географических слов-реалий способствует реализации их возможностей в плане формирования символов через выполнение кумулятивной и символической функций, которые тесно связаны между собой. Отметим также, что кумулятивная функция, как правило, проявляется не изолированно и в ряде случаев является основой для реализации ассоциативной функции.

– **введение информации об элементах материального и природного окружения.** Как показывают результаты проведенного фактологического исследования, географические слова-реалии нередко способствуют раскрытию образов персонажей как представителей национальной культуры. Так, в романе «El amante de Jánis Jóplin», наблюдая за природой, герой по прозвищу Эль Чато мысленно перебирает названия тех растений (*soya*, *tomate*, *cártamo*), которые видит вокруг себя:

El Chato no respondió de inmediato, observó los campos sembrados de soya, tomate, cártamo, ese verde húmedo que pone nombre a Sinaloa, y luego añadió: Patria libre o morir... (El amante de Jánis Jóplin).

Вместо того чтобы использовать слово *пита́йя* (**pitahaya**), герой начинает описывать сам фрукт (*ese verde húmedo que pone nombre a Sinaloa*), что помогает читателю узнать определенную социокультурную информацию: эль Чато несомненно хорошо знаком с местной культурой, т. к., говоря о пита́йе он называет ее Синалоа (в переводе с одного из местных языков «Синалоа» означает «круглая пита́йя» (*pitahaya redonda*)). Кроме того, возникает ощущение, что он, возможно, владеет местным индейским языком.

Рассмотрим следующий пример, когда Эль Чато привозит Давида к Эль Чоло (*el Cholo*) и три друга садятся выпить пива под деревом гуанакастле (*huanacaxtle*):

Se sentaron a beber cerveza bajo un huanacaxtle (El amante de Jánis Jóplin).

В мексиканском сознании дерево *гуанакастле* связано с целой системой ассоциаций, что и использует автор для реализации своей прагматической установки:

1) дерево является символом рыбацкой деревушки Ла Крус де Уанаксатль (*La Cruz de Huanacaxtle*), что позволяет читателям сделать вывод о новой профессии Давида; 2) с гуанакастле связан ряд легенд, которые заканчиваются гибелью главных героев [Vasconcelos Méndez, 2014: URL].

Соответственно, читатели понимают, что вышеназванных трех героев романа «*El amante de Jánis Jóplin*» ожидают трагические события в будущем.

– **передача внутреннего состояния персонажа.** Герои-мексиканцы оперируют местными историческими топонимами, с помощью которых они выражают свое отношение к той или иной ситуации, явлениям и событиям:

1. *El Capi era un hombre curtido por dentro y por fuera, que había sobrevivido a tres naufragios en el mar de Cortés (El amante de Jánis Jóplin).*

2. *No me vas a decir que no es de pinches coatlicues pedir un sandwich de ocho cincuenta y encuerársele al mesero. Pero bueno, tampoco fue tan fácil conquistar Tenochtitlan* (Diablo Guardián).

В первом случае моряки употребляют слово-реалию *el mar de Cortés* (море Кортеса) вместо официального названия *Golfo de California* (Калифорнийский залив), поскольку море для них – это самая большая опасность в их жизни и одновременно главный источник существования. Когнитивно-прагматический потенциал слова-реалии *Cortés* раскрывается через эмоционально-экспрессивную и ассоциативную функции. Имя этого испанского конкистадора в Мексике вызывает однозначно негативные ассоциации и не предвещает ничего хорошего, что подтверждается сюжетом романа.

Во втором случае символом успеха и взрослой самостоятельной жизни для Виолетты выступает столица ацтеков Теночтитлан (*Tenochtitlan*): она должна устроиться в этой жизни, как когда-то испанцы должны были покорить ацтеков. Отметим, что в этом историческом сопоставлении Виолетта ассоциирует себя не с индейцами а с испанцами, что отражает ее стремление дистанцироваться от родного народа.

В ряде случаев когнитивно-прагматический потенциал слов-реалий, обозначающих эндемичные виды животных и птиц, направлен на выполнение двух функций одновременно (передавать внутреннее состояние героя и ввести информации об элементах природного окружения). При этом создаваемый образ призван вызвать у читателя отрицательные эмоции. Например, рассказывая о том, как деспотичный и хитрый мексиканец Родольфо по прозвищу Нефистофель готов тщательно обыскивать все гостиницы в её поисках, Виолетта использует мексиканизм *zopilotear*:

Nefastófeles era muy capaz de pasarse un mes zopiloteando lobbies (Diablo Guardián).

Корень данной лексемы восходит к науатлизму *tzopilotl*, обозначающему

один из подвидов грифов, обитающих на территории Мексики. Сравнение Родольфо с хищной птицей свидетельствует о том, что Виолетта воспринимает его как жестокого человека, а себя – как его жертву.

В эпизоде, когда Родольфо выдает себя за преподавателя университета Колумбии и рассказывает родителям главной героини о якобы полученном ею высшем образовании и успешной работе, загоняя её таким образом в тупик и не давая рассказать правду о ее непростой криминальной жизни в Америке, Виолетта сравнивает героя с гадюкой, которая притворяется саламандрой:

*No lo escuches, Violetta, cuídate de esta víbora vestida de **tlaconete**. Pero no me dejó salida* (Diablo Guardián).

Индихенизм **tlaconete** (от науатлизма **tlalconetl**, буквально = «*hija o hijo de la Tierra*», *de tlalli* «*tierra, suelo*» + **conetl** «*niño; niña*») [Rodríguez, 2014: URL] обозначает безобидную для человека мелкую рептилию. Подобные сопоставления подчеркивают особенности когнитивной картины мира героини как представительницы мексиканского этноса.

Что касается наименований растений, то их когнитивно-прагматический потенциал также возрастает в случаях, когда они употребляются в сравнительных структурах:

1. *Ah qué señor Valenzuela, no se hable más: esta **vida es un camote**, ¿viene usted?, No, es mejor que me quede* (El amante de Jánis Jóplin);
2. *Es como estar comiéndote una sopa de verduras y preguntarte exactamente a qué **saben los chícharos**, o las zanahorias, o los **aguacates*** (Diablo Guardián).

В первом фрагменте мы сталкиваемся с первой частью мексиканской пословицы, в которой жизнь сравнивается с бататом (разновидность сладкого картофеля). В словаре Refranero Mexicano зафиксировано пять возможных вариантов полной пословицы, общее значение которых можно передать русским аналогом «жить прожить – не поле перейти».

Что касается второго примера, то для Виолетте жизнь в Нью-Йорке с её стремительным ритмом в режиме *non-stop* представляется цельной и органичной, и выделить какой-то аспект этой жизни для нее невозможно, как невозможно различить в овощном супе вкус каждого отдельно взятого ингредиента. Интересно, что для названий ингредиентов супа – авокадо (*aguacate* – от науатлизма *ahuacatl*), определенного вида гороха (мексиканизм *chícharo*) – Виолетта использует мексиканизмы. Кроме того, внимание привлекает употребление глагола *saber*, т.к. в данном предложении он также является мексиканизмом со значением «иметь вкус» [Macazaga Ordoño, 1999: URL]. Как мы видим, в данном высказывании автор смог подчеркнуть особенности национальной картины мира героини-мексиканки.

Опираясь на сказанное, можно сделать вывод о том, что природно-географические слова-реалии позволяют не столько обозначить место действия романов, сколько передать особенности мировоззрения мексиканских героев и их субъективные отношения к родной стране и другим героям, а также продемонстрировать сложившуюся в Мексике криминальную обстановку.

2.3.3 Реалии-антропонимы

С точки зрения рассмотрения когнитивно-прагматического потенциала данной группы слов-реалий особый интерес вызывают антропонимы, которые широко известны в рамках мексиканской лингвокультуры и способны актуализировать широкий пласт культурологической информации. В данную категорию попадают, в первую очередь, реалии-антропонимы из области *кино* и *истории*.

Поскольку история мексиканского *кино* начинается еще в 20-х годах XX века, то большим когнитивно-прагматическим потенциалом обладают имена актеров:

1. *¿Quieres ir al cine?, en el Diana exhibían Por mis pistolas con Cantinflas...* (El amante de Jánis Jóplin);

2. *Sacó la cadera como Cantinflas...* (El amante de Jánis Jóplin).

В первом примере имя известного комика Кантинфласа (*Cantinflas*) и особенно название фильма (*Por mis pistolas*), в котором он снимался, играют роль временных показателей: по ним можно определить точное время действия романа «El amante de Jánis Jóplin» – 1968 год, т.к. именно в этом году фильм вышел в прокат. Соответственно, анализируемая реалия-персоналия выполняет кумулятивную функцию и служит для воссоздания временного колорита.

Во втором случае речь идет об одном из типичных движений комика Кантинфласа (*Sacó la cadera*), которое воспринимается как неприличное: обращая внимание на это движение, характерное для главного героя, автор реализует прагматическую установку на неспособность героя соблюдать социальные нормы.

Реалии-антропонимы принимают активное участие в процессе метафоризации:

1. *...ladró el comandante, un hombre gordo, que no cabía en el uniforme, con bigote a la **Pedro Armendáriz*** (El amante de Jánis Jóplin).

2. *...le temblaba el bigote que se lo estaba dejando al estilo **Armendáriz*** (El amante de Jánis Jóplin).

3. *Todo estaba presidido por un gran busto de yeso que representaba a un hombre de unos treinta años, con el bigote cuidadosamente recortado a la **Pedro Infante**, pelo negro y ojos achinados* (El amante de Jánis Jóplin).

В первом случае усы полицейского сравниваются с усами актёра П. Армендариса (*Pedro Armendáriz*). Упомянутый актёр пользовался большой популярностью в Золотой период мексиканского кинематографа, и его внешний вид (в частности, форма усов) хорошо знаком автору и всем мексиканским читателям. Соответственно, упоминание данной реалии-персоналии в романе выполняет не только прагматическую экспрессивно-образную стилистическую и ассоциативную функции, но и позволяет лаконично описать внешность героя

(прагматическая функция лаконизации).

Во втором фрагменте снова упоминаются усы в стиле П. Армендариса, однако в этот раз данная единица реализует другую прагматическую установку автора. Для того чтобы подчеркнуть, насколько сильный приступ боли вызвала язва желудка и как от боли скорчилось лицо, Э. Мендоса говорит о том, что усы потеряли свой бравый вид. В данном случае реалия-персоналия помогает подчеркнуть силу боли через стилистическую функцию интенсификации.

Что касается третьего примера, то в нём мы сталкиваемся с новым типом усов, в этот раз в стиле другого известного актера, П. Инфанте (*Pedro Infante*): они черные и более тонкие по сравнению с усами П. Армендариса. В данном отрывке идет речь о народном мексиканском святом Мальверде, первое изображение которого было вылеплено по образу именно П. Инфанте, так горячо любимого мексиканцами. Имя самого наркосвятого не называется, что не только свидетельствует о глубоком знании автором мексиканской культуры, но и предъявляет определенные требования к пресуппозитивным знаниям реципиента. Соответственно указанная реалия-персоналия выполняет кумулятивную, экспрессивно-образную стилистическую и ассоциативную функции.

Примечательно, что в тексте данного романа фигурирует герой, который также носит имя П. Инфанте. Так зовут безработного агронома, которому настолько нужны деньги, что он согласен перевозить наркотики в лодке, даже не умея плавать. Таким образом, Э. Мендоса, показывая альтернативную реальность Мексики, в которой правят наркотики и талантливый человек не может реализовать себя и заработать на жизнь законным путем, выражает свое ироническое отношение к попыткам мексиканцев закрыть глаза на размах преступности в их обществе: когнитивно-прагматический потенциал данного слова-реалии, усиливаясь через актуализацию стилистической функции гиперболизации, направлен на то, чтобы продемонстрировать несоответствие представлений мексиканцев о себе и их реальности, поскольку преступников и их поступки, вместо того чтобы осуждать, зачастую идеализируют и романтизируют,

наркоторговцев превращают в героев и даже воспевают в балладах, отгораживаясь от массовых убийств и других преступлений, которые они совершают.

Имена главных героев также призваны актуализировать определенные запас знаний читателя:

1. *Por ahí de las cinco de la tarde de un lunes soleado que se mira sombrío a través de los vidrios opacos de la cripta **Macotela**...*(Diablo Guardián).

2. *...**David Valenzuela** buscó un objeto para defenderse, pero sólo había arena y más arena* (El amante de Jánis Jóplin).

Как видно из первого примера, в романе «Diablo Guardián» один из главных героев носит фамилию **Macotela**, которая не может не вызывать у мексиканского читателя ассоциации с известным актёром и режиссером **Хуго Масиасом Макотела** (**Hugo Macías Macotela**). Указанная аллюзия подкрепляется определенным параллелизмом, который можно обнаружить между реальной действительностью и сюжетом романа: актер Хуго Масиас Макотела был женат на великой мексиканской актрисе Эвите Миньос (Evita Muñoz). В свою очередь, в романе Пиг влюблен в Виолетту, которая тоже играет различные жизненные роли, меняет имена, а в конце романа даже просит его инсценировать её смерть.

Во втором случае речь идет о главном герое романа Давиде Валенсуэла. Указанная фамилия также хорошо знакома мексиканцам, так как за мексиканскую команду Лос Анжелес Доджерс (Los Angeles Dodgers) играл глухой пинчер Фернандо Валенсуэла Ангуагеа (Fernando Valenzuela Anguamea). По сюжету Давид Валенсуэла, как и его возможный прототип, является талантливым бейсболистом и попадает в команду Лос Анжелес Доджерс. Однако в романе, в отличие от реальности, его карьера длится совсем недолго, поскольку его выгоняют за выпитую бутылку пива. Таким образом, автор, реализуя когнитивно-прагматический потенциал данного слова-реалии, продолжает показывать некую альтернативную реальность, в которой социальные проблемы современной Мексики показаны более остро и угрожающе, чем они традиционно подаются в

романтических балладах, средствах массовой информации и телевизионных программах.

Ряд имен героев связан с *историческими событиями* в Мексике. Такие слова-реалии позволяют показать неразрывную связь прошлого и настоящего мексиканского народа. Речь прежде всего идет о словах-реалиях, связанных с именами сторонников и противников Мексиканской революции 1910-х годов. Так, например, в романе «El amante de Jánis Jóplin» талантливому молодому адвокату, который не боится судиться с правительством и крупными корпорациями, зовут Доротео Арандо (*Doroteo Arango*):

..Doroteo P. Arango es un joven ex practicante de mi despacho, y es lo que se dice una chucha cuerera... (El amante de Jánis Jóplin).

Доротео Арандо, более известный под прозвищем Панчо Вилья, был одним из лидеров повстанцев во времена революции в Мексике. Он сражался против диктатуры генерала Уэрты, т.е. против правительства. Таким образом, Э. Мендоса проводит параллель между исторической личностью и героем своего романа, что позволяет, во-первых, перенести социокультурные знания читателя о Панчо Вильи и связанные с ним ассоциации на образ героя романа, во-вторых, сравнить изображаемую в романе Мексику 70-х годов XX века со страной революционного времени: в обществе всегда есть люди, которые готовы отстаивать интересы простого народа и бороться с несправедливой политикой правительства.

*...lo recibió un hombre fuerte, de recio **bigote zapatista**, mirada entre amistosa y desconfiada y manco del brazo izquierdo* (El amante de Jánis Jóplin).

В данном случае мы снова сталкиваемся с отсылкой к форме усов, характерной для определенной, известной среди мексиканцев личности. Речь идет о национальном герое Мексики Эмилиано Сапате, образ которого настолько глубоко укоренился в этническом самосознании мексиканцев, что закрепился в их метафорической картине мира. Тот факт, что из всех особенностей внешности героев внимание читателя обращается только на форму усов, подчеркивает

важность этого атрибута для мексиканских мужчин. Неслучайно именно усы стали одним из самых известных топикиов о внешнем виде мужской части населения этого народа.

Помимо Мексиканской Революции, в названиях улиц Мексики отражен и исторический опыт народа мексиканского народа, связанный с испанской конкистой:

1. ...*diera vuelta en Álvaro Obregón, luego en Cuauhtémoc* (Diablo Guardián).
2. ...*lo primero que hizo el Cholo fue detener su camioneta en la esquina de río Aguanaval y Nuño de Guzmán...* (El amante de Jánis Jóplin).

Куаутемок (*Cuauhtémoc*) был последним правителем ацтеков; Ниньо Бельтран де Гусман (*Nuño Beltrán de Guzmán*) — испанским завоевателем, которого Бартоломе де лас Касас назвал «великим тираном» [Meyer, 1997: URL].

Когнитивно-прагматические возможности реалий-антропонимов, связанных с завоеванием испанцами, помогают раскрыть психологию героев. Так, в романе «Diablo Guardián» стремление Виолетты отделиться от родной культуры подчеркивает тот факт, что побег из дома и перипетии своей жизни в целом героиня, как было сказано ранее, сравнивает с теми трудностями, которые претерпели испанцы при завоевании индейцев. Это сопоставление опирается на ряд исторических слов-реалий, среди которых имя испанского конкистадора Э. Кортеса:

Como Cortés, ¿ajá?, que tuvo que decir: O conquisto a estos indios hijos de puta o me voy a la mierda en el intento (Diablo Guardián).

По мнению С.В. Перкаса, при «успешной реализации подобные аллюзии резко усиливают эстетическое воздействие художественного текста на читателя. Это воздействие основано на интенсивных ассоциативных связях, соединяющих данный текст с внеязыковой реальностью» [Перкас, 1980: 8].

Как мы видим, в данном случае героиня сопоставляет себя с одной из

ключевых личностей Конкисты Э. Кортесом (**H. Cortés**). Поскольку Э. Кортес оставил неизгладимый след в истории Мексики, наложивший отпечаток на сознание представителей данного этноса, В.А. Ражина справедливо включает его имя в число антропонимов, которые относятся к ядру языковых средств, хранят и транслируют культурную информацию, играют «ведущую роль в формировании национального и, следовательно, языкового сознания, определяя шкалу ценностей и моделей поведения членов лингвокультурного общества» [Ражина, 2007: 84].

Подобное метафорическое сравнение еще раз свидетельствует об особенностях самоидентичности Виолетты, которая не хочет относить себя к мексиканцам, готова выдавать себя за представительницу любой национальности, лишь бы разорвать все связи с родной Мексикой. Возможно, что в её подростковом кризисе идентичности отчасти проявляется так называемый комплекс неполноценности (*complejo de inferioridad*), о котором уже шла речь в настоящем исследовании и который некоторые исследователи приписывают мексиканцам как нации.

Что касается других предметных областей реалий-антропонимов, то в произведениях фигурируют имена *писателей* и *журналистов*:

1. *Encontró a la rubita asoleándose en la alberca, leyendo a **Octavio Paz** y escuchando un long play de Los Monkees* (El amante de Jánis Jóplin).
2. *Junto a Rayuela, descubrió un volumen en el que no había reparado, **Libertad bajo palabra, de Octavio Paz...*** (El amante de Jánis Jóplin).
3. *¿Con el **Batman Güemes?**, Sí, ¿**Chino Miranda** y **Yolanda Márquez?**, *También, también...*(El amante de Jánis Jóplin).*

В романе «El amante de Jánis Jóplin» дважды упоминается имя великого мексиканского поэта и публициста О. Паса: в первом случае его книгу читает внучка крупного наркобарона; во втором эпизоде полицейский изымает книгу О. Паса у Сантоса при обыске, пытаясь выдать ее за доказательство виновности последнего. Таким образом, О. Пас предстает очень популярным и поистине

национальным писателем: его читают и студенты-партизаны, и те, против кого они бунтуют. Помимо того, чтение произведений О. Паса показывает интерес молодежи к политической ситуации в стране и самоидентификации, поскольку большая часть его творчества так или иначе связана с политической обстановкой в Мексике и вопросами национальной идентичности.

Примечательно, что, хотя в романе произведение «*Libertad bajo palabra*» было воспринято полицейским как призыв к военной агрессии, О. Пас широко известен своими демократическими настроениями, причем писатель настолько открыто выступал против партизанских войн, что его даже называли предателем Революции [García, 2014: URL]. Таким образом, слово-реалия используется автором для того, чтобы показать абсурдность мексиканского правосудия.

Как видно из третьего примера, сотрудник правоохранительных органов готов «приписать» Давиду преступления, которых он явно не совершал: он называет длинный ряд известных мексиканцев-оппозиционеров (певец *Chino Miranda*, журналистка *Yolanda Márquez* и др.), а Давид после пыток в полиции настолько испуган и подавлен, что согласен взять на себя любое преступление, и подтверждает, что сотрудничал со всеми неугодными власти лицами, лишь бы его больше не били. Именно за счет перечисления упомянутых личностей становится понятна нелепость этого допроса и предвзятость всей судебной системы Мексики в целом.

Как мы видим, когнитивно-прагматический потенциал реалии-антропонимов позволяет обозначить временные координаты произведений, а также показать читателю реалистичное положение дел с преступностью в Мексике и познакомить читателя с историческим развитием Мексики, не рассказывая непосредственно о событиях, а вводя слова-реалии, которые связаны с ключевыми периодами истории страны. Кроме того, реалии-персоналии помогают глубже раскрыть образ того или иного героя (дать определенную характеристику внешности, характеру, особенностям мировоззрения и психологическому состоянию) за счет аллюзий на известных мексиканских

личностей.

2.3.4 Бытовые и алиментарные слова-реалии

Бытовые мексиканизмы (*наименования предметов обихода, одежды, др.*) и алиментарные слова-реалии (*названия традиционных мексиканских блюд*) показывают героев сквозь призму их принадлежности к мексиканской лингвокультурной общности. Такие встречающиеся в речи героев слова-реалии, как *veliz* (вместо общеиспанского *maleta*), *regadera* (в значении *ducha* или *baño*), *chamarra* (вместо *chaqueta, cazadora*) выполняют функцию *эстетизации бытовой детали*. При этом в случае с героиней романа «Diablo Guardián» они доказывают, что при всей нелюбви к своей нации она продолжает опираться на мексиканскую картину мира и оперирует её языковой системой.

С этой же целью (показать героев сквозь призму их принадлежности к мексиканской лингвокультуре) функционируют алиментарные слова-реалии (*campechana, tamales, pozole, enchiladas, tacos*):

*Ya sé, deja que yo lo diga, después de estar varios días en el otro lado lo que más extrañabas era la comida, así que decidiste buscar una **fonda** donde pudieras comer **pozole, enchiladas, tacos, gorditas, chimichangas**, así encontraste a Chela la **pozolera**, ¿sí o no?* (El amante de Jánis Jóplin).

В данном случае слова-реалии данного подтипа подчеркивают консервативность мексиканцев, их нежелание адаптироваться к другой, например американской, культуре.

В следующем примере когнитивно-прагматический потенциал алиментарных реалий направлен на то, чтобы подчеркнуть, что наркоторговля – это неотъемлемая черта штата Синалоа, его стиля жизни:

*Déjame adivinar, todo lo pone la **narcopozolera**: los padrinos, las madrinas, las damas de compañía, los pajes, que va a sacar de entre los cocineros, los pinches,*

las meseras y sus hijos; de la cena, hasta la pregunta es necia, va a ser pozole estilo Sinaloa, con totopos (El amante de Jánis Jóplin).

Созданный автором неологизм *narcopozolera* создает яркую картину действительности, показывает, что это новая реальность, которую навязывает наркоторговль, проникая во все сферы жизни, даже в кулинарию.

Примечательно, что мексиканские авторы не упоминают о специях и привычке мексиканцев употреблять очень острую, сильно приправленную пищу.

С помощью различных бытовых и алиментарных слов-реалий авторам удается традиционность и консервативность мексиканцев, а также погрузить читателя в определенную атмосферу мексиканской действительности, при этом показывая высокую степень проникновения наркоторговли и преступности в повседневную жизнь мексиканского народа. В этой связи Л.М. Бондарева утверждает, что бытовые слова-реалии естественно интегрированы в конкретный социально-культурный контекст и позволяют автору реконструировать в тексте колорит описываемой эпохи [Бондарева, 2014: URL].

2.3.5 Слова-реалии, относящиеся к «культурному фонду»

Говоря о словах-реалиях, относящихся к «культурному фонду» (*номинации фольклора, мифологии, песенного творчества*), следует прежде всего остановиться на библейских реалиях и аллюзиях, присутствующих в романах. Они не относятся непосредственно к теме настоящего исследования, однако являются ключевыми для понимания психологии главных героев и всего произведений в целом. В этой связи следует отметить позицию Ю.С. Гумен, которая полагает, что «существуют универсальные, общезначимые для большинства современных этносоциальных организмов прецедентные тексты (например, Библия)», однако «набор и структура прецедентных текстов, включаемых в интертекстуальный диалог, уникальны для каждой локальной культуры и формируют ее этнокультурное своеобразие» [Гумен, 2004: 47].

В случае романа «Diablo Guardián» с библейской аллюзией мы сталкиваемся

уже в названии, которое построено на игре слов: ангел-хранитель (*Angel de la guarda*) – дьявол-хранитель (*Diablo guardián*). Причем стоит отметить, что в испанском языке для обозначения ангела, данного человеку Богом для оказания помощи, используются как словосочетание *Angel de la guarda*, так и *Angel guardián*. Словари не регистрируют разницу между указанными выражениями, однако на испаноязычных форумах отмечается, что словосочетание *Angel de la guarda* чаще употребляется в прямом значении, по отношению к библейской реалии, тогда как номинация *Angel guardián* – в переносном значении по отношению к человеку, который оказывает говорящему поддержку и заботу [WordReference: URL]. В романе метафору *Diablo Guardián* Виолетта использует по отношению к Пигу.

В тексте романа не раз упоминается о добром пастыре (*Buen Pastor*). Указанная библейская реалья даже вынесена в название одной из глав романа (*Parábola del Buen Pastor – Притча доброго пастыря*). Напомним, что добрым пастырем символично называли Иисуса Христа, который направлял людей на путь истинный («пас стадо овец»). Неслучайно Виолетта систематически называет себя *oveja negra*. К библейскому сюжету нас отсылает и прозвище основного отрицательного героя романа «*Diablo Guardián*» — *Nefástofeles*.

Правильная интерпретация читателем символического значения вышеуказанных слов-реалий напрямую зависит от степени просвещенности в христианскую религию и ее священные тексты. В этой связи напомним, что мексиканцы считаются достаточно верующей нацией и с сюжетами из Библии хорошо знакомы даже те из них, кто не получил образования.

В романе «*El amante de Jánis Jóplin*» имя главного героя (Давид) отсылает читателя к библейской истории о том, как Давид убил великана Голиафа с помощью пращи (т.е. веревки и камня). В романе герой убивает камнем наркоторговца Р. Кастро. Более того, автор использует библейские аллюзии и при создании сюжета романа: все неприятности Давида начинаются после того, как он нарушает один из негласных законов мексиканского общества: не прикасаться в

чужой женщине. В Библии Давид был наказан Богом именно за то, что вступил в связь с женой одного из своих военачальников, Вирсавией, а самого его обрек на смерть. Читатель ощущает параллели и понимает обреченность главного героя. Таким образом, реализация определенных авторских интенций проявляется в выборе имени героя.

Что касается непосредственно мексиканских слова-реалий, то авторы реализуют свои прагматические установки, связанные с раскрытием образов героев, посредством ряда слов-реалий из области *песенного творчества*.

1. *¿Las Mañanitas, Las Golondrinas, La Martina, la voz arrepentida de Rosa del Alba Rosas Valdivia?* (Diablo Guardián).

2. *David la ha escuchado cantar Yo soy rielera tengo mi Juan desde la casa contigua...* (El amante de Jánis Jóplin);

Как мы видим из первого примера, когда Пиг думает о Виолетте, то он, как и сама героиня, помещает её в рамки мексиканской действительности. На основании знаний о её характере, он предполагает, что на кассете будут именно мексиканские (а не американские) песни.

Однако можно также предположить, что автор упоминает их названия не только потому, что они хорошо известны всем мексиканцам, но и потому, что их содержание определенным образом коррелирует с жизнью героини. Например, *Las Mañanitas* – это традиционная праздничная песня, которую мексиканцы обычно поют в дни рождения, на свадьбах, др. Именно к постоянному беззаботному празднику на протяжении всей своей жизни стремится Виолетта.

Особое значение имеет упоминание названия песни *Las Golondrinas*: дело в том, что настоящее название песни – *La golondrina* (т.е. в единственном числе). Однако простые мексиканцы, к которым и относится герой романа Пиг, чаще говорят во множественном числе – *Las golondrinas*, придавая смыслу всеобщий характер [Ortega Morán, 2008: URL]. Таким образом, употребление данного слова-реалии свидетельствует о прочных связях Пига и родной мексиканской культуры.

Что касается песни *La Martina*, то судьба её героини словно перекликается с жизнью Виолетты: она неверна своему мужу, и это приводит к трагичным последствиям, она, как и Виолетта занимается проституцией, не может найти себя в этой жизни и инсценирует свою смерть, чтобы начать все с начала.

Как показывает второй фрагмент, взятый из романа «El amante de Jánis Jóplin», одна из героинь любит напевать революционную песню (корриду), которая довольно популярна и поется от имени ризлеры (*Rielera*). Во время Революции так называли женщин, которые вместе с солдатами переезжали на двигавшихся по рельсам поездах от одного места сражения к другому. Именно испанская лексема *riel* (рельса) легла в основу данного слова-реалии [Castillo, 2012: URL]. За счет употребления цитаты из корриды Э. Мендосе удается не только подчеркнуть национальную принадлежность героини и обозначить её социальный статус, но и показать её преданность своему мужчине.

Среди других баллад, упомянутых в данном романе, необходимо отметить балладу *Estrellita marinera*, которая помогает передать внутреннее состояние героя (его радость, удовлетворенность и уверенность в себе):

Fumaba sentado en un travesano cuando vio pasar a Rivera de vuelta de la visita. Iba feliz, cantando la Estrellita marinera (El amante de Jánis Jóplin).

Благодаря тому, что Ривера напевает именно эту песню, мексиканский читатель понимает, что его радость явно связана с успехами в любовных делах.

Фольклорно-песенные слова-реалии могут выполнять и так называемую *предсказательную* функцию (термин Сиренко Т.С. [Сиренко, 2014: 276]). Для реализации этой функции Э. Мендоса использует прозвище, данное певцу Эулалио Гонсалесу Рамиресу – Пипорро (*Piporro*) – и цитату из его песни:

Tiene que ser ahora, murmuró Sidronio, el Piporro cantó: Esta noche tú vendrás, porque me quieres todavía..., Ya sé cómo le vamos a hacer (El amante de Jánis Jóplin).

Слова песни наводят бандита Сидронио на мысль о том, как лучше

добраться до Давида: он решает подослать к нему свою жену Карлоту, к которой Давид испытывает теплые чувства.

Реализация когнитивно-прагматического потенциала слов-реалий из области песенного творчества позволяет автору более рельефно создать образ главных героев, а также показать их неразрывную связь с мексиканской действительностью.

Фольклорные слова-реалии тесно связаны с национальным самосознанием мексиканцев:

1. ...*sacó la estampita del santo patrono de los narcos: Si todo sale bien, **Malverde** bendito, se dirigió al ánima que cada vez ganaba más terreno como santo de la raza, cuenta con tus veladoras y una lana en tu capilla* (El amante de Jánis Jóplin);

2. ...*se creían destinados a las **coaticues** y un día **Quetzalcóatl** les mandaba un bombón* (Diablo Guardián).

В первом примере местный святой Мальверде (**Malverde**), не признанный Католической церковью, противопоставляется в романе официальной религии. Ему в Мексике, как правило, поклоняются люди, связанные с торговлей наркотиками. Таким образом, Э. Мендоса развивает свою мысль о том, что наркоторговля забирает человека из его прежней жизни, заменяя все его бывшие ценности, и даже религию, на новые.

Во втором случае реализация имени пернатого бога **Quetzalcóatl** (Кецалькоатль) направлена на то, чтобы вновь показать, что, как бы сильно героиня ни пыталась отдалиться от Мексики, она мыслит в рамках мексиканской концептосферы и оперирует её единицами.

Примечательно, что в романе «Diablo Guardián» использованы две графические формы имени ацтекской богини – **coadicues** и **coaticues**. Автор не комментирует разницу, более того, он использует их не как имя собственное, а как апеллатив для пейоративного обозначения женщин-мексиканок в целом.

Подобное значение не зафиксировано в проанализированных нами словарях мексиканизмов, однако становится понятным из контекста. Кроме того, оно соотносится с отдельными эпизодами индейской мифологии. Так францисканский монах брат Бернардино де Саагун описал в своей книге историю, согласно которой однажды на богиню Коатликуэ упал шар из перьев, и она спрятала его под одежду. Когда она решила его рассмотреть, то обнаружила, что шар исчез, и внезапно почувствовала, что беременна. Ее дети, посчитав подобное положение матери оскорбительным для их семьи, решили ее убить. Однако ребенок, которого она вынашивала, бог Уицилопочтли, защитил свою мать и наказал обидчиков [Brunel, 1996: 241].

Скорее всего, героиня романа, употребляя имя богини, намекает на «неожиданную» беременность последней. Следует отметить, что на протяжении всего романа Виолетта регулярно утверждает, что все мексиканки распутны и готовы продавать себя за деньги. Возможно, подобное убеждение относительно безнравственного поведения женщин в Мексике позволяет ей в какой-то мере оправдать свою распутство: она занимается проституцией, потому что это заложено в ее природе и не несет за это ответственности.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что актуализация когнитивно-прагматического потенциала слов-реалий, относящихся к «культурному фонду» позволяет не только познакомить читателя с определенными чертами национального самосознания, психологией героев-мексиканцев и передать внутреннее состояние героев, но и помогает показать влияние наркоторговли на ценности, принятые в их обществе.

2.3.6 Слова-реалии как ключевые национальные концепты

Посредством слов-реалий данной группы автору удается выделить три основные черты мексиканского менталитета: *малинчизм*, т. е. преуменьшение роли родной культуры (вплоть до стыда за принадлежность к ней), стремление ко всему иностранному; *мачизм*, доминирующая стратегия поведения мужчин с

женщинами или осознание превосходства мужчины над женщиной; иерархичность и социальная дифференциация мексиканского общества. Остановимся на обозначенных тенденциях.

– *Малинчизм*. Указанная лексема образована от имени индианки Малинче, сыгравшей важнейшую роль при завоевании Мексики испанцами. Важно отметить, что по данным О.С. Чесноковой, сами мексиканцы выделяют у себя данную негативную характеристику [Чеснокова, 2006: 65].

Как было отмечено выше, главная героиня романа «Diablo Guardián» бежит из Мексики в США. Пытаясь выглядеть как американка, она покупает себе новую американскую одежду и даже с мексиканцами пытается говорить на английском языке. Так, например, тренируясь представляться американкой, она говорит себе:

Soy gringa, soy gringa, soy gringa, soy gringa, soy gringa, y luego corregía: Im' american (Diablo Guardián).

Таким образом, сначала она формулирует свою мысль по-испански, а лишь затем на английском языке. В рамках данного исследования принципиальное значение имеет тот факт, что Виолетта употребляет слово-реалию *gringo*, а не, например, *estadounidense*. Как показывают данные проведенного анализа, объем семантического значения лексемы *gringo* не совпадает в пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка.

Согласно словарю Испанской Королевской Академии, анализируемая лексема имеет следующие значения: *иностранец, в первую очередь, англоговорящий или любой другой, который не говорит на испанском языке: житель США, англичанин и даже русский* [DRAE: URL]. В свою очередь, словарь мексиканизмов выделяет одно значение – *житель США саксонского происхождения* [Macazaga Ordoño, 1999: 179]. Таким образом, в мексиканском варианте слово-реалия *gringo* обладает более узким и направленным значением.

Отдельно отметим, что существует несколько версий появления лексической единицы *gringo* в мексиканском варианте испанского языка. В исследовании Р.

Мартинеса Баракса (R. Martínez Baracs), посвященном данной проблематике, упоминаются четыре возможных варианта этимологии этой лексемы [Martínez Baracs, 2001: URL]. Интернет-словарь приводит девять возможных вариантов появления лексемы *gringo* [Diccionario etimológico: URL].

– *Мачизм*. Данное явление характерно для всего испаноговорящего мира в целом, однако в Мексике его характер достигает крайностей своего проявления. В романах именно такой вариант мачизма присущ Родольфо Феррейро и бандиту Кастро:

1. *La trata como puta, la ignora todo el tiempo, la obliga a comer huevo con frijoles mientras él le da al gato la mitad de sus angulas* (Diablo Guardián).

2. *¿Estás sorda o qué?, yo cenó a la hora que me da mi **rechingada** gana, ¿Qué se te antoja?, **Tamales, frijoles** y café, la mujer se levantó, encendió la luz e inició su tarea, ¡Qué remedio!* (El amante de Jánis Jóplin).

В романе «Diablo Guardián» Родольфо обращается с окружающими его женщинами с позиции доминирующего лидера, регулярно их унижая. Виолетта рассказывает о его отношении к домработнице, которая выполняет также обязанности любовницы. Фасоль (*frijoles*) считается одним из самых традиционных продуктов национальной мексиканской кухни, однако в данном контексте блюдо из фасоли с яйцами символизирует любую скудную и невкусную пищу. Таким образом, реализация когнитивно-прагматического потенциала данного алиментарного слова-реалии направлена на подчеркивание пренебрежительно-уничижительного обращения с домработницей.

В романе «El amante de Jánis Jóplin» бандит Кастро грубо будит свою жену Карлоту в два часа ночи, чтобы она приготовила ему тамале (*tamales*) на ужин, а затем, соблазнив, помогла убить Давида.

Подобное поведение иногда сопровождается физическим насилием:

1. *...el macho se entregaba a la misión sagrada de desgañitarla, con los solos oficios de su imaginación cochina* (Diablo Guardián);

2. *Aquí se hace lo que yo mando, Sidronio le asestó una cachetada que le sacudió la falsa cabellera pelirroja...* (El amante de Jánis Jóplin).

В картине мира Виолетты и Карлоты мексиканка как представительница слабого пола занимает в обществе подчиненное положение. Возможно, такое мировосприятие героинь в какой-то степени объясняется историческим развитием Мексики. По мнению О. Паса, первые мексиканцы были рождены в результате случаев насилия испанских солдат над местными девушками. Акт насилия порождает специфическое отношение к матери, на котором основывается понятие *La Chingada*, символ оскверненной, поруганной и потерявшей свою честь матери; соответственно её дети – это плоды жестокости, насилия и насмешек [Paz, 2004: 31]. Последнее положение может быть проиллюстрировано примерами из романа:

1. *Hijos de La Chingada profesionales, güeyes malos en serio, aunque yo nada más conocí a Henry* (Diablo Guardián).

2. *Decía: soy una hija de La Chingada. Pero luego me consolaba: Las hijas de La Chingada no lloran, Violetta* (Diablo Guardián).

3. *¿Quieres bailar con él como cuando mató a mi hermano?, mira puta hija de la chingada, comenzó a patearla, si el tontoleco mató a Rogelio también fue por tu culpa y estás en mi lista...* (El amante de Jánis Jóplin).

Если в первом случае вышеобозначенное слово-реалия служит для негативной оценки героев, во втором – речь идет о таких чертах национального коммуникативного стиля, как сдержанность и умение не проявлять свои подлинные чувства (о которых речь шла в подразделе 2.1.3 настоящей работы), то в третьем – о безнравственности и распутстве.

– **Иерархичность и социальная дифференциация мексиканского общества:**

*Mi nombre verdadero, mis datos en New York, más algunas mentiras, como que mi familia vivía en **Bosques de las Lomas** y yo había estudiado en puras escuelas*

del rumbo (Diablo Guardián).

Названия ряда районов Мехико несут определенную имплицитную информацию, поскольку люди с разным достатком проживают в различных районах. Утверждая, что её семья живет в районе *Bosques de las Lomas* (который в романе иногда называют сокращенно *las Lomas*), героиня приписывает себе высокий социальный статус, поскольку этот район является одним из самых престижных в Мехико и считается, что в нём проживают наиболее обеспеченные и влиятельные семьи города. Что касается районов *Anzures* и *Polanco*, то в них квартиры принадлежат менее экономически состоятельным представителям мексиканского общества, что становится понятно читателю из общего контекста романа:

Vivo en Polanco, pero el departamento estaba en Anzures. Si un día hubiera una revolución y a todos se les concedieran sus deseos, los de Anzures pedirían que los integraran a Polanco. Yo solamente entiendo la necesidad de una revolución si me dices que todos nos vamos a ir a Las Lomas (Diablo Guardián).

Данный пример подчеркивает одну весьма категоричную жизненную установку Виолетты: финансовое благополучие ей нужно быстро и в полном объеме. Однако имплицитно читатель также получает следующую информацию: во-первых, *Мехико – это город контрастов*, в котором очень сильно проявляется экономическое расслоение населения. Во-вторых, *мексиканское общество иерархично* и в нем большое внимание уделяется социальному статусу индивида. В-третьих, существует внутренний конфликт между мечтой главной героини и окружающей её реальностью.

В анализируемых мексиканских романах авторы не уделяют большого внимания этническому составу местного населения. Так, в романе «*El amante de Jánis Jóplin*» речь об индейцах заходит всего два раза:

1. *Sí, son dos: Miguel Tajia Siali y Juan Cutagocha, Qué apellidos tan raros, Son indígenas, quieren decir fuego verde y zapato de palo; íbamos a cazar con*

arco y flechas, ¿y tú? ...Los indígenas estamos enrolados desde siempre, queremos otra vida... (El amante de Jánis Jóplin);

2. *Vi como mató a unos muchachos en la cañada del Cacachila, dijo David, Dizque eran guerrilleros, Es la autoridad, siempre hace eso y más, tú como los indios: mira y calla* (El amante de Jánis Jóplin).

В первом случае Давид, общаясь с другими заключенными, высказывает удивление по поводу их фамилий (*Qué apellidos tan raros*), что свидетельствует о том, что он мало сталкивался с подобными словами и не владеет местными индейскими языками. Автор вводит в текст романа расшифровку внутренней формы фамилий (*fuego verde* и *zapato de palo*). Таким образом, когнитивно-прагматический потенциал данных имен позволяет, с одной стороны, отметить наличие индейских элементов культуры, а с другой – выполнить характеризующую функцию героя, продемонстрировав ограниченность индейского компонента культуры в современном мексиканском обществе. Помимо того, в уста одного из индейцев автор вкладывает слова о том, что коренное население было и продолжает оставаться недовольным сложившимся в стране положением (*Los indígenas estamos enrolados desde siempre, queremos otra vida*).

Во втором примере речь идет об особенностях поведения индейцев – их сдержанности и умении скрывать свои чувства и мысли.

Если в романе «El amante de Jánis Jóplin» обозначена ограниченность индейской составляющей в современном мексиканском обществе, то в романе «Diablo Guardián» зафиксированы случаи, когда герои используют единицы, обозначающие индейское происхождение, в качестве инвектив:

Él me daba de cachetadas y yo le aventaba las engrapadoras. Me decía: Otra más y te mueres, pinche indita malnacida, y yo: Me muero de risa cabrón, yo me voy a encargar de que te joda Paul (Diablo Guardián).

В приведенном примере Родольфо негативно отзывается о главной героине, называя её злобной, ничтожной индианкой (*pinche indita malnacida*), причем

следует отметить, что прагматический эффект лексемы, обозначающей национальную принадлежность, усилен уменьшительным суффиксом *-ita*. По мнению Н.В. Карповской, «уменьшительно-ласкательные суффиксы чаще других используются для выражения субъективной оценки» [Карповская, 2009: 83].

Итак, авторы активно используют слова-реалии, относящиеся к таким ключевым концептам мексиканской культуры, как малинчизм, мачизм и показывает строгую иерархичность и социальную дифференциацию мексиканского общества.

2.3.7 Инвективные слова-реалии

В анализируемых произведениях достаточно широко представлены инвективные мексиканизмы. Так, в романе «Diablo Guardián» большинство инвективных мексиканизмов употребляет главная героиня, поскольку в силу своего подросткового максимализма она довольно категорично отзывается об окружающих ее людях. В целом когнитивно-прагматический потенциал данных мексиканизмов способствует реализации двух авторских установок: утверждение того, что главная ценность в жизни Виолетты – это материальный достаток; изображение преклонения главной героини перед всем иностранным и как следствие принижение *своего*. В силу этих двух причин одним из главных объектов критики становится её **семья**:

No te puedes imaginar la pena que sentía de verlos salir de la casa vestidos de mosqueteritos jotos (Diablo Guardián).

В данном случае слово-реалия *jotos* (женоподобный, извращенец, гомосексуалист) употребляется по отношению к родным младшим братьям главной героини, характеризуя как внешний вид детей в целом, так общее негативное отношение к ним Виолетты.

Кроме того, в ряде случаев данная стилистически сниженная группа мексиканизмов служит для того, чтобы снизить социальную привлекательность

образов тех или иных героев в глазах читателя:

1. *Yo callada, porque ni modo que dijera mierda del güey que les juraba que era yo una profesional de este tamaño* (Diablo Guardián).
2. *...además del gobierno hay otros grupos que quieren estorbar, sobre todo unos güeyes de Navolato...* (El amante de Jánis Jóplin);
3. *O sea que me salvé de gritos, madrazos y gargajos, pero igual me cobró cada gramo que le robé* (Diablo Guardián).

В первом и втором случаях лексема *güey*, зафиксированная в *Vocabulario esencial mexicano* в значении *глупец (tonto)* с пометкой *грубое (voz malsonante)* [Macazaga Ordoño 1999: 184], служит для того, чтобы показать отчаяние говорящих: в первом случае – Виолетты из-за того, что родственники ей не поверят, при этом когнитивно-прагматический потенциал лексемы возрастает за счет её употребления в рамках эмфатической конструкции (*mierda del güey*); во втором случае – из-за невозможности транспортировать наркотики.

Во третьем случае привлекает внимание мексиканизм *madrazos*. Как отмечает О. Гонсалес Морено (Obed González Moreno), фигура матери очень символична для мексиканского общества, своими корнями она восходит к образу уже упоминавшейся в данном параграфе богини *Coatlicue* [Solares, 2007: 16]. Она также неразрывно связана с концептом *Chingada*, поскольку *Chingada* – это и есть поруганная, изнасилованная мать, представляющая собой не конкретную женщину, а некий обобщенный образ, опирающийся на историческое прошлое Мексики и роль в нем Малинче [Paz, 2004:URL].

Принято считать, что в мексиканском варианте испанского языка лексемы, содержащие корень *padr-* обладают положительными значениями, в то время как лексические единицы с корнем *madr-*, как правило, несут отрицательную семантику [Poniatowska, 2015: URL].

В целом следует отметить, что в обоих романах широко представлены слова-реалии со стилистически сниженной окраской, содержащие корень *madr-*, ср.:

*Pero necesitaba rutinas decentes, algo diferentísimo al **desmadre** en que vivía (Diablo Guardián);*

*Y el cuentón lo pagó mi maridito, que era un **nacote** mexicano de lo más chistoso. De esos a los que todo les **vale madres**, ¿ajá? (Diablo Guardián).*

В первом случае Виолетта употребляет мексиканизм **desmadre** (*беспорядок, неразбериха*), выражая недовольство своим образом жизни и в в Нью Йорке. Что касается происхождения самого слова **desmadre**, то, поскольку префикс означает отсутствие или отрицание значения корня, лексема буквально означает «отказаться от матери» (*negar a la madre*) или «не иметь матери» (*no tener progenitora*). По мнению ряда ученых, данная лексема появилась в мексиканском варианте испанского языка из-за вытеснения культа богини *Coatlicue* (ее другое имя *Tonanzin*), матери всех богов и людей, после завоевания индейцев испанцами и распространения католичества, при котором местное население буквально почувствовало, что их лишили корней и их прародительницы. Указанные коренные изменения в жизни индейцев повлекли за собой трансформацию их мировоззрения и моделей поведения [González Moreno: URL].

Принимая во внимание тот факт, что указанное слово-реалия подразумевает отрицание самого себя и обостренное восприятие окружающей действительности [González Moreno: URL], можно сделать вывод о том, что когнитивно-прагматический потенциал данного мексиканизма помогает передать внутренний хаос сознания героини и её абсолютную неопределенность: жизненный беспорядок преследует её и в родной Мексике, и в США, так как его корни в ней самой.

Выражение **vale madres** (*все равно, неважно*) характеризует одного из мужчин Виолетты, которого она на мексиканский манер называет *maridito* – от **marido** (*муж*) + суффикс субъективной оценки *-ito* – как человека, принадлежащего к классу весьма финансово обеспеченных мексиканцев, которые разбрасываются деньгами ради собственного удовольствия.

Что касается также фигурирующего в данном фрагменте мексиканизма *nacote*, то информация о значениях и стилистической окраске единицы *naco* не совпадает в различных источниках. Так, Словарь мексиканизмов Ц. Макасага выделяет только одно значение: *невоспитанный, простой, грубый человек* (*persona vulgar, plebe, burda*) [Macazaga Ordoño, 1999: 258]

В свою очередь, словарь мексиканизмов Г. Сильва фиксирует два значения: *индеец, индейский* и *невежественный с невысоким уровнем культурного развития человек*. Согласно данным этого источника, анализируемая лексема, возможно, происходит от слова *totonaco*, которая обозначает *индейцев севера Пуэблы, штата Веракрус и Мехико* (1. Indio, indígena. || 2. De bajo nivel cultural, ignorante) [Gómez de Silva, 2003: URL].

Сопоставив данные словарей, можно сделать вывод о том, что в значении лексемы заложено две основные семы – *грубость и невежественность человека*, а также указание на его *индейское происхождение*.

В приведенном примере прагматический эффект воздействия данного слова-реалии усилен за счет суффикса *-ote*, который в данном случае несет оценочно-стилистическое значение и передает отношение говорящего к названному герою, интенсифицируя оттенок уничижительности.

В силу динамичности не все инвективные лексеммы нашли свое отражение в лексикографических источниках. Так, словари мексиканизмов не регистрируют выражения *Ahí nos vidrios cocodrilo* и *hilo papalote*, встречающиеся в романе «El amante de Jánis Jóplin». Более того, в Интернете встречаются многочисленные форумы, где люди спрашивают о значениях вышеупомянутых выражений (например, см. <http://forum.wordreference.com/threads/hilo-papalote-hilo.3025869/>).

Слово-реалия, как справедливо отмечает Н.А. Фененко, может становиться носителем эстетической информации, частью словаря индивидуальной художественной речи [Фененко, 2014: 160].

Среди мексиканизмов сниженного регистра встречаются не только отдельные слова, но и выражения: *pinche, canijo, pendejada, chingón; darle a*

alguien en la madre, importar un carajo, и др. Используя подобные слова-реалии, герои стремятся как повлиять на эмоциональное состояние реципиента, так и выразить своё отношение к содержанию реплики собеседника. Таким образом, инвективные выражения романа, как правило, выполняют оценочную функцию, а также характеризуют социальное положение того или иного героя.

Опираясь на сказанное, следует отметить, что, когнитивно-прагматический потенциал инвективных единиц активно реализуется с целью передачи субъективного восприятия героев окружающей действительности, их внутреннего конфликта, а также внутренней гиперактуализации оппозиции «свой-чужой». В этой связи З.К. Нагуар отмечает, что «до тех пор, пока в условиях гиперактуализации оппозиции “свой-чужой” существуют противоречия между слоями и отдельными его членами, сохраняется потребность и в бранной лексике, и в наиболее эмоционально повышенной ее части – инвективной» [Нагуар, 2004: URL].

В заключение нельзя не отметить, что авторы романов, реализуя свои прагматические установки и интенции, регулярно опираются на пресуппозитивные знания читателя в самых разных областях истории, культуры и жизни Мексики, не сопровождая слова-реалии комментариями и пояснениями, что, возможно, свидетельствует об их широком употреблении в родном для писателей мексиканском варианте испанского языка.

Итоги проведенного анализа когнитивно-прагматического потенциала слов-реалий мексиканских романов можно представить в виде таблиц (см. Приложение, таблица 1 и 2).

Выводы

1. Учёными выделяются различные параметры описания национальных коммуникативных стилей. Представляется возможным охарактеризовать мексиканский коммуникативный стиль по следующим трем группам параметров:

а) *аксиологические и социокультурные параметры;*

б) *социолингвистические, лингвистические и психолингвистические параметры;*

в) *паравербальные и невербальные параметры;*

2. Мексиканский коммуникативный стиль, будучи устойчивым проявлением языкового поведения представителей определенной лингвокультуры, так или иначе проявляется в художественном дискурсе и является результатом синтеза национальной и индивидуальной картины мира автора. Причем если автор принадлежит к мексиканской лингвокультуре, то в произведении мы сталкиваемся с таким пониманием мексиканцев, которое характерно для них самих, с их автостереотипами и самоквалификациями. Соответственно можно говорить об актуализации национального коммуникативного стиля и о подходе «взгляд изнутри» (*por dentro*).

3. При актуализации мексиканского национального колорита в художественных произведениях наиболее частотно используются три группы средств: *лексические, грамматические, культурологические.*

4. В мексиканских романах слова-реалии не сопровождаются объяснениями, поскольку авторами используются их неосознанно и не подчеркивают их культурно-специфическую нагрузку. Весь корпус слова-реалий в проанализированных романах мексиканских авторов можно разделить на шесть предметных областей, реализация которых направлена на достижение различных авторских интенций: природно-географические слова-реалий и реалии-антропомимы позволяют обозначить место и время действия романов, передать особенности внешности, психологического состояния, мировоззрения мексиканских героев, выразить их отношение к Мексике и

другим героям, а также продемонстрировать сложившуюся в Мексике криминальную обстановку;

5. С помощью различных бытовых и алиментарных слов-реалий авторам удается традиционность и консервативность мексиканцев, а также погрузить читателя в определенную атмосферу мексиканской действительности, при этом показывая высокую степень проникновения наркоторговли и преступности в повседневную жизнь мексиканского народа.

6. Когнитивно-прагматического потенциала фольклорных слов-реалий позволяет познакомить читателя с определенными чертами национального самосознания, психологией героев-мексиканцев, передать внутреннее состояние героев и показать влияние наркоторговли на ценности, принятые в их обществе.

7. Что касается слов-реалий как ключевых национальных концептов, то авторы обращают внимание читателей на такие черты мексиканского общества, как его иерархичность, социальную дифференциацию, малинчизм и мачизм. В свою очередь инвективные слова-реалии помогают выразить субъективное восприятие героев окружающей действительности, их внутренний конфликт (гиперактуализацию оппозиции «свой-чужой»).

ГЛАВА III. Слова-реалии как средство моделирования чужого национального коммуникативного стиля в художественном дискурсе

Исследование проблемы **актуализации** слов-реалий в качестве маркеров национального коммуникативного стиля неизбежно приводит к мысли о том, насколько оптимальным является использование этих единиц в процессе **моделирования** того или иного национального коммуникативного стиля. Этот процесс базируется на предрассудках, гетеростереотипах, доминирующих в рамках одной лингвокультуры о представителях другой этнической общности.

Можно утверждать, что в основе воссоздания национальной картины мира в художественных произведениях лежат процессы *стереотипизации, стилизации и моделирования*. При этом необходимо отметить, что если процесс *стереотипизации* опирается на когнитивные факторы, а именно на «недостаток информации о конкретном объекте стереотипизации, а также неизбежность упрощения картины мира в условиях ограниченности возможностей (как отдельных индивидов, так и человечества в целом) познать реальность во всем ее многообразии и сложности» [Рябова, 2003: 120 – 139], то при изучении понятия *стилизации* в поле зрения ученых чаще всего попадает *историческая стилизация*, которая «в самом общем его языковедческом значении обозначает воспроизведение в художественной литературе о прошлом особенностей языка изображаемой эпохи, создание речевого колорита того времени» [Мешалкина, 2008: 8].

В рамках нашей работы особый интерес вызывает понятие *моделирования*, под которым, как правило, понимается «целостная деятельностная программа, включающая последовательно примененный набор методов и приёмов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта (или предметов объекта) для получения информации об этом предмете, которую нельзя выявить в случае описательного подхода» [Белоусов, 2010: 95].

3.1 Стратегия моделирования в свете передачи чужого коммуникативного стиля

В настоящее время процедура моделирования текста все чаще привлекает внимание ученых в связи с развитием высоких технологий и возросшим интересом к созданию программ по распознаванию (и моделированию) устной речи [Моисеева, 2004: URL].

Процедура моделирования обладает прагматическим и когнитивным аспектами: если первый предполагает определение роли речевого воздействия и целей дискурса, то второй состоит «в установлении механизмов речевого воздействия и инструментов формирования картины мира реципиента» [Плахотная, 2014: 18].

В настоящем исследовании фокус внимания сосредоточен на *моделировании национального коммуникативного стиля*. Чтобы наиболее полно охарактеризовать данное понятие, необходимо рассмотреть понятие модели национального коммуникативного стиля, под которым, вслед за Л.В. Куликовой, нами понимается «составление перечня основных факторов и параметров, конституирующих тот или иной национальный коммуникативный стиль, иными словами – его факторно-параметрическое описание, отражающее сущностно-содержательные характеристики» [Куликова, 2006: 246 – 247].

Автор отмечает, что его модель «может быть представлена как его факторно-параметрическое описание в терминах коммуникативистики, прагмалингвистики, культурологии и лингвистики, отражающих сущностно-содержательные характеристики коммуникативного стиля», и выделяет «релевантные факторы и параметры, актуализирующие доминанты национального коммуникативного стиля в его вербальном и невербальном (в том числе пара- и экстралингвистическом) проявлениях», к которым относятся общекультурные, коммуникативно-ситуативные и фактор институциональной маркированности [Куликова, 2006: 247 – 248]. Таким образом, под моделированием необходимо понимать реализацию модели национального коммуникативного стиля.

В связи с этим особый интерес вызывают два положения представителей Московской психолингвистической школы относительно теории моделирования: 1) при моделировании «конструируется другой – реальный или воображаемый – объект, изоморфный данному в каких-то существенных признаках» [Харченко, 2006: URL]; 2.) допускается «множественность моделей одного и того же моделируемого объекта» [там же].

Что касается первого положения, то оно коррелирует с точкой зрения, представленной в работе Т.А. ван Дейка, который утверждает следующее: 1. Поскольку индивид не располагает знаниями всех фактов о мире, то для когнитивных моделей типична фрагментарность и неполнота, причем они репрезентируют реальные ситуации / эмоции и чувства на различных уровнях обобщения. 2. «Несмотря на социальную обусловленность концептуального представления ситуаций, когнитивные модели являются личными, т. е. субъективными» [Дейк ван, 1989: 83].

В свете нашей работы положение о несовпадении объектов, получаемых в процессе моделирования, позволяет сделать предположение о том, что та мексиканская картина мира, которая воспроизводится в художественных произведениях носителей родной лингвокультуры, может отличаться от мексиканской картины мира, смоделированной зарубежными писателями, т. к. восприятие себя мексиканцами (их «*взгляд изнутри*») и их восприятие представителями других этносов («*взгляд снаружи*») могут не совпадать при выделении существенных признаков и параметров объекта.

Если принять во внимание, что мексиканские писатели воспроизводят национальную картину мира, то представляется обоснованным тот факт, что в произведениях иностранных авторов мы имеем дело с имитацией мексиканской национальной картины мира, которая будет базироваться на *чужой* (немексиканской) ментальности и наборе гетеростереотипов, распространенном в этносе писателя.

Развивая второе положение, допускающее множественность моделей одного

и того же моделируемого объекта, можно сделать вывод о том, что модели мексиканской картины мира в произведениях писателей, принадлежащих к разными лингвокультурным общностям, могут значительно различаться.

Не вызывает сомнений, что мексиканская картина мира будет моделироваться представителями других культур через использование наиболее характерных (распространенных и запоминающихся) мексиканских слов-реалий. Люди, которые никогда не были в этой стране, формируют своё представление о Мексике и её жителях на основе информации из СМИ, фильмов и т. д. При этом в произведениях зарубежных писателей, записках и дневниках путешественников, репортажах иностранных журналистов можно встретить реализацию не всей национальной картины мира, а лишь её отдельных фрагментов. Неслучайно У. Липпман в своей книге «Public opinion» пишет: «Какая картинка всплывает в голове у жителя Нью Йорка, когда мы произносим слово Мексика? Несомненно, на ней будет песок, кактусы, нефтяные скважины, индейцы, пьющие ром...» [Lippmann, 1922: URL].

Стереотипное восприятие находит свое отражение в кинематографе и рекламе, а затем автоматически поддерживается ими. Например, в 40-е гг. компания Walt Disney выпустила комиксы *The Three Caballeros Ride Again and The Magnificent Seven (minus four) Caballeros*, в которых появляется мексиканский друг Дональда Дака – Панчито Пистолес (Panchito Pistoles). Это петух в традиционном мексиканском сомбреро, вооруженный двумя пистолетами. Появление такого персонажа в мультфильмах говорит о сложившемся к этому времени стереотипном восприятии мексиканцев американцами. Если присутствие такого элемента одежды, как сомбреро, говорит о том, что в Мексике жаркий климат и её жители стремятся укрыться в тени от палящего солнца, то пистолет свидетельствует о широком распространении оружия и о низком уровне безопасности в стране.

Интересно, что в 60 –70 гг. в США была достаточно популярна реклама чипсов, главным персонажем которой был Фрито Бандито (Frito Bandito, в

переводе на русский язык – «Жареный бандит»). Этот собирательный образ закрепил стереотипное представление американцев о мексиканцах, созданное на основе вестернов (например, таких фильмов, как «Cry Blood, Apache», «Valdez is Coming» и др.), которые также были популярны в то время. «Долголетие» подобных образов подтверждается данными проанализированного нами фактологического материала. Так, в американском романе «The power of the dog» встречается упомянутая выше марка чипсов:

*Bugging everyone with a bunch of **Frito Banditos** who are running a little marijuana and maybe a little heroin...* (The power of the dog).

Следует отметить, что характеристики и атрибуты персонажей-мексиканцев поразительно совпадают и в фильмах, и в рекламе: бандит или задира, сомбреро, оружие. Такие этнические стереотипы, отражающие представления американцев о мексиканцах, их внешности и национальном характере, «не просто суммируют определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту» [Кон, 1971: URL]. Так, образ задиры передает, как кажется жителям США, мексиканский темперамент.

Изучение испано- и англоязычных интернет-источников и рейтингов позволяет выделить наиболее часто встречающиеся у иностранцев стереотипы о мексиканцах:

На испаноязычных форумах приводится следующий набор характеристик Мексики [например, см.: <http://www.orizaba.org/top-10-mitos-prejuicios-y-estereotipos-de-mexico-y-los-mexicanos/>]:

1. Мексика – это пустыня, и там везде жарко.
2. Мексика – это земля сомбреро и сиесты.
3. Вся мексиканская еда острая.
4. Мексика не считается с законами о наркотиках и выпивке.
5. Мексиканцы совсем не знают английский.
6. Водопроводная вода не питьевая («Мечь Монтесумы»).

7. Если я хочу решить какую-нибудь проблему, мне нужно «отблагодарить».
8. Мексика – это опасная страна, где много насилия.
9. Мексиканцы едят только тако и буррито.
10. Все мексиканцы – метисы (смуглые).

В англоязычных источниках встречаются приведенные ниже типично мексиканские черты [например, см. <http://www.psu.com/forums/showthread.php/102236-List-of-Stereotypes>]: мексиканцы только пьют текилу; они едят лишь такос; они слушают только марьячи; все латиносы – мексиканцы; у всех мексиканцев есть своя чихуахуа; все мексиканцы носят сомбреро; все мексиканцы лезут через границу; все мексиканцы сделаны из отбросов; мексиканцы ездят на ослах, а не на машинах.

Как мы видим, в обоих списках есть такие слова-реалии, как *сомбреро* (внешний вид) и *такос* (национальная кухня), однако что касается отношения к мексиканцам как к нации, англоязычные авторы представляются более категоричными в отрицательных оценках мексиканцев.

Для выявления специфики реализации слов-реалий при моделировании мексиканского коммуникативного стиля необходимо исследовать то, наряду с какими другими средствами они функционируют, потому что, как справедливо отмечает Н.А. Фененко, «национальная окраска текста не может быть сведена к какой-либо отдельной формальной особенности произведения, в том числе и к лингвокультурным реалиям» [Фененко, 2014: 153].

3.2 Технологии моделирования мексиканской картины мира в произведениях иностранных авторов

С целью выявления особенностей моделирования мексиканского коммуникативного стиля представляется целесообразным определить те черты мексиканской картины мира, которые нашли отражение в художественных текстах, связанных с мексиканской тематикой, но написанных зарубежными авторами.

Представляется возможным выделить *прямые* и *косвенные* приемы моделирования национального коммуникативного стиля в вышеобозначенной категории текстов. Под прямыми приёмами понимается использование различных лингвистических средств. К косвенным приёмам относятся: 1) построение сюжетных линий; 2) отражение социолингвистических особенностей национальной мексиканской коммуникации; 3) передача типичных аксиологических и психолингвистических характеристик коммуникации представителей мексиканского этноса; 4) отражение паравербального и невербального поведения героев-мексиканцев.

Остановимся подробнее на вышеупомянутых частотных приёмах и средствах.

3.2.1 Построение сюжетных линий в свете проявления стереотипных знаний о мексиканской культуре

Рассмотрим использование определенных сюжетных линий в качестве одной из особенностей моделирования мексиканской картины мира и мексиканского коммуникативного стиля. Среди наиболее типичных приёмов, применяемых для моделирования мексиканского коммуникативного стиля в плане построения сюжета, можно выделить следующие:

1. *Описание жизненных перипетий торговцев наркотиками.* Так, в романе американского писателя Д. Уинслоу «The power of the dog» и романе испанского автора А. Реверте «La Reina del Sur» речь идет о мексиканских наркоторговцах, их бизнесе, опасностях и жизненных трудностях, в связи с чем можно утверждать, что оба произведения написаны в русле так называемой *нарколитературы*, которая ассоциируется у массового читателя с такими мексиканскими авторами, как Ю. Эррера, Х. П. Вильялобос, Э. Мендоса и др.

Примечательно, что среди героев этих произведений встречаются не только уличные наркоторговцы, но и «типичные» мексиканские наёмные убийцы, крайне жестокие и обладающие обостренным чувством собственного достоинства. В

обоих романах также фигурируют накробароны, которые по-отечески относятся к главным героям произведения.

Таким образом, выбранные сюжеты и типы персонажей способствуют стилизации романов зарубежных авторов под произведения мексиканских писателей.

2. Обращение к описанию географического положения, растительного и животного мира Мексики. Следует отметить, что во всех анализируемых нами романах зарубежных авторов находят отражение те или иные аспекты географического положения данной страны и её климата.

Примечательно, что в романе «Entre fantasmas» герой-колумбиец, переехавший в Мексику, отмечает засушливость её климата, а в произведении испанского писателя А. Переса Реверте мексиканка Тереса дает противоположную характеристику погоде в Мексике, подчеркивая влажность её климата. Как мы видим, при описании Мексики авторы стремятся исходить из когнитивных моделей своих героев.

3. Описание социума, в котором живут и общаются герои-мексиканцы. Описание устройства общества, уклада, традиций, обычаев и привычек его представителей является одним из ключевых средств моделирования мексиканской национальной картины мира. Например, в бытовых привычках героини романа А. Переса Реверте отражаются гастрономические предпочтения мексиканцев. Так, Тереса обращает внимание на то, что испанцы используют вместо мексиканского чили арабские приправы.

Писатели-немексиканцы отмечают особенности взаимоотношений простых мексиканцев и представителям органов правопорядка. Героиня романа «La Reina del Sur», переехав в Испанию, с удивлением узнает, что в этой стране не принято давать взятки полицейским, что казалось ей вполне естественным в рамках её родной культуры. Мысль о взяточничестве мексиканских полицейских прослеживается также в романе американского писателя Д. Уинслоу «The power of the dog». Очевидно, что и в том, и в другом случаях реализуется устоявшееся

мнение о мексиканском обществе как о крайне коррумпированном. Безусловно, оно возникло не без причины, однако многократное обращение к этой теме в романах свидетельствует о степени общеизвестности данного факта и восприятию авторами своих стран (США и Испания) как гораздо более законопослушных.

4. *Описание особенностей поведения и внешности героев-мексиканцев.* На протяжении всего произведения героиня романа «La Reina del Sur» мыслит и действует в рамках мексиканской концептосферы. Неудивительно, что в быту она пытается следовать привычному укладу родной культуры, например, собирать волосы в пучок. Подобная манера укладывать волосы может вызвать у читателя ассоциации с известной мексиканской художницей Фридой Кало, которая на ряде фотографий и автопортретов изображена с такой прической.

В романах «La Reina del Sur» и «The power of the dog» приведены описания отдельных черт внешности и национального характера мексиканских наркоторговцев. Как испанский, так и американский писатели неоднократно подчеркивают крайнюю жестокость представителей криминального мира и при этом их ревностное отношение к защите своей чести и достоинства.

3.2.2 Роль лингвистических средств при моделировании мексиканского коммуникативного стиля

Представляется вполне объяснимым, что в исследуемых нами произведениях писателей, для которых мексиканская культура не является родной, широко представлены *лингвистические* особенности мексиканского коммуникативного стиля, среди которых, помимо реализации слов-реалий, на чем мы остановимся отдельно, можно выделить *лексические и грамматические средства*.

В первой группе (*лексические средства*) можно выделить ряд лексических единиц испанского языка, реализующихся в *значениях, которые характерны для них в Латинской Америке в целом или только в Мексике и в которых они не используются в Испании*. Так, Ф. Вальехо отмечает специфическую реализацию

лексемы *panteón* в мексиканском варианте испанского языка:

...camino de otro cementerio. O «panteón» como los llaman aquí, impropriamente... (Entre fantasmas).

Словарь Ц. Макасага включает данную лексему со значением «кладбище» («*cementerio, camposanto*») [Macazaga Ordoño, 1999: 279]. Согласно словарю Испанской Королевской Академии, использование лексемы *panteón* в значении «кладбище» распространено только в Андалусии и в странах Латинской Америки [Real Academia Española, 2014: URL].

К лексическим средствам также можно отнести *архаичные для пиренейского варианта испанского языка слова и выражения*, которые сохранились в мексиканском национальном варианте испанского языка в силу особенностей развития. Например, лексемы *dizque, dilatarse, esculcar* и др., которые, по мнению Х. Морено де Альба, являются архаизмами [Moreno de Alba, 2004: 2003]:

Y son dizque países soberanos... (Entre fantasmas).

Некоторые из вышеназванных единиц употребляются довольно часто. Так, например, наречие *dizque* встречается в романе Ф. Вальехо «Entre fantasmas» 22 раза.

При рассмотрении *грамматических средств* моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля следует отдельно остановиться на том, каким образом его передают испаноязычные и англоязычные авторы. Испаноязычные писатели отмечают следующие характерные грамматические особенности и тенденции мексиканского варианта испанского языка:

1. Ф. Вальехо указывает сразу на несколько распространенных отклонений от правил классической грамматики. В его романе «Entre fantasmas» президент страны в телевизионном интервью, посвященном землетрясению, говорит:

Hubieron muchos edificios colapsados – dijo el Tartufo – y muchos muertos

(Entre fantasmas).

Глагол-сказуемое *haber* употреблен во множественном числе (*hubieron*) в предложении безличного типа. Указанная тенденция получила достаточно широкое распространение в Мексике, что отмечалось в подразделе «Социолингвистические, лингвистические и психолингвистические параметры мексиканского коммуникативного стиля» и подтверждается данными *Diccionario panhispanico de dudas* [*Diccionario panhispanico de dudas*, 2005: URL]. Интересно, что главный герой, колумбиец по происхождению, очень резко реагирует на подобную языковую тенденцию и характеризует ее как «катастрофу языка». Приведем еще один аналогичный пример:

Se desbarrancaron y hubo muertos y muertos y muertos, o mejor dicho «hubieron» como diría Zabloudovsky en zanuco (Entre fantasmas).

В данном случае автор иронизирует над неграмотностью речи Хакобо Заблюдовски (*Jacobo Zabloudovsky*), известного мексиканского телеведущего, который с 1971 по 1998 гг. вел программу новостей на канале Televisa, так как речь дикторов традиционно считается образцом правильности.

2. В том же романе писатель отмечает чрезмерное употребление мексиканцами *притяжательных форм*, что кажется ему неестественной для испанского языка калькой с английского:

...nadie se lo vaya a robar al pueblo, «su» pueblo, con ese «su» tan mexicano que parece traducido del inglés: «¿Le duelen al niño “sus” ojitos»? ¿No me trae, señorita, “mi” café? (Entre fantasmas).

3. Что касается конвенциональных фраз и клише, и испанский, и колумбийский писатели отмечают несовпадение общепринятых *норм формальной вежливости*. Так, особенности коммуникативного стиля жителей Испании приводят главную героиню романа А. Реверте «La Reina del Sur» к мысли о том, что манеры испанцев не столь хороши, как латиноамериканцев, хотя на самом

деле причина заключается не столько в привитых манерах, сколько в установленных лингвокультурных нормах, т.к. в Мексике вербальные формы выражения вежливости получили очень широко развитие:

Se veía de buen carácter; y aunque no tuviera estudios, el acento la hacía parecer educada, con ese vocabulario abundante que tienen los hispanoamericanos, tan lleno de ustedes y de por favores, que los hace parecer a todos académicos de la lengua (Reina del Sur).

Таким образом, для испанского писателя маркерами коммуникативного стиля латиноамериканцев прежде всего являются частотное употребление формы *por favor*, регионализмы, обращение на *Usted* и мягкая интонация мексиканцев. В свою очередь колумбийский писатель отмечает нарушения грамматического строя.

Рассмотрим подход к передаче особенностей мексиканского варианта испанского языка американского автора Д. Уинслоу. В романе «The power of the dog» писатель использует непосредственно **испанский язык** для создания мексиканского национального колорита. Произведение написано на английском языке, однако в тексте есть отдельные слова и фразы, на испанском языке, которые принадлежат героям-мексиканцам:

1. «*¡Que noche bruta!*» he said to Adan. «*Me mata la cabeza.*»
2. «*¡Que coño te pasa?*» Don Pedro asks (The power of the dog).

Примечателен тот факт, что не все испаноязычные вставки сопровождаются переводами на английский язык. Дело в том, что лингвистическая структура данного романа (смешение английского и испанского языковых кодов) отражает одно из следствий процесса глобализации: в настоящее время высокий процент американцев в той или иной степени знает испанский язык, поэтому предполагается, что читатели смогут понять испаноязычные вставки, которые приводятся в романе без перевода.

3.2.3 Отражение социолингвистических особенностей национальной мексиканской коммуникации

Если говорить о *социолингвистических* особенностях, нашедших отражение в романах, то писатели отмечают **асимметричность отношений коммуникантов** вследствие существующей статусной дистанции между ними. Так, например, при разговоре главной героини романа «La Reina del Sur» и наркобарона Эпифанио Варгаса она неизменно обращается к нему на *Usted*, в то время как он говорит с Терезой на *tú*.

Интерес представляет собой функционирование глагола *mandar*, который может использоваться при переспрашивании или уточнении в значении испанского «¿cómo?». Данная особенность также находит отражение в вышеуказанном романе А. Реверте:

– *Teresita...*

– *Mande...*

– *¿La neta que no leíste nada?* (Reina del Sur)

Поскольку форма *mande* восходит к временам колонизации и давно вышла из употребления на территории Испании, с точки зрения испанского автора, подобные выражения придают мексиканскому национальному варианту испанского языка определенную архаичность. Рассмотрим следующие примеры:

Nadie pero nadie nadie inclueyendo a mí, su servidor, el nieto de mi abuelo, pudo romper la salazón... (Entre fantasmas).

Самоквалификация писателя *su servidor* является сокращенным вариантом клишированной фразы *su atento/seguro/humilde servidor* (в переводе на русский язык *Ваш покорный слуга*), которая использовалась в качестве заключительной формулы в письмах и в настоящее время считается архаизмом.

Писатель Д. Уинслоу указывает на **разницу в ключевых ценностях** американского и мексиканского общества, отмечая, что представители мексиканской культуры ориентируются не столько на законы, сколько на личные

знакомства, связи, договоренности:

The trouble with your DEA is that it is, forgive me, so very American. Your colleagues do not understand our culture, how things work, how things have to work (The power of the dog).

И далее следует пояснение:

– *In America, everything is about systems, – Barrera said. – In Mexico, everything is about personal relationships* (The power of the dog)

Проведенное исследование показывает, что испанский и американский писатели подчеркивают эмоциональную сдержанность мексиканцев. В романе Д. Уинслоу «The power of the dog» глава наркокартеля, узнав, что любовница пытается отравить его, даже не повышая голоса, заставляет её съесть отравленный хлеб и так же сдержанно и зло реагирует на глупую выходку своей молодой любовницы, из-за которой его обнаружила и задержала полиция:

Tio wrenches his chin from Art's hold and cranes his neck to stare at the girl. Pure hatred as he pronounces a single word: «Chocho». Cunt. The girl turns pale and looks terrified (The power of the dog).

Одного слова героя достаточно, чтобы привести девушку в состояние ужаса и заставить ее бояться своего любовника больше, чем полицейских.

Необходимо также отметить, что в ряде случаев американский автор использует лексические единицы испанского языка при описании особенностей социальной структуры общества Мексики. Так, в романе упоминаются такие слои мексиканского общества, как *campesinos* (пояснение в романе – *Mexican peasant farmers*), *gomeros* (пояснение в романе – *opium growers*), *vaqueros* (употребляется в значении «пастухи», в тексте приводится без пояснения). Автор также затрагивает актуальную для мексиканского социума проблему детей, рожденных в смешанных браках:

Art's father was a San Diego businessman who seduced a Mexican girl while on

vacation in Mazatlan (The power of the dog).

В подобных случаях дети испытывают сложности при формировании своего национального самосознания, поскольку стоят на границе американской и мексиканской культур, но в обоих социумах воспринимаются как *чужие*:

The lost, the lonely, the bicultural misfits with a foot in two worlds and a place in neither (The power of the dog)

Таким образом, в анализируемых романах отмечается иерархичность мексиканского общества, а также ряд социальных проблем, которые детальнее всего освещает американский писатель. Данный факт объясняется, возможно, соседством Мексики и США, вследствие которого их социумы активно взаимодействуют. Среди социальных проблем, которые нашли отражение во всех романах, можно отметить прежде всего высокий уровень коррупции.

3.2.4 Передача типичных аксиологических и психолингвистических характеристик жителей Мексики

Что касается **аксиологических особенностей** (иными словами – отражения структуры и иерархии ценностного мира мексиканцев), то колумбийский писатель Ф. Вальехо, в частности, отмечает тот факт, что стремление «*сохранить лицо*» своего собеседника приводит к употреблению значительного количества смягчающих выражений. Он называет Мексику страной **эвфемизмов**:

Y ya está viejita, «grande» como dicen en este país de eufemismos... (Entre fantasmas).

В данном примере писатель показывает, что, когда речь заходит о возрасте женщины, лексемы с диминутивными суффиксами (*viejita* – *старенькая*) не воспринимаются представителями мексиканской лингвокультуры как приемлемые и для них более характерно употребление стилистически нейтрального эвфемизма *grande* в значении *vieja* (*старая*), чтобы не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта.

Д. Уинслоу также отмечает эвфемистичность мексиканского коммуникативного стиля. Примечательно то, как мексиканские полицейские сообщают своим американским коллегам о нежелании помогать им в операции по поимке наркоторговцев:

*Who, when they did, looked at them with perfect condescension and told them, «Señores, this is Mexico. **These things take time**» (The power of the dog).*

В данном случае фраза «*These things take time*» (в переводе на русский язык – *Такие дела требуют времени*) подразумевает завуалированный отказ помогать американцам устанавливать чужие правила на мексиканской территории. Напомним, что **использование непрямых отказов** является одной из характерных черт мексиканского коммуникативного стиля.

Наряду с указанными характеристиками писатели отмечают гиперактуализацию оппозиции *свой / чужой* в мексиканском обществе. Например, в романе «The power of the dog» один из американских полицейских является наполовину мексиканцем, поскольку его мать мексиканка. Как только наркоторговцы узнают об этом, а также о том, что он, подобно им, занимался боксом, они начинают общаться с ним на своем родном испанском языке. Происхождение и занятия боксом позволили расценить героя как *своего*, даже несмотря на то, что он полицейский.

Подводя итог, следует признать, что среди аксиологических и психолингвистических особенностей авторы отмечают прежде всего стремление не задеть достоинство собеседника, что выражается в использовании эвфемизмов, непрямых отказов.

3.2.5 Особенности отражения паравербального и невербального поведения мексиканцев

Разделение на *своего* и *чужого* отмечается и на невербальном уровне коммуникации. Автор романа «The power of the dog» не раз обращает внимание

читателей на значимость легкого объятия в знак приветствия и прощания у мексиканцев:

*Then Abrego leaves, with **a dignified handshake instead of an embrace**, and Art watches as Tio walks back to the girl, bends over, and kisses her hand (The power of the dog).*

Рукопожатие является знаком уважения и дистанции в мексиканской культуре. В данном случае Абрего выражает свое недовольство тем, что его общение с симпатичной ему девушкой было прервано его начальником.

*Wonders, as Guero **greet him with an embrace**, if his wanton lust for the man's wife isn't visible on his face. And he's sure it must be when she comes out the door of the house and smiles at him (The power of the dog).*

Поскольку Гуэро не просто пожимает руку Фабуану, а обнимает его, последний понимает, что ему не грозит опасность, поскольку Гуэро все еще не знает об измене своей жены.

Как мы видим, легкое объятие в знак приветствия и прощания принято в мексиканском коммуникативном стиле и между мужчинами. Например, обнимаются два давних друга-наркоторговца:

*Couple of seconds later, Callan's looking up at Little Peaches, who **gives him a big hug** (The power of the dog).*

Не остаются незамеченными паравербальные особенности межгендерного взаимодействия: мужчины в Мексике галантны и обходительны по отношению к женщине, когда они ей симпатизируют, они смело проявляют свою симпатию:

*But Guero **bows – actually bows – sweeps his hat along the sidewalk and smiles up at the girl** (The power of the dog).*

Однако при своей симпатии они не испытывают к женщинам уважения и не считают их равными себе:

As they walk her past Tio, she sobs, «I'm sorry!» Tio spits in her face (The power of the dog).

Как показал проведенный анализ, модель мексиканского коммуникативного стиля, будучи более близкой / более удаленной от модели собственно национального коммуникативного стиля, не передает все его характеристики. В произведениях авторов, не принадлежащих к представителям мексиканской лингвокультуры, прослеживается определенная разница в выборе средств моделирования мексиканского коммуникативного стиля.

Испанский писатель делает акцент на лексической специфике речи мексиканцев, что связано со спецификой восприятия мексиканского варианта испанского языка жителями Пиренейского полуострова: их внимание прежде всего привлекают мексиканизмы и общая «мягкость» речи мексиканцев.

В колумбийском романе на первый план выходят грамматические особенности жителей Мексики в связи с филологическим образованием автора и общностью культурного наследия Мексики и Колумбии.

Американский автор уделяет больше внимания ценностям мексиканского общества, что, вероятно, определяется большим расхождением между мексиканской и американской когнитивной картиной мира.

Как мы видим, сравнение языковых выражений в различных языках «позволяет выявить различия в когнитивных моделях носителей этих языков» [Проскурин, 2004: 53]. Следовательно, отчасти отмеченную разницу при выборе средств можно объяснить влиянием стереотипных представлений авторов, присущих их родной культуре, и идиолектов самих писателей. Что же касается места слов-реалий в данном процессе, то оно определяется когнитивно-прагматическими возможностями данных единиц.

3.3 Когнитивно-прагматический потенциал мексиканских слов-реалий в романах немексиканских авторов

Для анализа когнитивно-прагматических возможностей слов-реалий в

процессе моделирования мексиканского коммуникативного стиля на основании ряда критериев (связанный с Мексикой сюжет, присутствие героев-мексиканцев, массовое признание читателями, принадлежность к современной литературе) были отобраны три романа:

- колумбийского автора Ф. Вальехо «Entre Fantasma»,
- испанского писателя А. Реверте «La Reina del Sur»,
- американского автора Д. Уинслоу «The Power of the Dog».

Остановимся на завязке сюжета и особенностях каждого произведения.

В содержательном плане произведение Ф. Вальехо «Entre Fantasma» представляет собой размышления пожилого человека, который настроен против общепринятой морали, норм и ценностей. Колумбийский писатель использует когнитивно-прагматический потенциал слов-реалий для того, чтобы показать отрицательного отношения рассказчика-иностранца к Мексике, который, несмотря на то, что живет в этой стране много лет, отторгает ее и чувствует себя здесь *чужим*, даже притом, что мексиканская и его родная, колумбийская, культуры объединены между собой и с другими испаноязычными испанским языком. Именно стремление передать негативное отношение рассказчика-иммигранта, не принявшего нормы Мексики, обуславливает тот пренебрежительно-ироничный тон, который характерен для повествования рассказчика.

В рамках нашей работы особое внимание привлекает тот факт, что отец писателя был крупным политиком [Restrepo, 2007: URL] и его профессиональная деятельность, безусловно, наложила отпечаток на содержание романа, в котором прослеживается интерес к политической ситуации в Мексике и истории этой страны. Учеба на факультете философии и филологии Колумбийского Национального университета в Боготе Ф. Вальехо [Diason, 2008: URL] также отразилась на некоторых стилистических особенностях романа, в котором встречаются многочисленные лингвистические комментарии.

Примечательно, что широкую известность автор получил не только благодаря литературному творчеству, но и вследствие своего громкого отказа от

колумбийского гражданства: с 1971 года он живет в Мексике, а в 2007 году получил мексиканское гражданство [Martínez Polo, 2008: URL].

Испанский роман «La Reina del Sur» («Королева Юга», в пер. Н. Кирилловой- ссылка на перевод нужна?) писателя и публициста А. Реверте рассказывает о жизни простой мексиканки, которая, пройдя ряд жизненных трудностей, становится главой международной сети незаконной торговли наркотиками. Автору приходится моделировать мексиканский национальный коммуникативный стиль, поскольку язык «улиц», согласно утверждению самого А. Переса Реверте, невозможно напрямую использовать в книгах, он не поддается адаптации и только после тщательной литературной обработки начинает казаться аутентичным [Rojo, 2002: URL].

Роман американского писателя Д. Уинслоу «The power of the dog» занимает особое место в ряду произведений, отобранных для анализа, поскольку его автор принадлежит к *англосаксонской* культуре и не оперирует испанским языком как родным. Сюжет романа повествует об американском полицейском мексиканского происхождения, который ведет борьбу как с наркобаронами, так и с коррумпированными сотрудниками Управления по борьбе с наркотиками. В произведении прослеживается смешение языковых кодов: роман написан на английском языке с многочисленными испаноязычными вкраплениями.

При исследовании данного романа нами был зафиксирован 2 521 случай употребления испанских лексем, фраз и выражений, причем следует отметить, что писатель использует их без соответствующих нормам испанского языка графических знаков. Хотя и не все испанские лексемы романа являются словами-реалиями в рамках определений данного термина, приведенного во втором разделе настоящего исследования, можно с уверенностью говорить, что в данном романе они, являясь ярким стилистическим средством, становятся контекстуальными словами-реалиями и выполняют соответствующие им функции, обозначая названия предметов материальной культуры, исторических

событий и др., существующих в мексиканской лингвокультуре, либо передавая определенные культурно-специфичные смыслы и коннотации.

Интеграция английского и испанского языков не вызывает удивления, и уже длительное время многие исследователи занимаются изучением указанного явления. Что касается испанского языка на территории США, то, по мнению Н.Ф. Михеевой, его основой выступает мексиканский национальный вариант испанского языка, однако «в реализации языковых единиц в нем явно прослеживается влияние американского национального варианта английского языка». Кроме того, он ограничен определенными сферами использования (прежде всего разговорно-бытовой и религиозной) [Михеева, URL].

Исследованный фактологический материал подтверждает данную позицию, т.к. область использования испанской языковой системы в романе, как правило, ограничена двумя случаями: *разговорно-бытовая речь испаноговорящих героев и наименования культурно-специфических единиц мексиканской культуры.*

К *первой подгруппе* относятся разговорно-бытовые фразы, чаще всего обладающие эмоциональной, экспрессивной и оценочной направленностью, среди которых выделяются:

1) *обращения, выражающие нежные и ласковые чувства:*

«Hola, sonrisa de mi alma,» he says when she answers. She is the smile of his soul. Her voice is his dawn and his dusk (The power of the dog).

Выражение *Hola, sonrisa de mi alma* не может не привлечь внимание читателей, поскольку оно принадлежит убийце-наркоторговцу и, на первый взгляд, входит в диссонанс с его жестоким образом. Преступник употребляет подобные фразы, обращаясь к своим детям. Использование испаноязычных вкраплений в данном случае позволяют автору имплицитно показать, что у мексиканцев семья и особенно их дети занимают очень важное место в ценностной картине мира;

2) *инвективные фразы героев-преступников:*

«¡*Te voy a mandar pa'l carajo!*»

Navarres loses it. Screams, «I should eat shit? I should eat shit?! Bring him.»

I'm going to send you to hell (The power of the dog).

В данном случае в состав инвективного выражения входит мексиканизм *carajo*. При этом передаются фонетические особенности мексиканского варианта испанского языка, а именно стяжение предлога *para* и определенного артикля: *para + el = pa'l*.

Для того чтобы не нарушать цельность и логику исследования, корпус мексиканских слов-реалий романов немексиканских авторов, как и в случае с единицами из мексиканских текстов, следует разделить в соответствии с их предметной областью.

3.3.1 Природно-географические слова-реалии

Когнитивно-прагматический потенциал слов-реалий данной подгруппы, в которую входят названия населенных пунктов, штатов, эндемичных животных и растений, направлен прежде всего на достижение следующих целей:

— **создание эффекта документальности и подлинности изображаемых событий.**

Так, каждая глава американского романа «The power of the dog» начинается с указания места и времени событий (например: *Badiraguato District State of Sinaloa Mexico, 1975; Guadalajara Mexico, 1984* и др.), благодаря чему происходит эффект жанрового смещения, и у читателя создается ощущение, что он имеет дело не с романом, а с хроникой или своего рода дневником-отчетом. В ряде случаев даже фонетическая форма этих единиц свидетельствует об их индейском происхождении:

...se alojaba en la colonia Chapultepec, Culiacán, estado de Sinaloa (La Reina del Sur).

Приведенный фрагмент как бы вводит систему координат художественного

текста: А. Реверте указывает штат, город и даже район, в котором начинается действие. При этом, в отличие от мексиканских романов, в романах немексиканских авторов, как правило, присутствует также некая информация о месторасположении того или иного штата и города (например: *en la costa occidental y frente a la embocadura del golfo de California; cuarenta kilómetros a poniente, hacia Altata*), которая не только выполняет функцию воссоздания локального колорита, но показывает, что автор ориентируется на потенциально незнакомого с географией Мексики читателя.

Географические слова-реалии могут актуализировать пресуппозитивные знания читателей об *исторических событиях страны*. Однако для понимания таких созданных за счет слов-реалий импликатур читателю необходимы определенные пресуппозитивные знания.

Так, в романе «Entre fantasmas», читая об убийствах мексиканских политиков во время Революции, читатель узнает, что военные Веракруса получили приказ «*Si Carranza entra en su jurisdicción, que no salga*» (импликатура: убить Карранцу). Поскольку далее без дополнительных пояснений автор подытоживает: *No pasó de Tlaxcalantongo*, то, чтобы писатель достиг желаемого прагматического эффекта, читатели должны знать, что географически Тлаксалантонго находится на пути в город Веракрус. Таким образом, генерал был убит еще до того, как попал в Веракрус. За счет упоминания исторически достоверных данных (точное место убийства мексиканского президента В. Каррансы – *Тлакскалантонго (Tlaxcalantongo)*) писатель добивается достижения эффекта достоверности информации. Кроме того, благодаря упоминанию подобных слов-реалий рассказчик представляется читателю знающим специалистом в области истории Мексики, мнению которого можно доверять.

Отметим, что когнитивно-прагматический потенциал подобных слов-реалий может быть усилен за счет приёма двойной актуализации:

...pudo ver sobre la mesa los titulares de los diarios de Culiacán de aquella

mañana: Batalla en la Chapultepec (La Reina del Sur).

Словосочетание *Batalla en la Chapultepec* (битва при Чапультепеке) используется, во-первых, по отношению к перестрелке наркоторговцев; во-вторых, под этим названием в историю Мексики вошло сражение, во время которого американские войска штурмом взяли крепость Чапультепек в 1847 г.

— создание эффекта «узнавания» Мексики и образа криминальной Мексики за счет обращения к пресуппозитивным знаниям читателя (опора на стереотипы)

Поскольку авторы обращаются именно к широко известным мексиканским словам-реалиям, связанным с преступностью, то представляется целесообразным рассмотреть две функции одновременно. В романах испанского и американского авторов, в отличие от произведений писателей-мексиканцев, используются в основном названия достаточно крупных штатов, городов и др. Вероятно именно благодаря известности своей неблагоприятной криминогенной обстановки вышеупомянутый штат Синалоа выбран основным местом развития событий романов, написанных в русле нарколитературы («The power of the dog» и «La Reina del Sur»). Ср.:

1. ...sent him straight to **Mexico**. Right to **Culiacan**. The capital of the Western Hemisphere drug trade. Opium's market town.

The belly of the beast (The power of the dog);

2. *Que fueron muchos balazos pa' una hora tan temprana. Puro Sinaloa* (La Reina del Sur);

3. *No pueden dejar que les truenen a un hombre, y menos que lo haga una hembra... Serían la risa de todo Sinaloa* (La Reina del Sur).

4. «*El Leoncito de Culiacan,*» the man answered proudly. «*The Little Lion of Culiacan. He'll be champion of the world one day*» (The power of the dog).

Город *Кульякан (Culiacan)* является самым крупным населенным пунктом штата Синалоа. В первом примере благодаря интенсификаторам *straight to* и *right to* (*сразу, прямо, непосредственно*) перед словами-реалиями *Mexico* и *Culiacan* последний воспринимается как столица наркоторговли, а сам перевод героя на место службы в Мексику уподобляется отправке на войну.

Прагматический эффект усиливается метафорой *The belly of the beast* (*Чрево зверя*), которая выполняет интертекстуальную функцию, вызывая у читателя аллюзии сразу на несколько произведений, связанных с криминальной тематикой: роман Д. Аббота «*In the Belly of the Beast*», фильм о федеральном агенте «*Belly of the Beast*» (в русском переводе – «Охота на зверя») и др. Однако можно говорить и о других версиях: данное выражение отсылает читателя к жизнеописанию пророка Ионы, который провел три дня в чреве морского зверя и остался живым. С другой стороны (данная версия представляется самой убедительной), в одном из электронных интернет-словарей у лексемы *beast* зарегистрировано значение «судебная система» (*justice system*), а у всей фразы – значение «быть за решеткой» (*to be locked up in the system, to be in jail*) [Urban Dictionary: URL].

Таким образом, с самого начала романа, автор показывает, что Кульякан является центром торговли опиумом, причем в нее вовлечено все местное население.

Во втором случае когнитивно-прагматический потенциал слова-реалии *Sinaloa* усилен эпитетом *puro* (*в этом вся суть Синалоа*). Это позволяет читателю сделать вывод, что услышать выстрелы в Синалоа – привычное дело, и, соответственно, у большого числа жителей есть личное оружие, что неблагоприятно сказывается на безопасности жителей и гостей штата.

В третьем фрагменте речь идет о двух наёмных убийцах, от которых смогла убежать их жертва, девушка. В когнитивной картине мира мексиканских преступников эта ошибка воспринимается как позор и бесчестие. Сама фраза наёмного убийцы Поте (*Serían la risa de todo Sinaloa*) может быть истолкована двояко: над ними будут смеяться все члены картеля или над ними будут смеяться

все жители штата. Таким образом, благодаря эффекту совмещения двух понятий у читателя складывается ощущение очень неблагоприятной криминогенной обстановки в Мексике.

Во последнем примере название города входит в состав метафорического сравнения (*El Leoncito de Culiacan*) и вызывает у читателя ассоциации с мексиканским боксером Хулио Сесаром Чавесом, которого называли *El Leon de Culiacan* (*Лев из Кульякана*). В романе этим прозвищем наделяют начинающего, но перспективного боксера. Вероятно, по этой причине лексема *Leon* используется с уменьшительным суффиксом *-ito* (*leoncito* – *львенок*). В этой связи справедливо утверждение И.В. Крюковой, которая полагает, что «коннотативный компонент, изначально присутствующий в семантике реальных или искусственно созданных номинативных единиц, послуживших основой этих онимов, сознательно сохраняется и поддерживается контекстом...» [Крюкова, 2011: 139]. Неслучайно автор во избежание возникновения у читателя незапланированных ассоциаций (*leoncito* – *обезьяна*) уточняет значение лексемы *leoncito* на английском языке (*The Little Lion of Culiacan*).

Следует отметить, что колумбийский писатель также отмечает высокий уровень преступности Мексики, однако эта информация передается им скорее подспудно, а то время как эксплицитно он говорит о нелепости и неотвратимости смерти, ср.:

La señora Tatiana Marchand... se fue de fin de año a Cuautla al cine y quiso ir al baño....Dicen que los dólares que llevaba escondidos en la faja se los robaron.(Entre fantasmas);

В данном случае Ф.Вальехо, рассказывая историю о событиях, приведших к смерти Т. Марчанд, упоминает город *Cuautla* (Куаутла), штат Морелос: тот факт, что смерть настигла Татьяну в обыкновенном провинциальном городе, в который она приехала, чтобы попасть в кино, свидетельствует о ее тривиальности. Если добавить, что Татьяна упала по дороге в туалет, разбила голову, и это привело к

смерти, то к качеству информации, подчеркиваемой словами-реалиями, можно добавить и прагматическую функцию иронии.

Из этого случая можно сделать вывод и о том, что в Мексике очень остро стоит проблема воровства, в связи с чем люди вынуждены зашивать деньги в одежду, когда едут в другой город, например, Куаутлу. Однако, что вызывает резко отрицательное отношение к мексиканцам в повествовании рассказчика, так это их беспринципность и цинизм: они обыскивают и обворовывают мертвую женщину, доставая деньги из ее нижнего белья.

Помимо названий городов и штатов, на создание эффекта «узнавания» Мексики направлен когнитивно-прагматический потенциал ряда слов-реалий, обозначающих элементы животного и растительного мира:

Y México es un espejísimo polvoso, lejano, un desierto de magueyes y de cactus
(Entre fantasmas).

Согласно словарю мексиканизмов Ц. Макасага, лексема *magueye* обозначает *род растений подсемейства агавовых* [Macazaga Ordoño, 1999: 229]. Свыше 200 видов агавы произрастает в Мексике. Из сока этого растения готовят широко известный мексиканский алкогольный напиток пульке, а его цветы употребляют в пищу.

Лексема *cactus* не является строго мексиканским словом-реалией, однако оно служит для актуализации одного из распространенных стереотипов о том, что в Мексике крайне засушливый климат и растет много кактусов. Упоминание об этих растениях позволяет Ф. Вальехо *визуализировать у читателя типичный мексиканский пейзаж*: песчаную пустыню со скудной растительностью и палящим солнцем. Кроме того, доказывается мысль автора о том, что солнце в Мексике не является источником жизни или спасения.

Помимо *локализующей* функции, названия растений и животных также отражают *особенности когнитивной картины мира героев-мексиканцев*. Так,

например, находясь в Сальвадоре в засаде, полицейский чувствует запах *jacaranda* (*жакаранда*), который у него ассоциируется с городом Гвадалахара:

A breeze wafts the scent of jacaranda from the compound, reminding Art of Guadalupe (The power of the dog).

Подобные ассоциации могут возникнуть только у человека как минимум побывавшего в Гвадалахаре вовремя цветения этого дерева.

Таким образом, когнитивно-прагматический потенциал природно-географических слов-реалий в немексиканских романах служит для реализации трех основных интенций авторов: создание эффекта достоверности повествования, создание узнаваемого широким кругом читателей образа Мексики и выделение ее криминальности. Единицы данной группы также пополняют запас знаний читателя о географии, природе, климате и отдельных аспектах жизни мексиканского населения. Кроме того, в силу специфики своего сюжета в романе «Entre fantasmas» данная подгруппа слов-реалий используется для выражения оценочного (иронично-негативного) мнения рассказчика об этой стране.

3.3.2 Реалии-антропонимы

К реалиям-антропонимам относятся имена собственные реальных людей и/или персонажей прецедентных текстов мексиканской лингвокультуры, нашедших отражение в фоновых знаниях представителей других культур. В плане количественного состава следует отметить, что в романах «La Reina del Sur» и «Entre fantasmas» единицы данной подгруппы представлены более широко, чем в романе «The power of the dog». В качественном плане определенные пласты реалии-антропонимов могут быть актуализированы в одном романе и совсем не задействованы в другом произведении. Сначала нами будут проанализированные предметные подгруппы реалий-антропонимов, встречающиеся в минимум двух романах.

Реалии-антропонимы из области истории

В отборе реалии-антропонимов из области истории четко прослеживается влияние национальной принадлежности авторов и отдельных особенностей их биографии. Так, в романе испанского писателя встречаются имена конкистадора *Cortés* (Э. *Кортес*), имя последнего ацтекского императора *Moctezuma* (*Моктесума*) и его дочери *Malinche* (*Малинче*), которые хорошо известны как мексиканцам, так и испанцам:

1. *Siempre leía dos o tres libros a la vez: alguno de historia – era fascinante la de México cuando llegaron los españoles, Cortés y toda aquella bronca..*(La Reina del Sur);
2. *...como aquellos españolazos que una imaginaba de antes, aristócratas e hidalgos y demás - por algo tuvo que apendejarse la Malinche, a fin de cuentas - y que seguramente no existieron casi nunca* (La Reina del Sur);
3. *...mañana me hacen una pequeña fiesta, y – lo cortés no quita lo Moctezuma – reconozco que sin ti las fiestas se me hacen raras* (La Reina del Sur).

Как видно из первого примера, Тереса не выражает напрямую своего отношения к такому чувствительному для мексиканцев вопросу, как Испанская колонизация Америки, однако для определения этого периода истории своего народа она использует мексиканизм *bronca*, значения которого не совпадают в Латинской Америке и на Пиренейском полуострове. Для испаноязычных европейцев основная сема единицы *bronca* – это *ссора, шумный спор; резкий упрёк* (*riña o disputa ruidosa; reprensión áspera*) [Real Academia Española, 2014: URL]. В свою очередь, словарь мексиканизмов фиксирует это слово в значении *проблема, трудность* (*dificultad*) [Gómez de Silva, 2001: URL]. Примечательно, что в Латинской Америке у данной единицы может актуализироваться и более экспрессивная сема *гнев, досада, ярость* (*enojo, enfado, rabia*) [Real Academia Española, 2014: URL]. Таким образом, она обладает бóльшим внутренним интенсивом, чем значение данной лексемы в Испании. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что испаноязычные читатели из разных стран при

реализации указанной лексемы в речи будут иметь дело с различной степенью интенсивности проявленности признака.

Во втором высказывании находит отражение отношение героини к гостям-испанцам на вечеринке. Один из них привлекает её внимание, и она как человек, принадлежащий к мексиканской лингвокультуре, машинально сравнивает себя с Малинче. При этом когнитивно-прагматический потенциал высказывания, реализация которого направлена на создание образа мексиканки, обладающей определенным мировосприятием (отношение к мужчинам, родине, предательству), усилен за счет разговорного мексиканизма *apendejarse* (*hacerse bobo, estúpido* – *глупить* [Gómez de Silva, 2001: URL]) и лексемы *españolazos*, содержащей суффикс *-azo*, который служит для выражения субъективной оценки говорящего.

Как мы видим, Тереса предстает женщиной, готовой, как и Малинче, предать свою родину, но считает, что сделать это можно ради гордого и благородного аристократа. В таком высказывании просматривается не только желание простой девушки добиться высокого положения в обществе, но и имплицитное признание неравенства мексиканцев и испанцев, которое отчасти объясняется определенным восприятием себя и своей культуры мексиканской нацией (*malinchismo* и *complejo de inferioridad*, о которых подробно говорилось в Разделе II настоящей работы).

В третьем примере автор повышает экспрессивность фразеологизма (*lo cortés no quita lo valiente*) при помощи замены компонента: вместо лексемы *valiente* используется реалия-антропоним *Moctezuma*, смерть которого связывают с Э. Кортесом. Необходимо также отметить, что в данном случае имеет место двойная актуализация – использование омонимов *cortés* (*вежливый*) и *Cortés* (фамилия испанского конкистадора).

В романе колумбийского писателя Ф. Вальехо встречается ряд имен крупных политиков и президентов Мексики конца XIX – XX веков: *Álvaro Obregón, Lázaro Cárdenas, López Portillo, Luis Echeverría, Venustiano Carranza* и

др. Имена большинства из них упоминаются в связи с теми историческими событиями, о которых идет речь. Как правило, сквозь призму этих событий автор старается донести мысль о том, что во главе Мексики часто оказываются жестокие и беспринципные личности, готовые непрерывно убивать ради власти. Стоит выделить два приёма, которыми пользуется автор для создания ироничного и пренебрежительного отношения к политикам.

К ним относится *использование характерных прозвищ*, например, когда, автор, высмеивая 31-ого президента Мексики Хосе Лопеса Портильо (José López Portillo) и рассказывая о его преступлениях, глупости и коррумпированности, довольно часто упоминает прозвище-зооморфизм, данное этому политику народом, *el perro* (пёс):

Y cuando el perro López nacionalizó la banca para tapar sus robos, mi barrio que era una delicia se llenó de zanducos... (Entre fantasmas).

Очевидно, что данный приём вызывает у читателя аллюзию на одну из самых известных фраз президента о том, что он будет поддерживать высокий курс песо всеми возможными средствами: «*Defenderé el peso como un perro*» (букв.: *Я буду охранять песо, как собака*). При этом президентство Лопеса Портильо закончилось экономическим кризисом в стране: внешний долг Мексики значительно вырос, а курс национальной валюты обрушился [Cuellar, 2004: URL] Как отмечает С.Н. Балашов, «совмещенные адресантом объекты вызывают необходимость у адресата извлечения из когнитивной карты информации об идеальном объекте. Неприемлемое совмещение объектов интерпретируется воспринимающим как ироническая интенция» [Балашов, 2006: 11].

Вторым приёмом является *языковая игра*, когда писатель иронично обыгрывает фамилию вышеупомянутого политика, актуализируя у читателя определённые пласты социокультурных знаний и ассоциативные ряды:

¿Y que fue ese presidente sabio, abnegado? El nombre no lo diré y menos el apellido que empieza por el «e». ¿Echandía? Tibio ¿Echegaray? Más tibio.

¿Echeverri? Caliente. Caliente. Caliente (Entre fantasmas).

В данном примере ирония построена на когнитивном замещении: автор упоминает три реалии-антропонима (*Echandía-Echegaray-Echeverri*) со сходной фонетической формой (президент Мексики *Эчеверрия*; президент Колумбии *Эчандия*; аргентинский политик-коммунист *Эчегарай*), усиливая выражение своего презрения к мексиканскому президенту Луису Эчеверрии (Luis Echeverría Alvarez), добиваясь эффекта снижения исторической значимости и статуса президента: народ не помнит его фамилии, но помнит его ошибки.

Авторы создают ощущение безвыходности в отношении политической ситуации в Мексике за счет обращения к личностям *М. Клозье (Clouthier)* и *К. Карденаса (Cardenas)*, которые баллотировались на пост президента:

1. *Y cuando... surgió el hombre capaz de curarlo de sus males sin cuento venía la Muerte en sentido contrario al suyo por la carretera y chocó con ella. Clouthier (Entre fantasmas);*

2. *...the bodies of the two opposition watchdogs... who could have and would have asserted the truth, that Cardenas had won 55 percent of the vote — were found in the river (The power of the dog).*

После поражения на выборах М. Клозье начал бурную кампанию, обличающая подтасовку результатов и на следующий год разбился в автокатастрофе при невыясненных обстоятельствах.

Что касается *К. Карденаса*, то он четыре раза безуспешно выставлял свою кандидатуру на президентских выборах. В тексте приводится авторская трактовка одного из поражений кандидата: компьютерное обеспечение дало сбой, подсчеты голосов затянулись и результаты были подтасованы. Использование прагматических возможностей данных реалий-антропонимов позволяет Ф. Вальехо и Д. Уинслоу подчеркнуть коррумпированность мексиканской политической системы на самом высоком уровне (а в случае с американским

романом — также показать, что приблизиться к настоящей демократии самостоятельно страна не может).

Таким образом, в романе «Entre fantasmas» когнитивно-прагматический потенциал реалий-антропонимов из области истории направлен прежде всего на формирование у читателя представлений о Мексике как о крайне коррумпированной стране, во главе которой стоят жестокие и недальновидные политики. В испанском романе они выполняют характерологическую функцию. В романе американского писателя данная подгруппа слов-реалий не актуализирована.

Если сравнить результаты анализа реализации исторических реалий-персоналий в романах немексиканских авторов с данными мексиканских романов, то в последних отмечается большая частотность имен собственных из других предметных групп (в частности, реалий-персоналий, связанных с Мексиканской Революцией). Соответственно, можно сделать вывод о том, что отбор данных слов-реалий обусловлен не только набором знаний того или иного писателя, но и значимостью самих событий для социума, который является родным для автора.

Реалии-антропонимы из области литературы

Что касается антропонимов, связанных с *литературой*, то они представлены в романах «Entre fantasmas» и «La Reina del Sur».

Что касается их когнитивно-прагматического потенциала, то Ф. Вальехо использует имена литераторов и названия печатных изданий как в чисто номинативной функции, так и для *создания отсылок к определенным художественным произведениям, намеков на отличительные черты характера тех или иных литературных деятелей*, причем практически все упомянутые автором личности в романе уже ушли из жизни. Например:

*Si te nombrara unos cuantos de esos que sólo yo sé porque aprendí a conocerlos durante los años y años que me pasé tras los pasos de **Barba Jacob** en esos*

templos de olvido que son más hemeróticas: Rafael Heliodoro Valle, Fernando Ramírez de Aguilar o «Jacobo Dalevuelta», Porfirio Fernández «Figaro», Francisco Zamora, Jorge Flores, Alfonso Taracena que durante cuarenta, cincuenta, sesenta años escribieron en Excélsior, en El Universal, en Novedades...¿y hoy quién los recuerda? (Entre fantasmas).

В данном отрывке перечислен ряд имен мексиканских писателей, поэтов (*Rafael Heliodoro Valle, Porfirio Fernández «Figaro»*) и журналистов (*Jorge Flores, Alfonso Taracena*), которые сотрудничали с мексиканскими национальными газетами (*Excélsior, El Universal, Novedades*). Тем самым автор показывает, что, какими бы известными люди ни казались, о них быстро забывают, и напоминает читателю о бренности человеческой жизни. Использование имени колумбийского поэта и писателя Барба Хакоба (*Barba Jacob*) демонстрирует, что рассказчик ориентирован не только на мексиканскую, но и на колумбийскую культуру.

Как отмечает Л.М. Бондаренко, «антропонимы выдающихся исторических личностей нередко выступают в качестве индикаторов персонального биографического времени авторов воспоминаний о собственной жизни» [Бондаренко, 2004: 18]:

1. *Élmer Mendoza se inclinó sobre la mesa (La Reina del Sur);*
2. *Entre risa y risa me acordé ese día, por asociación de rabias, de la tempestad, de ira que me desató mi amigo Wilberto Cantón cuando tuvo la ocurrencia de morirse sin alcanzar a ver mi primera película... (Entre fantasmas).*

В первом случае, благодаря упоминанию в тексте дружбы рассказчика с мексиканским писателем Э. Мендосой (*É. Mendoza*), становится понятно, что действие романа «La Reina del Sur» происходит в наши дни; во втором случае упоминание дружбы с В. Кантоном (*W. Cantón*) показывает, что первый фильм рассказчика вышел уже после 1979 года, в котором умер упомянутый выше литератор, и что сам повествующий находится в преклонном возрасте. Кроме того, отношения с Вильбертом Кантоном, а также упоминание о личном

знакомстве с рядом других художественных деятелей также характеризуют рассказчика как человека, принадлежащего к высшим литературным кругам Мексики.

Примечательно, что как колумбийский, так и испанский автор обращается к личности О. Паса, однако авторы используют имя писателя для достижения различных целей. Ф. Вальехо упоминает его, чтобы показать скептическое отношение рассказчика к сложившимся в обществе традициям и авторитетам:

1. *¿O será el tinnitus auris que acometió al poeta **Paz** en la India, y lo enloqueció?* (Entre fantasmas);
2. *Su orgullo ... era exhibir una cornada que le había entrado por el gaznate y partido la lengua en dos, y que lo había dejado hablando como vieja tartamudo, a lo **Octavio Paz*** (Entre fantasmas);
3. *Parece de vaca vieja. ¡Llévesela! Este cabrón me trajo la lengua de **Octavio Paz*** (Entre fantasmas).

О. Пас считается одним из самых известных мексиканских литераторов, однако, как видно из примеров, для рассказчика он не является национальной гордостью.

Во втором и третьем примерах имя О. Пасу употреблено в рамках образных сравнений. Так, метафора «в стиле О.Паса» (*a lo Octavio Paz*) в романе реализует значение «как старый заика» (*vieja tartamudo*), т.е. медленно и сбивчиво. Таким образом, в данном случае реалия-персоналия становится речевой прагмемой, выступая в рамках категории оценки. В последнем фрагменте рассказчику в ресторане приносят язык по-веракрусски, который кажется ему слишком жестким, и он сравнивает его с языком О. Паса, намекая как на возраст писателя, так и на его витиеватую манеру письма. Неслучайно Э.В. Будаев отмечает, что в «результате однонаправленной метафорической проекции (*metaphorical mapping*) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника

структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [Будаев, 2007: 22]. Таким образом, антропоним *Octavio Paz*, помимо кумулятивной, выполняет и экспрессивно-эмотивную функцию.

В испанском романе имя О. Паса выполняет характерологическую функцию:

Había encontrado en aquella librería malagueña varios autores de su tierra: novelas policíacas de Paco Ignacio Taibo II, un libro de cuentos de Ricardo Garibay, una Historia de la Conquista de Nueva España escrita por un tal Bernal Díaz del Castillo que había estado con Cortés y la Malinche, y un volumen de las obras completas de Octavio Paz – nunca había oído hablar antes de ese señor Paz, pero tenía todos los visos de ser importante allá – que se titulaba El peregrino en su patria (La Reina del Sur).

Тот факт, что до определенного момента своей жизни героиня даже не слышала имени этого мексиканского деятеля культуры, свидетельствует о ее общей необразованности и низком социальном положении до тюремного заключения, но и то, насколько сильно изменилась героиня за его время. Упоминание в тексте произведения «*El peregrino en su patria*» дает читателю понять, как сильно скучает героиня по родной Мексике.

В отрывке присутствуют и другие реалии-антропонимы: имя известного современного испано-мексиканский писателя и журналиста Пако Игнасио Тайбо II (*Paco Ignacio Taibo II*), писателя и журналиста Рикардо Гарибая (*Ricardo Garibay*), Б. Диаса дель Кастильо (*Bernal Díaz del Castillo*). Имя последнего может быть рассмотрено в свете влияния родной (испанской) лингвокультуры писателя, поскольку Тереса говорит о мексиканских авторах, авторах своей земли (*varios autores de su tierra*), а Б. Диас дель Кастильо считается в первую очередь испанским конкистадором. Невозможно не заметить, что трое из четырех перечисленных литераторов, имеют отношение к журналистике, как и сам

А. Реверте. Можно предположить, что в данном случае профессия автора наложила отпечаток на отбор данных реалий-персоналий.

Итак, реалии-антропонимы из области литературы в романах «La Reina del Sur» и «Entre fantasmas» охарактеризовать героев. Кроме того, в романе «Entre fantasmas» их когнитивно-прагматический потенциал направлен на то, чтобы подчеркнуть скептическое отношение рассказчика к авторитетам, *бренность человеческой жизни*. Они также позволяют определить возраст рассказчика и время повествования. В романе «The power of the dog» реалии-антропонимы из области литературы не представлены.

Реалии-антропонимы из криминальной сферы

В ряде случаев герои романов названы по имени реальных наркоторговцев и полицейских. Например, к данному приёму довольно часто прибегает автор романа «The power of the dog», упоминая таких представителей преступного мира, как бывший глава картеля Медильи и Гвадалахары *Рамон Метте Балластерос (Ramon Mette Ballasteros)*, бывший глава картеля Гольфо *Гарсия Абrego (García Ábrego)*, колумбийский наркобарон *Баррера (Barrera)* и др. Подобные широко известные реалии-антропонимы содержат в себе коннотативные компоненты, связанные с культурно-историческим опытом, индивидуальным и групповым мировоззрением, этнолингвистическими и этнопсихологическими особенностями «определенного лингвокультурного сообщества, эмоционально-оценочные параметры и др.» [Крюкова, 2011: 139].

Функционирование в тексте подобных хорошо известных читателям имен и образов направлено на *воссоздание реалий мексиканской действительности* и достижение прагматического эффекта *документальности* повествования:

1. *Chalino Guzman, aka El Verde, patron of the Sonora cartel, arrives at his favorite restaurant in Ciudad Juarez for breakfast (The power of the dog);*
2. *A don Lamberto Quintero lo seguía una camioneta. El nombre de don Epifanio estaba allí, con otros que le dieron escalofríos de ojearlos por encima: el Chapo*

Guzmán, Héctor Palma...(La Reina del Sur).

Так, одним из действующих лиц является романов «The power of the dog» и «La Reina del Sur» является *Чано Гусман (Chapo Guzmán)*, который был, согласно данным СМИ, главой картеля Синалоа [Beauregard, 2016: URL].

В втором отрывке встречаются также имена еще одного бывшего главы картеля Синалоа *Гектора Палмы (Héctor Palma)* [Héctor «el Güero» Palma será liberado..., 2016: URL] и члена наркокартеля в Гвадалахаре *Ламберто Кинтеро (Lamberto Quintero)* [Inzunza, 2015: URL].

В ряде случаев писатели также актуализированы типичные клички преступников, например, прозвище-мексиканизм *güero* обозначает *светловолосого или светлокожего человека* [Gómez de Silva, 2001: URL] и может вызывать у читателя целый ряд аллюзий на представителей преступного мира: например, на члена тихуанского картеля *Гуэро Хайбо (El Güero Jaibo)*, наркоторговца *Гуэро Палма (El Güero Palma)* [Héctor 'el Güero' Palma será liberado..., 2016: URL] и др. Помимо этого, широкой известностью пользуется мексиканский криминальный фильм *El güero Estrada*, вышедший в 1997 году. Ср.:

1. *Even in this urbane restaurant **Guero** is wearing his **Sinaloa** cowboy outfit...* (The power of the dog);
2. ***Guero Mendez, Baja cartel**, looks like the narco-cowboy he is. His blond hair - hence the nickname **Guero**, «Blondie»- hangs long under his white cowboy hat* (The power of the dog);
3. *El **Güero** se había burlado de eso; pero aquel sonido le daba la razón a ella y se la quitaba al **Güero*** (La Reina del Sur).

Д. Уинслоу поясняет происхождение этого прозвища и дает его перевод на английский язык (Blondie). Как видно из общего контекста романа, образ криминального героя подкрепляется описанием внешности (*white cowboy hat, tight black jeans with huge silver and turquoise belt buckle, pointed-toe boots*), иными

словами, герой носит предметы одежды, которые в массовом сознании традиционно ассоциируются с мексиканцами (широкополую шляпу, остроконечные ботинки, черные джинсы с поясом и др.).

В испанском романе заложенный прозвище *Güero* когнитивно-прагматический потенциал А. Перес Реверте актуализирует дважды. Дело в том, что, несмотря на ассоциации с определенными криминальными элементами, само значение слова никак не связано с жестокостью и насилием (ср.: *Gato Fierros*). Так, *Güero Dávila* изначально противопоставляется своими внешними характеристиками остальным героям-преступникам, которые, в большинстве своем, представлены как типичные смуглые головорезы (*los narcos siempre son morenos*). Данное противопоставление находит свое логическое объяснение лишь в конце романа, когда читатель узнает, что *Güero Dávila* был полицейским, работавшим под прикрытием.

В романах также встречаются прозвища, основанные на метафорическом сравнении, например, *Gato Fierros*. Первая часть данной номинации (*Gato*) может быть неоднозначно интерпретирована, поскольку, помимо общеиспанского значения *кот*, словарь мексиканизмов выделяет у данной лексемы значение *слуга* (*serviente*). Что касается второй части, то лексема *Fierros* также имеет неоднозначную трактовку: с одной стороны, слово *fierro* обладает значением *дикий, кровожадный*. Кроме того, лексема *fierros* в Мексике имеет значение *сентаво, монеты, деньги* [Macazaga Ordoño, 1999: 50], что могло бы подчеркнуть его беспринципность и способность убивать за денежное вознаграждение. Как мы видим, в данном случае прозвище призвано дополнить образ свирепого и беспринципного мексиканского убийцы.

Однако авторы используют типичные клички не только преступников, но и прозвищами, закрепленными за определенными видами оружия:

1. ... *Teresa ya apuntaba la Doble Águila hacia el coche* (La Reina del Sur);
2. *Había gatilleros que pegaban la estampa de Malverde en las cachas de la*

pistola o en la culata del cuerno de chivo (La Reina del Sur);

3. *But most of the casings are from the cuernos de chivo, the favored weapon of the Mexican narcotraficantes* (The power of the dog).

Если название *Doble Águila* (Двойной орел) используется в Мексике для обозначения пистолета кольта, то *Cuerno de chivo* (Рога козла) – это прозвище, которое получил за свою форму автомат АК-47. Появление подобных названий связано с особенностями восприятия мексиканцами огнестрельного оружия.

Когнитивно-прагматический потенциал реалий-антропонимов этой подгруппы направлен на создание «узнаваемого» читателем образа мексиканских преступников. Такая тесная связь героев романов с действительностью не могла не отразиться на восприятии произведения читателями. В случае с романом «La Reina del Sur» она привела к многочисленным дискуссиям относительно степени его документальности, на основании чего можно сделать вывод, что испанскому автору удалось добиться запланированного прагматического эффекта и погрузить читателя в созданную им мексиканскую псевдореальность.

Таким образом, автор актуализирует пресуппозитивные знания читателей об известных преступниках и переносит их на образы своих героев через реализацию потенциала используемых единиц. Если в романе «The power of the dog» героями выступают сами известные преступники, то в испанском произведении «La Reina del Sur» актуализированы только их имена без соблюдения биографической точности. В романе Ф. Вальехо не фигурируют реалии-антропонимы из области преступности.

Реалии-антропонимы, связанные с песенным творчеством

Слова-реалии данной подгруппы играют ключевую роль в создании мексиканской действительности в романе «La Reina del Sur» и представлены в нем следующими сегментами:

а) имена мексиканских певцов (*Chalino Sánchez, José Alfredo, Chavela Vargas, Lupita D'Alessio* и др.);

б) имена испаноязычных певцов из других стран (*Willy Colón, Rubén Blades* и др.);

в) названия известных музыкальных групп Мексики, исполняющих наркочорриды (*los Tucanes, Tigres del Norte* и др.);

г) имена героев наркочоррид (*Pedro Navaja, Juanito Alimaña*).

Рассмотрим подробнее единицы каждой группы.

В романе встречается ряд имен мексиканских певцов, популярных в 80-х годах:

Teresa le prestaba al guarura casetes y cedés con música mejicana: José Alfredo, Chavela, Vicente, los Tucanes, los Tigres, hasta una cinta preciosa que tenía de Lupita D'Alessio – seré tu amante o lo que tenga que ser / seré lo que me pidas tú...(La Reina del Sur).

В приведенном отрывке использованы имена следующих исполнителей: 1) *Лупита Д'Алессуо (Lupita D'Alessio)* – мексиканская певица, которая также активно снималась в кино; 2) *Розалино «Чалино» Санчес (Rosalino «Chalino» Sánchez)* – известный своими наркочорридами мексиканский певец, который в 1992 году был убит в Кульякане (штат Синалоа); 3) *Хосе Альфредо Хименес (José Alfredo Jiménez)* и *Чавела Варгас (Chavela Vargas)*, которые играли музыку в традиционном мексиканском жанре *ranchera*, популярном во времена Мексиканской Революции.

Стоит отметить, что личность Чавелы Варгас хорошо известна испанскому читателю, поскольку она сотрудничала с культовым испанским режиссёром П. Альмодоваром: певица исполнила ведущие музыкальные темы в фильме «*Tacones lejanos*», она также снялась в фильме «*Frida*», посвящённом судьбе мексиканской художницы Фриды Кало, с которой была хорошо знакома [Lo, 2015: URL].

Подобный отбор слов-реалий позволяет сделать определенные выводы о возрасте главной героини. Кроме того, реализация когнитивно-прагматического потенциала данных реалий-персоналий помогает автору раскрыть особенности

мировосприятия Тересы и её телохранителя, которые не перестают видеть мир сквозь призму мексиканской культуры, хотя и проживают длительное время на территории Испании.

Примечательно, что практически все упомянутые певцы исполняют ранчеры (*ranchera*) или наркобаллады (*narcocorridos*), для текстов которых характерен особый национальный колорит и атмосфера ностальгии. Представляется очевидным, что через любовь к наркочорридам автор еще раз хочет подчеркнуть принадлежность Тересы к миру наркоторговли.

Кроме того, в романе встречаются имена *певцов из других испаноязычных стран*:

El Gato Fierros era moreno, latino y malvado como si acabara de salir de una canción de Rubén Blades o Willy Colón, y sólo no estaba claro si cultivaba con deliberación el estereotipo, o si Rubén Blades, Willy Colón y las películas gringas solían inspirarse en gente como él (La Reina del Sur).

Вилли Колон (Willy Colón) – американский певец и композитор пуэрториканского происхождения считается создателем сальсы. Он работал вместе с панамским певцом Рубеном Владесом (*Rubén Blades*).

Как видно из примера, писатель, опираясь на пресуппозитивные знания читателя о бандитах, фигурирующих в песнях Вилли Колона и Рубена Владеса, позиционирует Гато Фьерро как типичного латиноамериканского головореза. За счет подобной интертекстуальной апелляции сам образ становится более рельефным и осязаемым. Имплицитно ему удается подвести читателя к вопросу о том, что же первично: отражение представления реальных образов мексиканских бандитов в песнях или желание наркоторговцев походить на эти легендарные образы, воспетые в наркобалладах.

Что касается *известных музыкальных групп Мексики, исполняющих наркочорриды (los Tucanes, Tigres del Norte и др.)*, рассмотрим следующие примеры:

*Aquella tarde julio y **Élmer** me llevaron a La Ballena – la cantina favorita del Güero Dávila –, y pedimos tres medias **Pacífico** mientras escuchábamos a los **Tigres del Norte** cantar **Carne quemada en la rockola**. Pero tenía la certeza de que en cualquier sitio, cerca de allí, alguien estaría componiendo ya la canción que pronto iba a rodar por **Sinaloa** y todo **México**, cantada **por los Tigres**, o **los Tucanes**, o algún otro grupo de leyenda (La Reina del Sur).*

С приведенным фрагментом читатель знакомится в самом конце романа. Речь идет здесь о группе *Los tigres del Norte*, которая исполняет различные нарkokорриды. Однако данный коллектив интересен А. Пересу Реверте не только в плане его репертуара. Писатель реализует свою прагматическую установку на *придание достоверности описанным в романе событиям*. Дело в том, что в год выхода романа вышеупомянутая музыкальная группа выпустила альбом, который носит то же самое название «La Reina del Sur» [Sainz, 2002: URL]. Более того, в одной из нарkokобаллад этого альбома поется о жизни Тересы Мендосы.

С предыдущей подгруппой тесно связаны *имена героев нарkokоррид*. Как было отмечено ранее, А. Перес Реверте не раз прибегает к стратегии сравнения своих героев с известными личностями преступного мира (в данном случае – с героями песен и кинофильмов) для того, чтобы за счет пресуппозитивных знаний читателей и метафорических сравнений глубже *раскрыть образы своих героев*. Так, например, на тайную квартиру к Тересе приходят Гато Фьеррос и Поте Гальвес. Читатель ещё ничего не знает о них, но А. Реверте сравнивает одного из них с криминальными героями мексиканских нарkokобаллад *Педро Навахой (Pedro Navaja)* и *Хуанито Алиманья (Juanito Alimaña)*:

*La sonrisa del **Gato Fierros** relucía como la hoja de un cuchillo mojado, porque era una sonrisa húmeda y peligrosa, propia de sicario de película gringa, de ésas donde los narcos siempre son morenos, latinos y malvados en plan **Pedro Navaja** y **Juanito Alimaña** (La Reina del Sur).*

Благодаря подобному сопоставлению читатель может понять, что

упомянутые выше герои являются киллерами и планируют убить Тересу, а атмосфера самого романа становится более напряженной.

Очевидно, что данная подгруппа реалий-персоналий в первую очередь вводит в текст культурологическую информацию, которая позволяет писателю раскрыть психологию мексиканских наркоторговцев и их законы, объяснить мотивацию их поступков, помогает показать эволюцию главной героини, тем или иным образом характеризует героев, а также создает интертекстуальные аллюзии.

Таким образом, реалии-антропонимы, связанные с песенным творчеством, широко представлены только в романе «La Reina del Sur», в котором их когнитивно-прагматический потенциал направлен на создание у читателя ощущения погружения в мир торготорговли, знакомство с ценностями и правилами этого мира, а также раскрытие психологии поведения героев-наркоторговцев.

Что касается общей специфики реализации использования реалий-антропонимов в целом, то в проанализированных романах немексиканских авторов она нацелена на эффект «узнаваемости» читателем образа Мексики и её народа, который опирается на распространенные о ней стереотипы, закрепленные в кино, песнях и др. Эффект «узнаваемости» создается за счет того, что образы вымышленных героев поставлены в окружение персонажей, наделенных именами реально существующих и знакомых читателям людей и, соответственно, они также воспринимаются реальными конкретными людьми.

3.3.3 Исторические и общественно-политические слова-реалии

Когнитивно-прагматический потенциал слов-реалий данной предметной области прежде всего помогает авторам сформировать у читателя определенную точку зрения относительно политической ситуации в стране, причем во всех проанализированных романах так или иначе авторы ссылаются на Мексиканскую Революцию 1910–1917 гг. как на одно из ключевых событий, сформировавших облик современной Мексики:

1. *El doctor Samuel Inclán cayó asesinado por un militar de **Revolución** en plena operación de amigdalectomía de un hijito de éste* (Entre fantasmas);

2. *A México lo educó la **Revolución** en el peculado, el crimen, el cinismo, la extorsión, el fraude,... la impunidad, la tortuosidad, la malicia, la diplomacia, la mentira* (Entre fantasmas);

3. *Del mismo modo que en otro tiempo lo fueron los **corridos** de la **Revolución**, los **narcocorridos** eran ahora la nueva épica, la leyenda moderna de un México que estaba allí y no tenía intención de cambiar..* (La Reina del Sur);

4. *Four years ago... it seemed certain that the opposition candidate, the leftist **Cardenas**, was going to win the election and topple the PRI, which had been in power since the **1917 Revolution*** (The power of the dog).

В колумбийском романе отмечается пагубное воздействие Революции на мексиканцев. В первом отрывке речь идет о трагической истории: военный, бывший революционер (*un militar de **Revolución***) перенервничал, неправильно услышал слова доктора, решил, что его сын умер, и застрелил врача. Таким образом, читатель понимает, что мексиканец является жестоким и неадекватным человеком, который, вероятно, приобрел эти качества именно во время революции. Данное предположение подтверждается вторым примером, взятым из этого же романа, который показывает, что рассказчик считает причиной появления ряда бед Мексики (преступность, вымогательство, воровство и др.) именно Революцию.

Помимо Революции 1910-1917 гг., в романе «Entre fantasmas» упомянуты такие национально-исторические события, как *убийства президентов страны и исторических деятелей, землетрясение в Мехико 1985 года* и др., иными словами – события, которые характеризуют развитие страны как цепочку бед и неудач. Неслучайно рассказчик планирует написать книгу о мексиканской истории и назвать ее «Historia infame», т.е. «История позора».

Испанский автор использует когнитивно-прагматический потенциал

данного слова-реалии, чтобы показать изменения в ценностной картине мира мексиканцев, произошедшие за последние 100 лет. В романе «La Reina del Sur» отмечается, что, если во время революции бойцы, о которых слагали баллады, считались храбрецами, сражающимися за благородное дело, и героями, заслуживающими народной любви, то в современной Мексике, по мнению автора, подобными героями стали считаться наркоторговцы.

И, наконец, американский писатель трактует Мексиканскую революцию как некую отправную точку, после которой к власти в стране пришла бессменная *Институционно-революционная партия (Partido Revolucionario Institucional)*:

...not even the most rabid socialists of the PRI - the Partido Revolucionario Institucional, the Institutional Revolutionary Party that has ruled Mexico in a one-party, pseudo-democratic government since 1917 — would try to totally abolish the Church... (The power of the dog).

Автор систематически (четыре раза) подчеркивает, что этот факт свидетельствует не о стабильности, а о коррупции и является проявлением псевдодемократии (*pseudo-democratic*), что для представителя американской лингвокультуры, к которой относится и автор, является крайне отрицательной квалификацией.

Интересно, что в американском романе упомянуто также название *Народно-Революционной Армии (Ejercito Popular Revolucionario)*, которая боролась за установление в Мексике коммунистического режима, выбрав достаточно агрессивную тактику:

And a new left-wing insurgent group, the EPR, the Popular Revolutionary Army, emerged back in June at a memorial service for peasants in Guerrero killed by right-wing militias (The power of the dog).

Когда США предложили ввести свои войска на территорию Мексики, чтобы ликвидировать *Народно-Революционную Армию*, им было отказано, поскольку, как отмечает автор, *...the Mexicans, ever sensitive about Yanqui neo-imperialist*

interference, declined (The power of the dog). Соответственно рассказчик с помощью слов-реалий данной слов-реалий дает явно негативную оценку правящей и констатирует чрезмерную, по его мнению, осторожность и подозрительность мексиканцев в отношении соблюдения суверенитета своей страны в том, что касается американцев.

Следует отметить, что большая роль в американском романе отводится созданию образа США как некой контролирующей инстанции в стране, которая самостоятельно не в состоянии справиться с преступностью. Так, романе приводится ряд названий военных операций, которые проводились на территории Мексики при тесном сотрудничестве с США:

1. *Some of the **Operation** 40 guys ended up dead on the beach, others went to firing squads* (The power of the dog);
2. *...**Condor** is a Mexican show, a joint operation between the Ninth Army Corps and the State of Sinaloa...* (The power of the dog);
3. ***Condor, Phoenix**, what's the difference? Hell is hell, whatever you name it* (The power of the dog).

Отдельно стоит остановиться на последнем примере. Главный герой только что погрузил в свою машину тело убитого наркобарона и, потрясённый увиденным, сравнивает операции *Condor* (кампания по преследованию коммунистов и социалистов в Южной Америке), *Phoenix* (операция по борьбе с партизанами во время Вьетнамской войны) и свою нынешнюю работу. Он осознает, что вся эта деятельность сводится к убийствам. А читатель приходит к выводу: обстановка в криминальной Мексике сопоставима с военным положением.

Итак, когнитивно-прагматический потенциал единиц из данной предметной области помогает автору романа «The power of the dog» имплицитно выразить своё отношение к сложившейся, по его мнению, неблагоприятной политической обстановке в Мексике и подтолкнуть читателя ко мнению о правильности и

справедливости политики США в отношении данной страны (нарисовать образ США-спасителя). Испанский писатель А. Перес Реверте актуализирует их, чтобы показать эволюцию ценностей мексиканского общества; Ф. Вальехо используют слов-реалий данной группы как для исследования корней тех или иных изменений национального характера мексиканцев, так и для подчеркивания идеи о том, что все в этом мире взаимосвязано и ничего не проходит без последствий.

3.3.4 Бытовые и алиментарные слова-реалии

Детализация бытового окружения героев с указанием типичных мексиканских реалий добавляет реалистичности вымышленным событиям и образам персонажей.

1. ... *mi tío Ovidio oía a Leo Marini en su **vitrola*** (Entre fantasmas);

2. *Después se levantó y fue hasta el mueble bar para volver con una botella de **Herradura Reposado** y dos vasos pequeños y estrechos, de esos que los mejicanos llaman **caballitos*** (La Reina del Sur).

Остановимся на втором примере. В романе «La Reina del Sur», мексиканка Тереса, находясь уже много лет в Испании, случайно заходит в мексиканскую таверну, в которой слушают мексиканскую музыку и продают напитки мексиканских марок (пиво *Pacífico*, текилу *Herradura Reposado*).

Некоторые бытовые реалии автор посчитал необходимым сопроводить пояснениями, вероятно, в силу того, что они могут быть незнакомы испанскому читателю. Это представляется вполне обоснованным, поскольку даже в таком авторитетном лексикографическом источнике, как словарь RAE, у лексемы *caballito* [Real Academia Española, 2014: URL] не зарегистрировано значение «ёмкость для питья»; однако это значение (*маленький узкий стакан для текилы*) выделяет словарь мексиканизмов [Macazaga Ordoño, 1999: 67]. Именно за счет интенсивности употребления названий мексиканских бытовых реалий и наименований предметов обихода в романе создается концентрированный образ

мексиканской модальной личности (квинтэссенция личности со стереотипным набором мексиканских предпочтений и привычек).

Во второй части романа, когда Тереса живет за пределами Мексики и старательно окружает себя всем мексиканским, как бы создавая вокруг себя миниатюрную Мексику: героиня пьет пиво, которое продают в Мексике, но которое очень трудно достать в Испании (*Pacífico*), курит сигареты мексиканской марки (*Faros*), нанимает в качестве телохранителя мексиканца. Использование этих слов-реалий способствует появлению определенных ностальгических ноток повествования.

Особый интерес для исследования представляют слова-реалии, обладающие различной прагмасемантической структурой в испанской и мексиканской картинах мира. К такой группе относится алиментарное слово-реалия *tortilla*. Если в Мексике данная лексема обозначает *плоскую маисовую лепешку*, в которую заворачивают пищу, когда едят руками [Macazaga Ordoño, 1999: 360], то в Испании это название *блюда, похожего на нечто среднее между омлетом и картофельной запеканкой* [Real Academia Española, 2014: URL]. В исследуемых романах тортилья упомянута несколько раз:

1. *A stack of warm **corn tortillas*** (The power of the dog);
2. *...y ella misma se metió en la cocina y preparó **chilorio**, jaiba rellena gratinada y **tortillas de maíz**...*(La Reina del Sur).

Как видно из приведенных фрагментов, писатели снимают конфликт асимметрии лингвокультурологического запаса знаний представителей разных этносов за счет уточнения (*corn* и *de maíz*).

Алиментарные слова-реалии могут также служить для ввода различной социокультурной информации. Так, рассказывая о Дне Мертвых Д. Уинслоу упоминает ряд его неотъемлемых атрибутов:

1. *For Pilar he has brought flowers – the traditional **chrysanthemums, marigolds and coxcomb** – formed into crosses and wreaths. And a **coffin** made from spun sugar* (The power of the dog);

2. *She puts the thought out of her head and presents Don Miguel with **the pan de muerto*** (The power of the dog).

Последний пример вызывает особый интерес из-за двойной актуализации словосочетания *pan de muerto*. По сюжету романа девушка пытается угостить Дона Мигеля отравленным пирогом. В приведенном отрывке фраза *pan de muerto* обозначает так традиционное угощение (*выпечка, часто в форме черепа, скелета или гроба*), так и реализует свое буквальное значение (*хлеб мертвеца*).

В романе Д. Уинслоу, как и в произведении А. Реверте, отмечается, что герои-преступники выглядят такими, какими их обычно изображают в фильмах, песнях и т.д. Иными словами, оба автора опираются на определенные стереотипы в восприятии мексиканцев. Например:

1. *To Nora he is almost a caricature: an AK slung over his shoulder, a double loop of bandoliers over his shoulders like an **old-time bandito**, a **pistol holstered at each hip**, a **huge knife tucked into his belt**. All he's missing, she thinks, are the **big sombrero and the drooping mustache*** (The power of the dog).

2. *Casi todos se veían gente hecha o mayor, los **sombreros de palma** y las gorras ..., caras morenas, **bigotazos negros o canos*** (La Reina del Sur).

Подобные описания служат подтверждением того, что стереотипные представления у различных народов могут пересекаться, но не совпадать полностью. Так, американский автор, в отличие от испанского, не говорит ни о спокойствии и самообладании мексиканцев, ни об их индейских корнях. Он изображает их мстительными и изощренными убийцами, подчеркивая при этом их теплое отношение к детям. Следует также отметить, что сомбреро и пончо выступают для Д. Уинслоу своеобразным символом Мексики. Именно поэтому в

тот момент, когда его героине Норе необходимо доказать, что она ездила в Мексику на отдых, она в качестве сувениров покупает именно сомбреро и пончо:

...she buys a cheap gaudy sombrero, a poncho and a MY GIRLFRIEND WENT TO TIJUANA AND ALL I GOT WAS THIS LOUSY T-SHIRT to fortify her tourist profile... (The power of the dog).

Не обходят американский и испанский писатели вниманием и такую деталь повседневной жизни наркоторговцев, как внедорожник ***Suburban***:

1. *...engine red Suburban- the vehicle of choice among the narcotraficante cowboys – sitting beside Raul Barrera... (The power of the dog);*

2. *La Suburban donde se instaló con Pote Gálvez era blindada, con cristales ahumados (The power of the dog).*

Эта модель упоминается в текстах романов 17 раз и 11 раз соответственно и на ней всегда передвигаются преступники. Авторы опираются на существующие у читателя культурные сценарии: ***Suburban*** в Мексике – за рулем наркоторговец.

В заключение, можно подчеркнуть, что в проанализированных романах когнитивно-прагматический потенциал слов-реалий, обозначающих предметы быта и обихода, позволяет подчеркнуть национальную принадлежность героев, создать эффект изображения подлинной детально воспроизведенной жизни мексиканцев, а также обозначить их те или иные поведенческие особенности и привычки. Кроме того, они, выполняя функцию эстетизации бытовой детали, показывают, что герои неотделимы от материальной составляющей своей родной культуры.

3.3.5 Слова-реалии из области религии, традиций и фольклора

Одним из средств характеристики мексиканцев как нации в целом, являются единицы из области *религии*. Интересно отметить, что кластер слов-реалий данной предметной области значительно пересекается в проанализированных

романах. Так, писатели обращают внимание на особенность католицизма Мексики, а именно на широко распространенный культ *Марии Гваделупской*, которая считается покровительницей страны:

1. *His mother had faithfully dragged him to **Our Lady of Guadalupe** in Barrio Logan, where he took catechism classes... (The power of the dog);*
2. ***Santa Virgencita, santo Patrón.** (La Reina del Sur);*
3. *La Villa es la Villa de **Guadalupe**, el centro del católico México, el santuario de los santuarios al que conducen todos los caminos de la fe en la peregrinación de las peregrinaciones (Entre fantasmas).*

В первом случае мать главного героя обращается с молитвами именно к Деве Марии Гваделупской, что, по мнению автора, должен свидетельствовать о её национальной принадлежности. Д. Уинслоу разными способами подчеркивает религиозность мексиканцев, называя Мексику *землей верующих крестьян (land of faithful peasants)*: его герои ходят в церковь на воскресную мессу и исповедаются. О силе влияния церкви и веры на мексиканцев свидетельствует эпизод, в котором священник обращается по телевизору к наркоторговцам, похитившим американского полицейского, и просит, чтобы они вернули полицейского живым.

Стоит обратить внимание на отличия в подходах испанского и американского авторов к данному образу: в испанском романе по отношению к Деве Марии применяется уменьшительно-ласкательная квалификация *Virgencita*, в произведении американского автора используется более формальное и менее эмоциональное обращение *Our Lady of Guadalupe* (причем на английском языке). Кроме того, если Д. Уинслоу указывает на почитание Марии Гваделупской, то в романе А. Переса Реверте об этом речь не идет как о само собой разумеющемся факте.

В свою очередь, колумбийский автор использует когнитивно-прагматический потенциал данного слова-реалии, чтобы имплицитно провести идею о фарисействе местного населения: Марука Паломино (Maruca Palomino),

сестра известного мексиканского критика, поклялась совершить паломничество до Базилики Марии Гваделупской на коленях, а поскольку расстояние было большое, то она села в такси и доехала, стоя на коленях, таким образом обманув Деву Марию. Как мы видим, автор стремится убедить читателей, что мексиканцы больше ценят форму и видимость, чем содержание и искренность.

На отражение иронического отношения рассказчика романа «Entre fantasmas» к мексиканцам и их религиозности направлена реализация имени индейца Хуана Диего, которому, согласно народным поверьям, являлась Мария Гваделупская:

A México le canonicé al indio Juan Diego para que – ya que no ganaron ni jamás van a ganar el mundial de fútbol – tengan por lo menos santo propio a quien rezar y anden velando santos extranjeros (Entre fantasmas).

Колумбийский автор напоминает читателю о том, что из-за влияния испанцев мексиканцам практически полностью пришлось отказаться от собственных местных верований и богов. Однако параллель, созданная Ф. Вальехо между «собственными» святыми Мексики и их успешными футбольными игроками, заставляет читателя отвлечься от серьезности вопроса и прийти к выводу о том, что футбол и религия для мексиканцев имеют одинаковое значение.

Кроме того, испанский и американский писатели рассказывают в своих романах о наркосвятом *Мальверде*:

1. *Entre la raza pesada de Culiacán y todo Sinaloa, Malverde era más popular y milagroso que el propio Diosito o la Señora de Guadalupe (La Reina del Sur).*
2. *Everyone in Sinaloa knows the legend of Santo Jesus Malverde (The power of the dog);*
3. *Even the police were afraid to tear it down because the legend grew that the soul of Malverde lived in the shrine (The power of the dog).*

Как видно из приведенных примеров, по мнению авторов, образ покровителя преступников хорошо знаком всем мексиканцам. Когнитивно-прагматический потенциал данного слова-реалии направлен на то, чтобы показать высокую степень развитости наркокультуры в Мексике: у нее есть свои святые, свои легенды и поверья. Д. Уинслоу проводит аналогию с хорошо известным английским прецедентным именем – *Робин Гуд*, чтобы англоязычному читателю было проще воспринять (путем адаптации) данную необычную мексиканскую реалию:

*He was a **bandito**, a daring robber, a man of the poor who gave back to the poor, a **Sinaloan Robin Hood** (The power of the dog).*

Слово ***bandito*** подчеркивает отношение самого автора к данной личности.

Большое внимание в романах уделяется развитию элементов местных индейских верований в современном мексиканском обществе:

1. *Estuvo mirándome entre el humo del cigarrillo, un poco entornados los ojos, como las **máscaras indias del Templo Mayor** (La Reina del Sur);*

2. *¡A dismitifacar el mito, **carajo**, y a ordeñar la vaca y a pinchar a **Tlaloc** para que suelte el agua! (Entre fantasmas);*

3. *The tradition goes back to **Aztec** times and honors the goddess **Mictecacihuatl**, «**Lady of the Dead**», but the Spanish priests cleaned it up and moved it from midsummer... the Dominicans can call it what they want - **it's still about La Muerte** (The power of the dog).*

В первом случае слово-реалия ***Templo Mayor*** вызывает у читателя образ культовых сооружений ацтеков, которые можно увидеть в Мехико и употреблено в составе сравнительной конструкции. Выражение ***máscaras indias*** вызывает в воображении реципиента определенную картинку, связанную с мексиканской культурой. И тот факт, что в тексте упоминаются не какие-то абстрактные

индейские маски, а изображения именно на стенах храма *Templo Mayor*, добавляет сравнению *визуальную точность*, усиливая эффект воздействия на читателей.

Во втором примере, взятом из колумбийского романа, рассказчик отмечает, что напишет книгу о позорной истории Мексики, чтобы задеть Тлалока (*Tlaloc*). В данном случае имя бога употребляется с целью показать, что старые индейские боги не являются неприкосновенным авторитетом для рассказчика. Тлалок же, скорее всего, выбран неслучайно. Он повелевает стихией воды, а вода, как известно, очищает.

В третьем отрывке упоминание фольклорной реалии-персоналии **Mictecacihuatl**, призвано создать у читателя ощущение того, что говорящий хорошо знаком с местной культурой и что для верующих мексиканцев значение имеют не столько формальные признаки праздника, сколько его суть.

Ощущение синкретизма мексиканской культуры углубляется за счет упоминания в романах слов-реалий *El Dia de los Muertos* (*День Мертвых*) и *La Muerte* (*Смерть*).

1. *The Mexicans, they don't mind talking about death. They have lots of names for it – The Fancy Lady, The Skinny, The Bony, or just plain old La Muerte. They don't try to keep it at arm's length. They're tight with death, intimate with it. They keep their dead close to them* (The power of the dog);

2. *Ya a la Muerte le perdí el respeto y le doy palmaditas en el trasero* (Entre fantasmas).

Колумбийский и американский авторы проводят развитую парадигму синонимов лексемы *La Muerte*, однако когнитивно-прагматический потенциал синонимического ряда (*The Fancy Lady, The Skinny, The Bony*) в английской интерпретации отличается от того потенциала, который реализуют испанские лексемы *calva* и *pelona*. Если в первом случае суффикс -у придает лексемам уменьшительно-ласкательное и даже игривое значение, то в колумбийском романе единицы *calva* и *pelona* содержат презрительные и ироничные коннотации.

Отношение колумбийского рассказчика к *Смерти* традиционно для представителя латиноамериканской культуры: он не испытывает перед ней страха и трепета. Многие как зарубежные, так и отечественные ученые и философы (К. Фуэнтес, О. Пас, О.С. Чеснокова и др.) указывают на такое восприятие мексиканцами смерти, связывая этот факт с верованиями местных индейских племен. В этой связи О. Пас отмечает, что мексиканцы, в отличие от американцев и европейцев, смеются над смертью и организуют в честь нее праздники [Paz, 2004: 63]. В романе «*Entre fantasmas*» рассказчик не только не боится *Смерти*, он даже заигрывает с ней, как с женщиной, унижая её.

Американский автор достаточно подробно останавливается на символическом значении праздника *El Dia de los Muertos*. По мнению американского автора, для мексиканцев этот день не связан с трауром и горечью потери (*nice meal; Cheer up... It's El Dia de los Muertos*):

1. *On El Dia de los Muertos, the living go to visit the dead. They cook elaborate dishes and take them to the cemeteries and sit down and share a nice meal with their dearly departed* (The power of the dog);
2. «*Cheer up,*» Raul tells Adan when he arrives at the club. «*It's El Dia de los Muertos*» (The power of the dog);
3. *Guero has brought with him ofrenda a los muertos, offerings to the dead* (The power of the dog).

Реализуя свою интенцию *погрузить читателя в атмосферу данного праздника*, американский автор использует ряд слов-реалий из предметного поля *El Dia de los Muertos: ofrenda* (подношения в виде цветов, фруктов, украшенные черепами и фотографиями умерших), *pan de muerto* и др.

Слова-реалии данной предметной группы, как и в других романах, призваны *показать особенности повседневной жизни мексиканцев*. Например, из романа читатель узнает о привычке мексиканцев собираться шумными компаниями на площадях или в кафе, слушая музыку *mariachi* (*марьячи*):

1. ...*René acabó amenazándome con llamar a los **mariachis*** (La Reina del Sur);
2. *On a normal day the plaza is alive with sound — ... the music from busking **mariachi** groups — but today the plaza is strangely silent* (The power of the dog);
3. *A **mariachi** band played lachrymose **corridos** in praise of the deceased...* (The power of the dog).

Костюм и музыка марьячи являются одним из самых популярных символов страны и превратились в определенный стереотип. В этой связи О.С. Чеснокова отмечает, что на улицах и площадях мексиканских городов всегда можно услышать песни в исполнении марьячи [Чеснокова, 2006: 62 – 63].

Тот факт, что в день похорон священника на площади было непривычно тихо (*strangely silent*), свидетельствует о важности личности погибшего для всего города. По сюжету хоронят наркобарона и музыканты играют печальную *балладу* (*corrido*). Стоит напомнить, что это жанр, в котором традиционно поется о солдатах. Тот факт, что в честь убитого исполняют революционную песню, свидетельствует о подмене ценностей: в качестве героя выступает уже не герой Революции, борющийся за свои убеждения, а наркобарон. При этом упоминание в наркобалладе рассматривается как большая честь. Например:

1. *He's going out in a way that the **narcocorridos** will be singing about for years* (The power of the dog);
2. ...*ella misma terminase siendo personaje secundario, y forzado, de esos **narcocorridos** que el Güero soñaba con que le hicieran los **Tigres** o los **Tucanes*** (La Reina del Sur).

Таким образом, с помощью слов-реалий данной группы Ф. Вальехо показывает пренебрежительное отношение рассказчика к смерти, что, на наш взгляд, является логическим довершением мысли писателя о необходимости низвергнуть все существующие ценности и авторитеты и приближает его в своём отношении к смерти к мексиканцам. Д. Уинслоу и А. Реверте используют их в

двух основных целях: раскрытие психологии и описание образа жизни героев-мексиканцев.

3.3.6. Слова-реалии, относящиеся к ключевым национальным концептам, определяющим мексиканский характер

Отдельные нашедшие отражение в романах черты мексиканского национального характера уже были отмечены нами, поскольку для их описания авторы используют слова-реалии различных тематических групп. Например, наименования географических объектов:

A raíz de ese viaje de mis padres supe de México y sus pirámides del sol y la luna y las trescientas sesenta y cinco iglesias de Puebla y Cholula, una para cada día del año.

В данном случае читатель сталкивается с тремя названиями – Мехико (*México*), Пуэбла (*Puebla*) и Чолула (*Cholula*). Особый интерес представляет реализация двух последних, поскольку их когнитивно-прагматический потенциал направлен на то, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть религиозность мексиканцев, а с другой – выразить ироничное отношение рассказчика к этой особенности мексиканцев [*una [iglesia] para cada día del año*]. Слова-реалии *sus pirámides del sol y la luna, Puebla* и *Cholula* в данном случае выступают своего рода знаками, символизирующими всю Мексику.

Помимо того, географические слова-реалии могут выполнять *эмфатическую* функцию, подчеркивая ценность семьи в Мексике:

Leans through the window and with elaborate courtesy says, «In Mexico we appreciate the meaning of family. Good afternoon». (The power of the dog).

В данном эпизоде патрульный остановил жену американского полицейского. В связи с тем, что у неё не было с собой паспорта, она должна была проехать в участок для оформления нарушения. Но, поскольку она ехала с детьми, её отпустили. Высказывание *In Mexico we appreciate the meaning of family* в данном

случае не только подчеркивает тот факт, что в Мексике семью ценят больше, чем соблюдение законов, но и передает определенную имплицитную информацию, т.к. представляет собой завуалированное предупреждение мужу героини: он познакомился с наркоавторитетом Баррерой, был «принят в семью» и теперь должен ценить это.

В настоящей работе уже подчеркивалась *ценность семьи для мексиканцев*, с точки зрения Д. Уинслоу. Автор не раз выражает эту мысль, перенося концепт *семьи* на уровень наркокартеля. Для обозначения членов картеля используются такие испанские лексемы, как *sobrino* (*премянник*), *cuate* (*близнец, близкий друг*), *hermanos* (*братья*) и др., причем они не столько обозначают кровные связи, сколько подчеркивают общность интересов и положение в общей иерархии. Так, главу преступной группировки называют *tío* (*дядя, дядюшка*), он заботится о членах своего картеля:

Uncle. That's the literal translation, but the word implies a lot more in Mexican Spanish. Tío could be a parent's brother, but he could also be any relative who takes an interest in a kid's life. It goes beyond that; a Tío can be any man who takes you under his wing, an older-brother type, even a paternal figure. Sort of a godfather (The power of the dog).

Для обозначения данной реалии писатель выбирает именно испанскую лексему, поскольку она, по его мнению, обладает более широким значением, включающим не только сему родства, но и покровительства. Поэтому автор полагает, что ближе всего к *tío* по значению стоит слово *godfather* (*крестный отец*).

Отметим, что испанский и колумбийский писатели не подчеркивают ценность семьи в мексиканском обществе.

Что касается других значимых для мексиканской лингвокультуры концептов, то в тексте затрагиваются вопросы, связанные с феноменом *мачизма* (*machismo*):

1. «*You're just thinking of yourself,*» she says. «*Your male pride. Your **machismo**. How could you be so selfish?*» (The power of the dog);
2. *Now that he loves her so much he would sacrifice his pride, his **machismo*** (The power of the dog);
3. *...ni siquiera eran celos, sino orgullo, costumbre, absurda **masculinidad del macho** que aparta a la hembra de la manada; y le niega otra vida que la que él le clava en las entrañas* (La Reina del Sur).

В американском романе читатель систематически сталкивается с его проявлением, при этом феномен **machismo** рассматривается в свете проявления мужского достоинства и чести. Так, один из членов картеля не хочет взять деньги у женщины, чтобы сбежать вместе с ней от её мужа, и героиня рассматривает это как проявление мачизма. В испанском произведении подчеркивается мачизм не только мексиканцев, но и испанский мужчин.

С помощью указанной слова-реалии Д. Уинслоу показывает, что разница в трактовке мужского достоинства приводит к непониманию американцев и мексиканцев. Так, мексиканская мафия пытается полицейского слишком долго, в результате чего он умирает. Они полагают, что он не рассказывает им нужную информацию из своей верности закону и силы характера:

«*He's **macho** – a tough son of a bitch.*» (The power of the dog).

В данном случае слово-реалия **macho**, с одной стороны, подводит итог предыдущей беседе (*резюмирующая функция*), а с другой – позволяет говорящему выразить свою оценку мужских качеств полицейского (*оценочная функция*). Представители наркокартеля мыслят в рамках мексиканской концептосферы и верят, что полицейский агент способен скрывать информацию под их жуткими пытками, потому что выдать информацию – значит предать коллег и опозорить себя. Кроме того, концепт **macho**, по мнению писателя, также охватывает открытое проявление уверенности мексиканских наркоторговцев в

безнаказанности и своей власти, что, как отмечается в тексте, несвойственно, например, представителям сицилийской мафии:

*No, the Mexican way is **macho** – go out there and show the flag (The power of the dog).*

Примечательно, что в романе «Entre fantasmas» лексема **macho** встречается один раз по отношению к колумбийским рекам, когда рассказчик хочет подчеркнуть их большой размер по сравнению с мексиканскими:

*Esos sí son ríos, **machos**, no como estos ríos mariquitas (Entre fantasmas).*

Характер взаимоотношений между мексиканцами также раскрывается посредством слова-реалии **mordida** (взятка):

1. ... *a federale who was taking the **mordida** — the bite, the bribe — from Don Pedro (The power of the dog);*

2. *En Sinaloa, como en el resto de México, desde el patrullero en busca de **mordida** ...hasta el superior que cada mes recibía un fajo de dólares del narcotráfico (La Reina del Sur);*

3. *Muchos agentes locales ...ejercían el sano principio de vive, cobra tu **mordida** y deja vivir si no quieres dejar de vivir (La Reina del Sur);*

4. ...*es el país del «ái se va», de la chambonería y la obra mal hecha, dejada a medias, deshonesta, donde los puestos públicos son cotos de caza por donde el que pasa, si es que pasa, pasa pero dando **mordida** o coima (Entre fantasmas).*

Использование таких единиц дополняет образ криминальной Мексики: сила закона здесь распространяется не на всех, и защиты искать не у кого, потому что полицейские подкуплены наркоторговцами.

Остановимся на последнем примере, в котором рассказчик говорит о *нечестности и необязательности мексиканцев*, а также их *взятничестве*. В нем употреблено две лексемы со значением «взятка», когнитивно-прагматический потенциал которых в европейской и мексиканской культуре не совпадает:

мексиканизм *mordida* [Macazaga Ordoño, 1999: 254] и латиноамериканизм *coima* [Real Academia Española, 2014: URL]. Тот факт, что языковая система выработала для данного понятия отдельную лексическую единицу, свидетельствует, что взяточничество в Мексике – это явление, имеющее общенациональный характер.

В примере также употреблено широко распространенное в Мексике выражение «*ái se va*» в значении «беззаботно», «и так сойдет» [Macazaga Ordoño, 1999: 23]. Присваивая стране данное экспрессивное определение (*el país del «ái se va»*), рассказчик убеждает в том, что мексиканцы сами понимают особенности своего национального характера. Стоит отметить, что данный эпитет настолько тесно ассоциируется с Мексикой, что мексиканский журналист Фернандо Мота Мартинес (Fernando Mota Martinez) включает его в название своей книги о Мексике «*Ai se va!: el rostro oscuro de México*».

Во всех проанализированных романах отмечается склонность мексиканцев к использованию выражений с двойным смыслом и многозначных фраз:

1. *En los últimos tiempos, Teresa comprendía que el mundo giraba según reglas propias e impenetrables; reglas hechas de **albures** – en el sentido bromista que en México daban a esa palabra...* (La Reina del Sur);
2. *Spanish is a subtle tongue, in which each word can take many meanings. Rabiar can mean to thirst, to burn, to rage, to go crazy...* (The power of the dog);
3. *Por antonomasia le dicen «**La Doña**». Pero como esta raza es tan maliciosa y **alburera**, uno no sabe si es para bien o para mal. Debe de ser un elogio insultante...* (Entre fantasmas).

В Мексике лексема *albur* (каламбур) приобретает культурно-специфическое значение, будучи своего рода особым кодом, позволяющим человеку ответить по форме вежливо, но иронично и колко по содержанию. В последнем фрагменте автор опирается на знания читателя о том, что *La Doña* стали называть мексиканскую актрису М. Феликс после того, как она снялась в фильме «*Doña Bárbara*», и поэтому не называет имя самой актрисы, что воспринимается как

своего рода интеллектуальный тест, в основе которого лежит уверенность рассказчика в способности читателя пройти его. Колумбийский писатель воспринимает появление выбранного прозвища не как желание сохранить достоинство адресата, а как стремление дать неоднозначную квалификацию, возможно намекающую на сходство характеров М. Феликс и Доньи Барбары.

Примечательно, что, обращая внимание на *этнический* аспект населения Мексики, колумбийский автор выражает однозначную отрицательную позицию по отношению к индейцам и темнокожим, в то время как испанский писатель подчеркивает *терпение* и *выдержку* героев, *умение скрывать страдания*, которые они, по его мнению, унаследовали от индейцев:

1. *...le das dinero al indio y come; come y arraga fuerzas; arraga fuerzas y se le para; se le para y se lo mete la india; se lo mete la **india** y la preña; la preña y le nace un hijo* (Entre fantasmas);

2. *Te van a dar como a puto, pensaba. Allí sacó la **máscara azteca*** (La Reina del Sur).

Так, доказывая свою точку зрения, рассказчик говорит о том, как ребенок индейцев будет расти в нищете и однажды встретит подавшего милостыню его матери и зарежет его, потому что тот богатый.

Во втором случае важно обратиться к самой коммуникативной ситуации: Тересу допрашивают полицейские и задают очень неприятные вопросы. Героиня нервничает. Когда сержант называет фамилию убитого из-за нее сотрудника и ее внутреннее волнение достигает предела, она мысленно скрывается за индейской маской, используя её как щит, и возвращает самоконтроль. Таким образом, за реалией *máscaras indias* стоит специфическое отношение к жизни, уходящее корнями в историческое прошлое Мексики.

Отметим, что данный образ (метафора, касающаяся индейской маски, за которой можно скрыться) можно встретить и в работах мексиканских писателей. Так, например, О. Пас пишет о том, что мексиканец прячется за большим

количеством масок и снимает их в дни большой радости или великой печали [Paz, 2004: 81].

Опираясь на данное слово-реалию, А. Перес Реверте показывает разницу между испанским и мексиканским характерами: при первом разговоре с русским мафиози, испанка Патрисия выдала своё волнение и неуверенность, чем чуть не погубила их, а мексиканка, проявив стоическое спокойствие, рассудительными доводами и подсчетами смогла сохранить им жизнь и добиться выгодной сделки:

*El ruso no le quitaba la vista de encima. Y soy una **máscara india**, pensaba ella. Soy una **máscara** impasible jugando al póker ... y este **chingue a su madre** no va a sacarme ni un latido del párpado...* (La Reina del Sur).

Примечательно, что в данном примере также используется инвективное выражение-мексиканизм **chingue a su madre**, которое коррелирует с характером и национальностью героини и маркирует её принадлежность к определенной социальной среде.

Стилистически окрашенная лексема **chingar** и ее производные активно используются авторами. Они выражают субъективную оценку говорящего и позволяют достичь определенного прагматического эффекта:

1. *Adan's sitting in the front of a Land Rover in the middle of the **chingada** desert... And now the **chingada** radio won't work* (The power of the dog);
2. *... eres, como dicen en este país, una solemne **chingona*** (Entre fantasmas).

В первом случае слово-реалия **chingada** выражает отчаяние героя, у которого срывается крупная сделка по продаже наркотиков. В втором фрагменте рассказчик выражает своё восхищение хитростью героини, сопровождая лексему **chingona** прилагательным-интенсификатом **solemne** («величайшая, превосходная») и переводит её из разряда негативных в положительные характеристики.

Как показывает проведенный анализ, в колумбийском романе употребление слова-реалии данной подгруппы направлено, с одной стороны, на создание негативного образа мексиканцев как нации (подчеркивается их нечестность и необязательность, рассказчик отрицательно высказывается об этническом составе общества и такой черте их национального коммуникативного стиля, как многозначность высказываний), а с другой – на дополнение образа рассказчика (он не мексиканец и относится к ним с глубокой иронией). Многочисленные случаи языковой игры с формой слов-реалий, встречающиеся в тексте романа, направлены на усиление эффекта воздействия на читателя и передачу того или иного коммуникативного намерения автора. Испанский писатель отмечает *сдержанность* и *внешнее спокойствие* мексиканцев. В романе «The power of the dog» целом единицы данной предметной области создают у читателя ощущение проникновения в сознание и чувства мексиканцев. В двух последних произведениях стремление быть *мачо* позиционируется как устойчивая особенность коммуникативного поведения мексиканцев в различных ситуациях общения.

Итог анализа функционирования слов-реалий в проанализированных романах можно представить в виде таблиц (см. Приложение, таблицы 3, 4, 5).

3.4 Особенности функционирования слов-реалий в процессе моделирования / актуализации мексиканского коммуникативного стиля

Как показал проведенный анализ, мексиканские слова-реалии встречаются и в романах о Мексике, написанных мексиканскими авторами (иными словами, при «взгляде изнутри», **актуализации мексиканского коммуникативного стиля**), и в произведениях об этой стране, принадлежащих представителям других национальностей (т.е. при «взгляде снаружи», **моделировании мексиканского коммуникативного стиля**):

Таблица 1. Статистика употребления слов-реалий в романах

Название романа	Количество уникальных слов-реалий	Количество употреблений слов-реалий в романе	Общее кол-во слов в романе	Соотношение уникальных слов-реалий к общему кол-ву слов в произведении	Соотношение употребления слов-реалий к общему кол-ву слов в произведении
<i>Романы мексиканских авторов</i>					
Diablo Guardián	310	1725	168 630	0,18%	1,0229%
Amante de Janis Joplin	286	1369	66 204	0,43%	2,067%
<i>Романы немексиканских авторов</i>					
<i>Entre fantasmas</i>	165	952	57 696	0,285%	1,65%
<i>Reina del Sur</i>	258	1923	155 827	0,16%	1,23%
<i>The power of the dog</i>	366	2521	199 428	0,18%	1,264%

Из приведенных в таблице данных следует, что количество слов-реалий в романах как мексиканских, так и немексиканских авторов составляет достаточно невысокий процент (от 1,02% до 2,06%) от общего количества лексических единиц. Проанализируем данные, приведенные в таблице, более подробно.

Если для мексиканских писателей исследуемые единицы являются неотъемлемой частью их коммуникативного стиля и они используют их бессознательно (интуитивно), то немексиканские авторы, не будучи носителями мексиканского национального варианта испанского языка и мексиканского коммуникативного стиля, целенаправленно используют в своих романах мексиканские национальные слова-реалии, при этом они опираются на знакомые и известные слова-реалии. Это приводит к частотному выбору единиц, которые привлекают их внимание за счет своей экзотичности и контраста по сравнению с реалиями их родной культуры.

Реализация слов-реалий в романах, как правило, подчинена *общей авторской установке и жанровой специфике произведения*:

1. **Авторская установка.** В романе «**Entre fantasmas**» реализация слов-реалий направлена на *достижение иронического эффекта*, соответственно, значительное количество слов-реалий выполняют *стилистическую функцию*.

Что касается **испанского и американского романов**, то употребление слов-реалий в данном случае направлено на создание определенного мексиканского колорита и на пробуждение у читателя определенных эмоций в отношении места действия романа и национальной принадлежности его героев. При этом писатели регулярно опираются на фоновые знания читателей. Кроме того, если испанский писатель **А. Перес Реверте** активнее использует бытовые слова-реалии (материальная культура) и реалии-антропонимы, стремясь создать эффект документализации романа, то американский автор **Д. Уинслоу** прибегает к употреблению слов-реалий (алиментарные,), когда речь идет о духовной составляющей мексиканской культуры (национальный характер, особенности религии), и устанавливает отношения смежности между понятиями Мексика и война, чтобы показать уровень преступности и ее масштабы (эффект убеждения).

2. Жанр. Жанровая принадлежность (три романа написаны в русле нарколитературы) оказала влияние на авторский отбор слов-реалий, поэтому в трех из пяти проанализированных романов выявлены определенные пересечения корпусов слов-реалий. Так, в них:

- упоминается покровитель преступников и наркоторговцев Мальверде, причем в каждом случае дается пояснение его роли в мексиканской культуре;
- активно используются инвективные мексиканизмы;
- используются одни и те же прозвища преступников;
- подчеркивается значимость сохранения достоинства мексиканцев (именно мужской части населения), при этом месть позиционируется как сохранение своей чести.

Сопоставление употребления слов-реалий в романах мексиканских и немексиканских авторов убеждает: если в количественном отношении использования слов-реалий близки, то при анализе функций, реализуемых указанными единицами, в них наблюдается значительное расхождение:

Функции / название романа	Diablo Guardián	El amante de Janis Joplin	<i>Entre fantasmas</i>	<i>La Reina del Sur</i>	<i>The power of the dog</i>
кумулятивная	+	+	+	+	+
ассоциативная	+	+		+	+
экспрессивно-образная стилистическая	+	+	+	+	+
символьная	+	+			
эстетизация бытовой детали	+	+		+	
характерологическая	+	+	+	+	+
оценочная	+	+	+	+	
локализирующая			+	+	+
эмфатическая					+
функция убеждения					+
когнитивная (познавательная)			+	+	+
резюмирующая функция					+
функция лаконизации			+		+
функция интенсивности	+	+			+

В романах мексиканских авторов для слов-реалий характерно более частотное употребление в рамках различных стилистических фигур (метафор, сравнений) и передача имплицитной информации, которая вызывает различные ассоциативные ряды и аллюзии, что менее характерно при моделировании мексиканского коммуникативного стиля. В произведениях, написанных представителями других национальностей, слова-реалии, как правило, передают эксплицитную информацию и служат для создания общего мексиканского колорита в произведении. Если они актуализируют какую-либо дополнительную информацию, то она чаще всего направлена на дополнение образов героев и опирается на широко известные единицы мексиканской действительности.

Если мексиканским авторам присуще естественное использование слов-реалий, при котором не подчеркивается их культурно-специфическая нагрузка, то немексиканские авторы используют указанные единицы намеренно. Данное положение находит отражение в том факте, что в мексиканских романах слова-

реалии не сопровождаются комментариями и объяснениями, в то время как при моделировании мексиканского коммуникативного стиля местный колорит слов-реалий подчеркивается фразами типа «*como dicen en México*»: чем менее известно, по мнению автора, то или иное используемое слово-реалия, тем полнее и детальнее комментарии к нему. При использовании широко известных слов-реалий типа *tequila, sombrero* необходимости в подобном комментировании не возникает.

Опираясь на сказанное, отметим, что указанные особенности реализации слов-реалий в целях актуализации/моделирования коммуникативного стиля настолько репрезентативны, что позволяют исследователю того или иного текста сделать определенные выводы о принадлежности пишущего к мексиканской или немексиканской лингвокультуре.

Выводы

1. Мексиканская картина мира, которая воспроизводится в художественных произведениях мексиканских писателей, отличается от мексиканской картины мира, смоделированной зарубежными писателями, т. к. при описании мексиканского коммуникативного стиля с позиций подхода «*взгляд изнутри*» и подхода «*взгляд снаружи*» выделяются разные ключевые признаки и параметры. Модель мексиканского коммуникативного стиля может быть более близкой к / более удаленной от модели собственно национального коммуникативного стиля и остается в определенной мере схематичной и упроченной.

2. Среди основных особенностей моделирования мексиканского коммуникативного стиля в художественных произведениях писателей, для которых мексиканская лингвокультура не является родной, можно выделить:

– *жанровые и сюжетные особенности* произведения: описание традиций, обычаев, деталей быта и внешности героев и др.;

– *лингвистические средства*: лексические средства – мексиканизмы, архаичные лексемы и выражения; *грамматические средства* – использование глагола *haber* во множественном числе в безличных предложениях, расширение сферы употребления притяжательных местоимений и др.;

– *социолингвистические средства*: моделирование асимметричности отношений в мексиканском обществе, описание его ключевых проблем и др.;

– *аксиологические и психолингвистические средства*: эвфемистичность, значимость оппозиции *свой / чужой*, внешняя эмоциональная сдержанность мексиканцев и др.;

– *паравербальные и невербальные параметры*: небольшая дистанция между собеседниками, допустимость тактильных контактов во время коммуникации и др.

3. В романе колумбийского писателя Ф. Вальехо «Entre fantasmas» слова-реалии выполняют кумулятивную и экспрессивно-эмотивную функции, формируют определенный образ Мексики как коррумпированной страны, управляемой недальновидными политиками, и образ самого рассказчика, поскольку выступают индикаторами биографического времени и свидетельствуют о его предпочтениях, социальном положении и интеллектуальном развитии, благодаря чему он предстает конкретным реальным человеком.

4. В романе испанского автора А. Реверте «La Reina del Sur» реализация когнитивно-прагматического потенциала слов-реалий направлена на создание у читателя ощущения «узнавания» места действия и образов героев, а также ощущения документальной точности романа. Кроме того, они выполняют характерологическую функцию и служат для эстетизации бытовой детали. Указанный роман характеризуется широким присутствием слов-реалий, так или иначе связанных с наркобалладами (названия песен, имена певцов и музыкальных коллективов, работающих в этом жанре, цитаты из наркобаллад), что помогает погрузить читателя в мир наркоторговли.

5. В романе американского писателя Д. Уинслоу «The power of the dog» когнитивно-прагматические возможности слов-реалий направлены на создание

эффекта жанрового смещения (роман-дневник). Слова-реалии выполняют локализующую и эмфатическую функции; способствуют актуализации у читателей определенных социокультурных аллюзий; служат для создания юмористического эффекта; выражают идейно-эстетические взгляды писателя; раскрывают психологию героев; подчеркивают ценность семьи в мексиканском обществе.

6. Если в романах немексиканских авторов имплицитная информация, которую актуализируют слова-реалии, нацелена на создание реалистичных образов героев-мексиканцев, то при актуализации мексиканского коммуникативного стиля эта информация, как правило, отражает социальные проблемы Мексики, неразрывную связь происходящих в её обществе событий и судеб простых мексиканцев.

7. Мексиканские авторы используют слова-реалии, не осознавая их культурно-специфической нагрузки, и не сопровождают их комментариями и объяснениями. Колумбийский, испанский и американский авторы целенаправленно вставляют в свои романы тиражируемые и широко известные мексиканские слова-реалии без комментариев или менее известные слова и выражения, поясняя их значение.

Представители различных национальностей отмечают различные особенности мексиканского национального коммуникативного испанского языка, однако все они так или иначе подчеркивают широкое употребление в нем отдельных лексем и фраз с размытым семантическим значением.

Заключение

Внимание современной науки к прагматическим и когнитивным параметрам речевого общения в условиях возрастающего количества межкультурных контактов находит свое выражение в виде поиска новых подходов к изучению слов-реалий, отдельных лексем и словосочетаний, называющие объекты, явления и понятия, характерные для жизни того или иного этноса и полностью или частично отсутствующие в жизни других народов.

Являясь одним из инструментов самосохранения этноса в условиях глобализации и проявлением культурно-коммуникативной вариативности, слова-реалии дополняют, детализируют и, соответственно, формируют модель восприятия окружающей действительности членами определенной лингвокультуры.

Для того, чтобы установить, какую роль играют слова-реалии в формировании национального коммуникативного стиля, необходимо исследование структуры и ключевых параметров национального коммуникативного стиля.

Результаты исследования показали возможность выделить два различных подхода к изучению мексиканского национального коммуникативного стиля: с одной стороны, его можно рассматривать как **актуализацию** родного коммуникативного стиля (*взгляд изнутри*), а с другой – выявить особенности его **моделирования**, основываясь на *взгляде снаружи*.

В соответствии с приведенной структурой нами была определена специфика использования мексиканского коммуникативного стиля при его актуализации в современных мексиканских романах, а также особенности реализации когнитивно-прагматических возможностей и функций слов-реалий в романах мексиканских авторов, которые используют слова-реалии, не осознавая их культурно-специфической нагрузки, и не сопровождают их комментариями.

Исследование показало, что в романах мексиканских авторов с помощью слов-реалий передается как эксплицитная, так и имплицитная информация. Имплицитная информация, которую сообщают слова-реалии, как правило, отражает

социальные проблемы Мексики, неразрывную связь происходящих в её обществе событий и судеб простых мексиканцев.

Мексиканская картина мира, которая воспроизводится в художественных произведениях мексиканских писателей, отличается от мексиканской картины мира, смоделированной зарубежными писателями. Среди основных особенностей моделирования мексиканского коммуникативного стиля в художественных произведениях писателей, для которых мексиканская лингвокультура не является родной, выделяются жанровые и сюжетные особенности, лингвистические, социолингвистические, аксиологические и психолингвистические средства, паравербальные и невербальные параметры.

В произведениях немексиканских авторов имплицитная информация, которую передают слова-реалии, направлена на создание у читателя ощущения «узнавания» Мексики и образов героев-мексиканцев. Отбор слов-реалий в романах данной группы во многом обусловлен стереотипами, доминирующими в родной лингвокультуре автора, соответственно в произведениях использованы, по их мнению, самые известные и наиболее репрезентативные слова-реалии.

В ходе исследования была установлена разница в моделях мексиканского коммуникативного стиля, представленных в романах немексиканских авторов различных национальностей. Так, если испанский писатель делает акцент на лексических и фонетических особенностях речи мексиканцев, что связано со спецификой восприятия мексиканского варианта испанского языка жителями Пиренейского полуострова, то в колумбийском романе на первый план выходят грамматические особенности речи жителей Мексики. Скорее всего, это объясняется филологическим образованием автора и общностью культурного наследия Мексики и Колумбии. Американский автор, в свою очередь, уделяет больше внимания ключевым ценностям мексиканского общества, что, вероятно, определяется большим расхождением между мексиканской и американской когнитивной картиной мира.

Как при актуализации, так и при моделировании мексиканского коммуникативного стиля в художественных произведениях авторы используют единицы из следующих предметных групп: природно-географические слова-реалии; реалии-антропонимы; слова-реалии из области религии; слова-реалии как национальные концепты. Наличие указанных групп во всех проанализированных произведениях свидетельствует об их универсальном характере. Однако состав и цели реализации слов-реалий каждой группы отличаются своеобразием.

Что касается названий природно-географических объектов, то в произведениях немексиканских писателей наблюдается меньшая степень детализации. В немексиканских романах упоминаются крупные известные города, что позволяет авторам рассчитывать на эффект узнавания и избегать перенасыщения текста незнакомыми читателю географическими названиями. Что касается колумбийского романа, то присутствие в нём большого количества названий небольших мексиканских городов объясняется особенностями биографии автора, который на протяжении длительного времени проживает в Мексике.

Говоря о реалиях-антропонимах, стоит отметить, что, помимо своей прямой номинативной функции, они регулярно функционируют в составе метафор и сравнительных конструкций для создания аллюзий на известных представителей Мексики и ассоциативных рядов. Подобная реализация приводит к усилению их когнитивно-прагматического потенциала.

В произведениях, написанных немексиканскими писателями, известные мексиканские реалии-антропонимы чаще используются для реализации характерологической функции, иными словами – для того, чтобы дать читателю ту или иную информацию о характере героя, отталкиваясь от существующих, как правило, этнических стереотипов.

Анализируя слова-реалии из области религии, следует отметить, что в исследуемых романах немексиканских писателей отмечается широко развитый в

Мексике культ Девы Марий Гваделупской. Особенную роль при этом играет и её внешность, подчеркивающая синкретизм мексиканской культуры.

При рассмотрении слов-реалий как ключевых национальных концептов, было выявлено, что в мексиканских романах отмечаются такие явления, как мачизм мужской части мексиканского населения и ревностное отношение к своей чести. Американский и испанский писатели также обращают внимание на ценность мужского достоинства, однако в понятие мачизм ими включается и жестокость мексиканцев. В колумбийском романе, вероятно, вследствие иронического тона фокус внимания направлен на другие негативные стороны мексиканского характера. Так, говорится об открытом пренебрежении по отношению к индейской части мексиканского (и в целом латиноамериканского) населения, а также подчеркиваются такие черты, как подлость, бесчестность и т.п.

Анализ исследованного материала со всей очевидностью доказывает и тот факт, что среди мексиканских слов-реалий высокой частотностью отличаются те, что относятся к инвективной лексике, при этом стилистически сниженные мексиканизмы более характерны при актуализации мексиканского коммуникативного стиля, а не при его моделировании.

Однако, помимо некоторых совпадений в функционировании слов-реалий, необходимо констатировать и ряд принципиальных отличий от использования слов-реалий в произведениях немексиканских писателей, которые прослеживаются и в выделяемых доминирующих чертах характера мексиканцев. Например, испанский автор подчеркивает их самообладание и самоконтроль, которые объясняет индейскими корнями героев, в то время как американский писатель говорит о мстительности и жестокости мексиканских преступников и акцентирует внимание на ценности семьи для мексиканцев.

Проведенное исследование является еще одним шагом в процессе накопления конкретных данных об особенностях мексиканского коммуникативного стиля и когнитивно-прагматических возможностях слов-реалий в современной художественной

прозе. В диссертационном исследовании поставлен ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. В частности, представляется целесообразным исследовать особенности моделирования мексиканского коммуникативного стиля представителями различных стран Латинской Америки, а также изучить роль слов-реалий в процессе актуализации мексиканского коммуникативного стиля в художественных текстах с учетом гендерной характеристики их авторов.

1. Алексеева, М.Л. О влиянии вида реалий на выбор переводческих приемов [Электронный ресурс] / М. Л. Алексеева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – №89. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-vida-realiy-na-vybor-perevodcheskih-priemov> (дата обращения: 15.11.2015).
2. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : сб. науч. статей. – М. : Флинта : Наука, 2011. – С. 16-28.
3. Антошин, А. Дефолт в «51-м штате США» предопределен его вымиранием [Электронный ресурс] / А. Антошин // Взгляд. – 2015. – 11 авг. – URL: <http://www.vz.ru/world/2015/8/11/760529.print.html> (дата обращения: 09.04.2016).
4. Асп, Э.К. Введение в социологию [Электронный ресурс] / Э. К. Асп. – СПб. : Алетейя, 1998. – 84 с. – URL: http://society.polbu.ru/asp_sociology/ch50_all.html (дата обращения: 03.04.2016).
5. Балашов, С.Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С.Н. Балашов. – Екатеринбург, 2006. – 210 с.
6. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л.С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
7. Бекасов, Д.М. Переводческий аспект лакунарности (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Д.М. Бекасов. – М., 2012. – 18 с.
8. Белоусов, К.И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности [Электронный ресурс] / К. И. Белоусов // Вестник ОГУ. – 2010. – №11 (117). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modelnaya-lingvistika-i-problemy-modelirovaniya-yazykovoy-realnosti> (дата обращения: 11.04.2016).
9. Белоусова, Е.Г. Основные характеристики художественной картины мира, репрезентируемой в произведениях жанра фэнтези [Электронный ресурс] / Е. Г.

- Белоусова // Молодой ученый. – 2011. – №4. – Т.1. – С. 200-202. – URL: <http://www.moluch.ru/archive/27/3008/> (дата обращения: 18.11.2015).
10. Березовин, Н.А. Учитель и детский коллектив [Текст] : психолого-педагогическое исследование / Н.А. Березовин, Я.Л. Коломинский. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – 160 с.
11. Берков, В.П. Двухязычная лексикография [Текст] : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Лингвистика» / Берков В.П. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 248 с.
12. Богатова, С.М. Концепт «дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.М. Богатова. – Омск, 2006. – 176 с.
13. Бойко, В.В. Психоэнергетика [Электронный ресурс] / В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с. – URL: http://bookap.info/okolopsy/boyko_psihoenergetika/#o (дата обращения: 09.04.2016).
14. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста [Текст] : учеб. пособие / Н.С. Болотнова. — 4-е изд. — М. : Флинта Наука, 2009. – 520 с.
15. Бондарева, Л.М. Прагматические функции слов-реалий в ретроспективном дискурсе [Электронный ресурс] / Л.М. Бондарева // Вестник Балтийского Федерального Университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2. – С. 15-21. – URL: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/853/Bondareva%20L._15-21.pdf (дата обращения: 13.12.2015).
16. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры [Текст] / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – № 1. – С. 16-32.
17. Василик, М.А. Коммуникативные стили [Электронный ресурс] / М.А. Василик // Элитариум 2.0 : система дистанционного образования. 2008. – URL: http://www.elitarium.ru/2008/07/07/print:page,1,kommunikativnye_stili.html (дата обращения: 25.05.2011).
18. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] /

- А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
19. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
20. Власян, Г.Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации [Электронный ресурс] / Г.Р. Власян // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №33. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-vezhlivosti-problema-interpretatsii> (дата обращения: 16.11.2015).
21. Влахов, С. Непереводимое в переводе [Текст] : учебное пособие / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
22. Воробьева, Ю.А. Когнитивно-прагматический аспект новой лексики искусствоведения (на материале английского языка) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.А. Воробьева. – Калининград, 2003. – 264 с.
24. Гаджиев, К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект [Текст] / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3-16.
25. Гаибова, М.Т. Прагмалингвистический анализ художественного текста [Текст] / М.Т. Гаибова. – Баку: АГУ, 1986. – 88 с.
26. Гансова, Э.А. Этноцентризм / Э.А. Гансова [Электронный ресурс] // Мигдаль Times. – №115 (2011/5772). – URL: <http://www.migdal.org.ua/times/115/23541/> (дата обращения: 03.04.2016).
27. Гафарова, А.С. Художественный текст vs художественный дискурс [Электронный ресурс] / А. С. Гафарова // Материалы международной Интернет-конференции «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». – 2011. – URL: <http://rgf.tversu.ru/node/486> (дата обращения: 20.06.2013).
28. Гишкаева, Л.Н. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского

языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л.Н. Гишкаева. – М., 2012. – 243 с.

29. Гордеева, Е.М. Когнитивно-прагматические аспекты формирования немецкого общественно-политического дискурса [Электронный ресурс] / Е.М. Гордеева // Вестник БФУ им. И. Канта. – 2010. – №2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-pragmaticheskie-aspekty-formirovaniya-nemetskogo-obschestvenno-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 10.04.2016).

30. Гостемилова, Н.А. Структурно-семантические и национально-культурные особенности междометий мексиканского национального варианта современного испанского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н.А. Гостемилова. – М., 2003. – 225 с.

31. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] : учеб. для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин; под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с. – URL: <http://www.countries.ru/library/intercult/roletno.htm> (дата обращения: 03.04.2016).

32. Гумен, Ю.С. Функционирование культурно-специфической лексики в структуре поэтического текста (на материале современной англоязычной поэзии) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.С. Гумен. – Санкт-Петербург, 2004. – 170 с.

33. Гусева, И.В. Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка [Электронный ресурс] / И.В. Гусева // Вестник МГИМО. – 2012. – №4 (25). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-frazeologii-meksikanskogo-natsionalnogo-varianta-ispanskogo-yazyka> (дата обращения: 03.04.2016).

34. Даниленко, В.П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера [Электронный ресурс] / В.П. Даниленко // Филология и человек. – 2009. – № 1. – С. 7-17. – URL: <http://elibrary.ru/download/61200082.pdf> (дата обращения: 03.04.2016).

35. Дашидоржиева, Б.В. Лакуна как феномен межкультурной коммуникации (на примере бурятско-русского взаимодействия [Текст]: автореф. дис. ... канд. культуролог. наук : 24.00.01 / Б.В. Дашидоржиева. – Чита, 2011. – 23 с.
- Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
36. Дементиева, И.А. Антропоцентрический подход к исследованию когнитивной и лингвокультурной деятельности человека [Текст] / И.А. Дементиева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2013. – Т. 15. – №2. – С. 176–180.
37. Драч, Г.В. Культурология [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.В. Драч; под науч. ред. проф. Г.В. Драча. – 8-е. изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 576 с.
38. Дробышева, Т.В. Коммуникативно-прагматический аспект художественного текста : на материале русских переводов романа Ф.С. Фицджеральда "Великий Гэтсби" [Текст] : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.В. Дробышева – Воронеж, 2009. – 22 с.
39. Дубоссарская, М.Л. Свой - Чужой - Другой: к постановке проблемы [Текст] / М.Л. Дубоссарская // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 54. – С. 167-174.
40. Дугарова, Ц.Д. Инкультурация личности в современной национальной школе [Текст] : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Ц.Д. Дугарова. – Чита, 2004. – 167с.
41. Евсеева, Л.Н. Роль языка в формировании национальной идентичности [Текст] : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Л. Н. Евсеева. – Архангельск, 2009. – 21с.
42. Заботкина, В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии [Текст] / В.И. Заботкина // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1999. – С. 3-10.
43. Заварзина, С.А. К вопросу о разграничении инференции и импликации

[Электронный ресурс] / С.А. Заварзина. – Режим доступа: www.pglu.ru/lib/publications/University.../II/uch_2010_II_00004.pdf (дата обращения: 18.11.2015).

44. Иванова, А.А. Особенности реализации национального коммуникативного стиля в высказываниях о мечте (на материале британского варианта английского языка) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.А. Иванова. – Челябинск, 2012. – 21 с. – URL: Vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/70787 (дата обращения: 09.04.2016).

45. Иванова, Е.С. Когнитивно-прагматические особенности текстов англоязычной Интернет-рекламы [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.04 / Е.С. Иванова. – М., 2012. – 22 с.

46. Кабакчи, В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации [Текст] / В.В. Кабакчи. – СПб.: Издательство «Союз», 2001. – 480 с.

47. Кабакчи, В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) [Текст] / В.В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация : сб. статей к юбилею профессора Новеллы Александровны Кобриной / Федер. агентство по образованию, Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Фак. иностр. яз. – Санкт-Петербург : Тригон, 2005. – Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте. – С.164-175.

48. Кан-Калик, В.А. Педагогическое общение как предмет теоретического и прикладного исследования [Текст] / В.А. Кан-Калик, Г.А. Ковалёв // Вопросы психологии. – 1985. – №4. – С. 9-17.

49. Карасик, В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению [Текст] / В.И. Карасик // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н.Н. – М. ИНИОН РАН, 2008. – С. 127-155.

50. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. –

М.: Наука, 1987. – 264 с.

51. Карповская, Н.В. Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка) [Текст] : монография / Н. В. Карповская. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – 208 с.

52. Карповская, Н.В. Когнитивно-прагматический потенциал средств категории интенсивности сквозь призму процесса метафоризации (на материале интенсификатов испанского и русского языков [Текст] / Н.В. Карповская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2015. – №3. – С. 107-117.

53. Квакин, А.В. Архетип, ментальность и оппозиция «свой» - «чужой» в контексте истории [Электронный ресурс] / А. В. Квакин // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании : международная науч. конф., 24-25 мая 2001 г. – СПб. : [б. и.], 2001. – С. 102-108. – URL: <http://www.kvakin.ru/Documents/mif.pdf> (дата обращения: 03.08.2016).

54. Клубков, П.А. Разговорные топонимы как явление фольклора [Текст] / П.А. Клубков, В.Ф. Лурье // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 450-459.

55. Ковтун, Л.В. Социальная адаптация личности в условиях межкультурного общения [Текст] : дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.04 / Л.В. Ковтун. – М., 1999. – 132 с.

56. Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации [Текст] / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-75.

57. Корнева В.В. Корнева В.В. Литературные антропонимы как отражение реального антропонимикона / В.В. Корнева // Теоретические и прикладные вопросы ономастики. Межвуз. сб. науч. статей. Вып.2. — Пятигорск: Пятигорский гос. лингв, ун-т. — С. 219 —226.

58. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных

- менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
59. Кортунов, С.В. Национальная идентичность: постижение смысла [Текст] / С. В. Кортунов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 589 с.
60. Кретов, А.А. Реноминация как проблема переводоведения [Электронный ресурс] / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – №2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/renominatsiya-kak-problema-perevodovedeniya> (дата обращения: 04.04.2016).
61. Кретов А.А. Лингвистическая теория реалии [Электронный ресурс] / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. – №1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-teoriya-realii> (дата обращения: 19.05.2016).
62. Крюкова, И.В. Прагматика онама: направления исследований и методика анализа [Текст] / И.В. Крюкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2011. – № 8. – С. 139-143.
63. Кубрякова, Е.С. Номинативный акт и его когнитивно-прагматические аспекты [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики : сб. науч. тр. / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1990. – Вып. 357. – С. 9-13.
64. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
65. Кузнецова, Е.А. Образ женщины как гендерный стереотип в британском художественном дискурсе : системно-функциональный аспект [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Кузнецова Е.А. – Ростов-на-Дону, 2012. – 19 с.
66. Куликова, Л.В. К понятию коммуникативного стиля [Электронный ресурс] / Л. В. Куликова // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2004. – N 1. – С.

- 34-39. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2004/01/kulikova.pdf> (дата обращения: 09.04.2016).
67. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме [Текст] : монография / Л.В. Куликова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2006. – 392 с.
68. Куликова, Л.В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура [Текст] : прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению : учебное пособие / Л.В. Куликова. – Красноярск: СФУ, 2011. – 276 с.
69. Ларина, Т.В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте [Текст] / Т.В. Ларина // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 3. – С. 3-17.
70. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации [Текст] : сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 507 с.
72. Левина, Э.А. Языковые реалии в прагма- и социолингвистическом аспектах (на материале русских и немецких романов первой половины XX века и их переводов) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Левина. – Ростов-на-Дону, 2006. – 159 с.
73. Лиликович, О.С. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический потенциал испанских реалий в художественном дискурсе Эдуардо Мендосы [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 206 с.
74. Лютикова, В.Д. Языковая личность : Идиолект и диалект [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В.Д. Лютикова. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.
75. Макарова, Л.С. Переводческое моделирование художественного дискурса [Электронный ресурс] / Л.С. Макарова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskoe-modelirovanie-hudozhestvennogo-diskursa> (дата обращения: 11.04.2016).
76. Макеева, М.Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические

последствия [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / М.Н. Макеева. – Тверь, 2000. – 329с.

77. Малетина, О.А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса : На материале произведений Т. Драйзера [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.А. Малетина. – Волгоград, 2004. – 181 с. – URL: <http://31f.ru/dissertation/46-dissertaciya-lingvostilisticheskie-osobennosti-portreta-kak-zhanra-xudozhestvennogo-diskursa.html> (дата обращения: 10.02.2016).

78. Манина, С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений [Электронный ресурс] / С.И. Манина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2010. – №1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticcheskie-funktsii-inoazychnyh-vkrapleniy> (дата обращения: 17.04.2016).

79. Марковина, И.Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию [Текст] / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. – М.: Гэотар-Медиа, 2008. – 144 с.

80. Мешалкина, Е.Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе : на материале англоязычной художественной литературы XVIII-XX вв. [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Мешалкина Е.Н. – М., 2008. – 205 с.

81. Миллер, Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Миллер. – СПб., 2004. – 302 с.

82. Михеева, Н.Ф. К вопросу о статусе Spanglish на территории США [Электронный ресурс] / Н.Ф. Михеева // Мотинские чтения. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – С. 22-36. – URL: <http://pandia.org/text/77/150/9288.php> (дата обращения: 03.04.2016).

83. Михеева, Н.Ф. Рабочие материалы [Электронный ресурс] / Н.Ф. Михеева // Учебный портал РУНД. – URL: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=1292&p=12054> (дата обращения: 03.03.2016)

84. Мкртычян, С.В. К характеристике понятия коммуникативного стиля общения [Электронный ресурс] / С. В. Мкртычян // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2010. – N 4 (82). – С. 77-82. – URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18659/1/iurg-2010-82-09.pdf> (дата обращения: 09.04.2016).
85. Моисеева, М.С. Моделирование текста как средство развития связной речи младших школьников [Электронный ресурс] : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / М.С. Моисеева. – Н. Новгород, 2004. – 289 с. – URL: dlib.rsl.ru/loader/view/01002668258?get=pdf (дата обращения: 11.04.2016).
86. Моргун, Е.А. К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов [Электронный ресурс] / Е. А. Моргун // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 55-57. – URL: <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/79/3728/> (дата обращения: 10.04.2016).
87. Нагуар, З.К. Типология инвективной лексики в разносистемных языках (На материале русского, немецкого и адыгейского языков) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.20 / З.К. Нагуар. – Майкоп, 2004. – 152 с. – URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/93656.html> (дата обращения: 10.04.2016).
88. Наер, В.Л. Прагматика текста и ее составляющие [Текст] / В.Л. Наер // Прагматика и стилистика. – М., 1985. – Вып. 245. – С.4-13.
89. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Электронный ресурс] : монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. – 208 с. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 09.04.2016).
90. Никандрова, Т.Е. Экзотическая лексика русского происхождения в сочинении А. Олеария о Московии [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Т.Е. Никандрова – М., 2015. – 257 с.
91. Николаев, В.Г. Аккультурация [Электронный ресурс] / В.Г. Николаев //

Культурология XX век : энциклопедия. – М., 1996. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/197/АККУЛЬТУРАЦИЯ (дата обращения: 02.04.2016).

92. Перкас, С.В. Парадигматические и синтагматические аспекты лингвистического потенциала топонимов в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Перкас. – М., 1980. – 16 с.

93. Петроченко, М. Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.Н. Петроченко. – Томск, 2005. – 227 с.

94. Плахотная, Ю.И. Когнитивно-прагматическая модель политического диалогического дискурса [Текст] / Ю.И. Плахотная // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников : материалы науч.-практ. конф. к 70-летию факультета международных отношений (Москва 4-5 октября 2013) / отв. ред. Д.А. Крячков; Моск. гос. ин-т. междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М. : МГИМО - Университет, 2013. – Т.2. – С. 39-44.

95. Полторанина, Г. В. Теоретические аспекты культурной адаптации [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Г.В. Полторанина. – СПб., 2001. – 149 с.

96. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира [Текст] : монография / З.Д. Попова И.А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

97. Проскурин, Е.Г. Когнитивная лакунарность текста как проблема межкультурной коммуникации [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Г. Проскурин. – Барнаул, 2004. – 146 с.

98. Пушных, В.А. Межкультурный менеджмент [Текст] : учебное пособие / В.А. Пушных, М.С. Ерёменко; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – 2-е изд., перераб. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 180 с.

99. Ражина, В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и

прагматический аспекты [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / В.А. Ражина. – Ростов-на-Дону, 2007. – 156 с.

100. Реформатский, А.А. Введение в языкознание [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 365 с.

101. Рожкова, О.Е. Когнитивно-прагматические аспекты политического дискурса [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.Е. Рожкова. – Калининград, 2003. – 169 с.

102. Рябова, Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Электронный ресурс] / Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. V. – Вып.1-2 (15-16). – С. 120-139. – URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-stereotipy.htm> (дата обращения: 03.04.2016).

103. Садохин, А.П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации [Электронный ресурс] / А.П. Садохин // Обсерватория культуры. - 2008. – № 2. – С. 26-32. – URL: http://ifarcom.ru/files/Monitoring/sadohin_mejcult_barrier.pdf (дата обращения: 09.04.2016).

104. Сиренко, Т.С. Прагматический аспект цитаты [Текст] / Т.С. Сиренко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №6. – С. 274-277.

105. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Электронный ресурс] / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с. – URL: http://window.edu.ru/resource/886/66886/files/slyshkin_linguokulturnye_koncepty.pdf (дата обращения 09.04.2016).

106. Смирнов, И.П. Национальная идентичность: основные функции и факторы формирования [Текст] / И.П. Смирнов // Русский менталитет и вызовы современности : материалы науч. конф. «Русское самосознание и пространство России». – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2001. – С.123-131.

107. Смирнова, И.В. Испанский язык на территории мексиканского штата Табаско [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И.В. Смирнова. – М., 2006. – 123 с.
- Солдатова, О.С. Фатические эмотивы и стиль коммуникации: сопоставление английской и русской лингвокультур [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 201с.
108. Сорокина, Э.А. Теория перевода (история отечественного перевода) [Текст] / Э. А. Сорокина. – М.: [б. и.], 2008. – 50 с.
109. Софронова, Л.А. О проблемах идентичности [Текст] / Л.А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2006. – С. 8-24.
110. Стернин, И.А. О понятии коммуникативного поведения [Текст] / И.А. Стернин. – М. : Владос, 1993. – 356 с.
111. Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения [Текст] / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина – Воронеж: Истоки, 2003. – 185 с.
112. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология [Текст] : учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
113. Сулимов, В.А. Концепция современного литературного текста: культурология и когнитивистика [Электронный ресурс] / В.А. Сулимов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – №2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-sovremennogo-literaturnogo-teksta-kulturologiya-i-kognitivistika> (дата обращения: 10.04.2016).
114. Супрун, А.Е. «Экзотическая» лексика [Текст] / А.Е. Супрун // Филологические науки. – 1958. – № 2. – С. 52-54.
115. Телия, В.Н. Русская фразеология [Текст] : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
116. Темляков, В. Война за независимость Мексики 1810-1821 гг. [Электронный ресурс] / В. Темляков // Проза.ру – 2015. – 3 сент. – URL:

<https://www.proza.ru/2015/03/09/1815> (дата обращения: 03.04.2016).

117. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

118. Томахин, Г.Д. Пособие по страноведению [Текст] : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.

119. Томашевский, Б.В. Варваризмы [Текст] / Б.В. Томашевский // Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 334 с.

120. Фененко, Н.А. Перевод как канал взаимодействия культур и языков [Электронный ресурс] / Н.А. Фененко, А.А. Кретов // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Воронеж, 1999. – Вып. 3. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2002/03/fenenko.pdf> (дата обращения: 9.04.2016)

121. Фененко, Н.А. Язык реалий и реалии языка [Текст] / Н.А. Фененко; под ред. проф. А. А. Кретьова. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 140 с.

122. Фененко, Н.А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте [Текст] / Н.А. Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда: ежегодное международное науч. изд. – Воронеж, 2014. – Вып. 12. – С. 151-173.

123. Филиппова, С.Г. О реальности художественного текста [Текст] / С.Г. Филиппова // Социум. Сознание. Язык : материалы втор. науч.–теорет. семинара на тему «Модусы реальности» (Волхов, 29 окт. 2010г.) / М-во образования и науки, Волховский филиал ГОУ ВПО «Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена», Каф. гуманитар. дисциплин, Каф. иностр. яз. – СПб.: ЛЕМА, 2011. – С. 24-29.

124. Филоненко, Т.А. Нивелирование международного общения на английском языке как результат глобализации [Электронный ресурс] / Т.А. Филоненко // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – №3-2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nivelirovanie-mezhdunarodnogo-obscheniya-na-angliyskom-yazyke-kak-rezultat-globalizatsii> (дата обращения: 16.11.2015).

125. Фирсова, Н.М. Испанская разговорная речь [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Н.М. Фирсова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «Муравей-Ганд», 1999. – 248с. – URL: <http://sci.house/inostrannyye-yazyiki/obraschenie-neznakomyim-adresatam-mujskogo-37640.html> (дата обращения: 09.04.2016).
126. Харченко, Е.В. Моделирование речевого поведения в профессиональном общении [Электронный ресурс] / Е.В. Харченко // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. – 2006. – №6 (61). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-rechevogo-povedeniya-v-professionalnom-obschenii> (дата обращения: 12.04.2016).
127. Цурикова, Л.В. Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход [Текст] / Л.В. Цурикова // Вестник Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – № 2. – С. 162-182.
128. Чеснокова, О.С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / О.С. Чеснокова. – М., 2006. – 358 с.
129. Чеснокова, О.С. Испанский язык Колумбии. Лингвокультурологическое исследование» / О.С. Чеснокова. – Саарбрюкен: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 107 с.
130. Чеснокова, О.С. Этнолингвистические реалии Колумбии / Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен: Сб.обзоров / РАН ИНИОН. Центр гумант.науч.информ.исслед. – М.: РАН ИНИОН, 2016 – С. 22-33.
131. Шен, Д. А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д.А. Шен. – Н. Новгород, 2009. – 170с.
132. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность [Текст] : монография / Л.Б. Шнейдер. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

133. Шульговский, А.Ф. Мексика. Политика. Экономика. Культура [Текст] / отв. ред. А. Ф. Шульговский. – М.: Наука, 1968. – 353 с.
134. Ярошук, И.А. Когнитивно-прагматические свойства метафоры (на материале художественной прозы писателей Черноземья) [Текст] / И.А. Ярошук // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – №2. – С. 181-185.
135. Acevedo Restrepo, D. Fernando Vallejo y sus padres / D. Acevedo Restrepo // El mundo. – 2007. – 2 junio. – URL: <http://www.elmundo.com/portal/pagina.general.impression.php?idx=54915> (дата обращения: 12.04.2016).
136. Andrade H. Patrones de comunicación en México / H. Andrade // Desarrollo humano y liderazgo. – 2003. – Diciembre. – P. 33-37. – URL: <http://ru.scribd.com/doc/223640518/patrones-de-comunicacion-entre-los-mexicanos-pdf> (дата обращения: 3.04.2016).
137. Aramoni, A. El mexicano : ¿un ser aparte? / A. Aramoni. – México : Offset, 1984. – 273р.
138. Beauregard, L.P. El proceso de extradición de «El Chapo» Guzmán tomará al menos un año México / L.P. Beauregard // El país. – 2016. – 12 enero. – URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2016/01/11/mexico/1452492017_488788.html (дата обращения: 10.04.2016).
139. Béjar Navarro, R. El mexicano, aspectos culturales y psicosociales / R. Béjar. – México: UNAM, 1994. – 548 p.
140. Béjar Navarro, R. La identidad nacional mexicana como problema político y cultural. Nuevas miradas / R. Béjar Navarro, H. Rosales Ayala, coordinadores. – Cuernavaca: UNAM, Centro Regional de Investigaciones Multidisciplinarias, 2005. – 282 p. – URL: http://biblioteca.clacso.edu.ar/Mexico/crim-unam/20100331015717/Ident_nalmex.pdf (дата обращения: 03.04.2016).
141. Berry, J. W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology: an international review. – 1997. – Vol. 46 (1). – P. 5–34.

142. Berry, J.W. Immigrant Youth in Cultural Transition: Acculturation, Identity, And Adaptation Across National Contexts J. Berry // *Applied psychology: an international review*. – 2006. – № 55 (3). – P. 303–332.
143. Brunel P. Companion to literary myths: Heroes and archetypes / P. Brunel, W. Allatson. – London; New York: Routledge, 1996. – 1223 p.
144. Butragueño, M. P. Fonología variable del español de México / P. M. Butragueño. – México: El Colegio de México, 2014. – Vol. 1: Procesos segmentales. – 628 p.
145. Castillo, M. Analisis del corrido «La Rielera» / M. Castillo // *Historia de Mexico II equipo 9 del 434*. – 2012. – 13 febrero. – URL: <http://historiademexicoequipo9.blogspot.ru/2012/02/analisis-del-corrido-la-rielera.html> (дата обращения: 10.04.2016).
146. Castillo Troncoso, A. El movimiento estudiantil de 1968 narrado en imágenes / A. Castillo Troncoso // *Sociológica*. – 2008. – № 68. – P. 63-114. – URL: <http://www.scielo.org.mx/pdf/soc/v23n68/v23n68a4.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).
147. Cortés, G. La comunicación verbal y el valor del silencio / G.Cortés // *Tiempo y Escritura*. – 2002. – №2. – URL: <http://www.azc.uam.mx/publicaciones/tye/lacomunicacionverbalyelvalordelsilencio.htm> (дата обращения: 12.02.2016).
148. *Culturas e identidades* / Roberto Blancarte, coordinador. – México, D.F. : El Colegio de México, 2010. – 483 p.
149. Diaconu, D. N. Entre fantasmas de Fernando Vallejo: la autoficción en el «libro de los finales» / D. N. Diaconu // *Cuadernos de Literatura*. – 2008. – enero-junio. – Vol. 13. – №24. – P. 164-177. – URL: www.redalyc.org/pdf/4398/439843024011.pdf (дата обращения: 10.04.2016).
150. Erdösova, Z. El español de México en los ojos de sus hablantes. Un estudio desde la sociolingüística y la dialectología perceptiva / Z. Erdösova // *Lengua y voz*. – 2011. – №1. – P. 57-81.
152. Escalona Ramos, A. Una Interpretación de la cultura maya mexicana / A. Escalona

Ramos // Ballesteros y Beretta (A.) Count de Beretta. Miscelánea americanista. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto «Gonzalo Fernández de Oviedo», 1951. – Tom. 3. – P. 153-275.

153. Fuentes, C. Ponencia / C. Fuentes // III Congreso Internacional de la lengua española. – Rosario, 2004. – URL: http://congresosdelalengua.es/rosario/inauguracion/fuentes_c.htm (дата обращения: 02.04.2016).

154. Gamiño Muñoz, R. Origen de la Liga Comunista 23 de Septiembre / R. Gamiño Muñoz, M. P. Toledo González // Espiral. – 2011. – Vol. XVIII. – № 52 (septiembre-diciembre). – P. 9-36. – URL: <http://www.scielo.org.mx/pdf/espiral/v18n52/v18n52a1.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).

155. García, J. México se reconcilia con la figura de Octavio Paz / J. García // El mundo. – 2014. – 1 abril. – URL: <http://www.elmundo.es/cultura/2014/04/01/5339d756ca474127148b458d.html> (дата обращения: 10.04.2016).

156. Gudykunst, W. B. Culture and Interpersonal Communication / William B. Gudykunst, Ting-Toomey Stella, Elizabeth Chua. – Newbury Park, Calif : Sage Publications, 1988. – 280 p.

157. Guillén, C. Los equívocos de la identidad cultural / C. Guillén // III Congreso Internacional de la lengua española. – Rosario, 2004. – URL: http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/rosario/plenarias/guillen_c.htm (дата обращения: 02.04.2016).

158. Hall, E. Beyond Culture / E.Hall. – Garden City-N. Y.: Anchor Press ; Doubleday, 1976. – 256 p. – URL: http://monoskop.org/images/6/60/Hall_Edward_T_Beyond_Culture.pdf (дата обращения: 03.12.2015).

159. Héau Lambert, C. La representación social de la violencia en la trova popular

mexicana/ C. Héau Lambert, G. Gimenez // Revista Mexicana de Sociología / Instituto de Investigaciones Sociales UNAM, México. – 2004. – Vol. 66. – № 4. – P. 627-659. – URL: www.ejournal.unam.mx/rms/2004-4/RMS04402.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

160. Héau Lambert, C. «Versiones populares de la identidad nacional en México durante el siglo xx» / C. Héau Lambert, G. Gimenez // La identidad nacional mexicana como problema político y cultural. Nuevas miradas / Raúl Béjar y Héctor Rosales, coordinadores. – Cuernavaca : UNAM, Centro Regional de Investigaciones Multidisciplinarias, 2005. – P. 83-110. – URL: http://biblioteca.clacso.edu.ar/Mexico/crim-unam/20100331015717/Ident_nalmex.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

161. Héctor «el Güero» Palma será liberado ocho años antes de su sentencia original // Expansion. – 2016. – 5 abril.

162. Hofstede Geert, H. Cultures and organizations: software of the mind / Geert Hofstede. - 2nd Edition. – McGraw-Hill USA, 2005. – 436 p. – URL: <http://www.novsu.ru/file/1092483> (дата обращения: 09.04.2016).

163. Ibarra, H. N. Predicados complejos con LE en español mexicano : Tesis Doctoral / H. N. Ibarra. – Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2009. – URL: <http://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/4844/ini1de1.pdf?sequence=1> (дата обращения: 09.04.2016).

164. Inzunza, F. Lamberto Quintero: una leyenda después de su muerte / F. Inzunza // El debate. – 2015. – 28 enero. – URL: <http://www.debate.com.mx/mexico/Lamberto-Quintero-una-leyenda-despues-de-su-muerte-20150128-0148.html> (дата обращения: 10.04.2016).

165. La lengua española en América: normas y usos actuales / Milagros Aleza Izquierdo y José María Enguita Utrilla (coords.). – València: Universitat de València, 2010. – 654 p. – URL: <http://www.uv.es/aleza/esp.am.pdf> (дата обращения: 09.04.2016).

166. Lafaye, J. Quetzalcoatl and Guadalupe: The Formation of Mexican National

Consciousness, 1531-1813 / J. Lafaye, Benjamin Keen (trad.). – Chicago: University of Chicago Press, 1976. – 366 p.

167. Las Casa, B. Brevísima relación de la destrucción de las Indias / B. Las Casa; Con estudio preliminar del prof. Nelson Martínez Díaz. – Barcelona: Ediciones Orbis, S.A., 1986. – 82p.

168. Lefevere, A. Translation, rewriting and the manipulation of literary fame / A. Lefevere. – London; New York: Routledge. 1992. – 176 p.

169. Lewis, O. Los hijos de Sánchez. Una muerte en la familia Sánchez / O. Lewis ; pról. de Claudio Lomnitz ; epílogo de Susan M. Rigdon. – México : FCE, 2012. – 631 p.

170. Lewis, Richard D. When cultures collide : leading across cultures / Richard D. Lewis. – 3rd ed. – London: Nicholas Brealey Publishing, 2006. – 624 p. – URL: http://wh.agh.edu.pl/other/materialy/672_2014_05_05_12_05_16_When-Cultures-Collide-libre.pdf (дата обращения: 03.12.2015).

171. Lippmann, W. Public Opinion / W. Lippmann. – New York: Harcourt, 1922. – 427 p. – URL: http://wnorton.com/college/history/america-essential-learning/docs/WLippmann-Public_Opinion-1922.pdf (дата обращения: 12.04.2016).

172. Lo, M. The Life and Music of Mexican Legend Chavela Vargas / M. Lo // Afterellen. – 2015. – 25 January. – URL: <http://www.afterellen.com/people/43867-the-life-and-music-of-mexican-legend-chavela-vargas> (дата обращения: 10.04.2016).

173. Luque Nadal, L. Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales? / L. Luque Nadal // Language Design. – 2009. – Noviembre. – P. 93-120. – URL: http://elies.rediris.es/Language_Design/LD11/LD11-05-Lucia.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

174. Martínez Baracs, R. Acerca del origen de la palabra gringo / R. Martínez Baracs // Biblioteca de México. – 2001. – № 62-63. – P. 98-103. – URL: http://somehil.org/wp-content/uploads/2015/03/acerca_del_origen_dela_palabra_gringo.pdf (дата обращения: 10.04.2016).

175. Martínez Polo, L. Fernando Vallejo contó todo sobre su renuncia a la nacionalidad colombiana» / L. Martínez Polo // El Tiempo (Bogotá). – 2008. – 18 enero. – URL: <http://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-3925334> (дата обращения: 15.04.2016).
176. Mayoral Asensio, R. La Traducción de Referencias Culturales / R. Mayoral Asensio // Sendebarr. – 2000. – №10/11. – P. 67-88.
177. Mercados Itinerantes – Tianguis / R. Contreras Soto, coordinador : Edición electrónica gratuita, 2007. – 236 p. – URL: <http://www.eumed.net/libros-gratis/2007b/296/indice.htm> (дата обращения: 10.04.2016).
178. Meyer, J. Breve historia de Nayarit / J. Meyer. – Nayarit (México): El Colegio de México, Fondo de Cultura Económica, Fideicomiso Historia de las Américas, 1997. – 181p. – URL: <http://bibliotecadigital.ilce.edu.mx/sites/estados/libros/nayarit/html/nayarit.html> (дата обращения: 10.04.2016).
179. Molina Martínez, L. El otoño del pingüino: análisis descriptivo de la traducción de los culturemas / L. Molina Martínez. – Castellón de la Plana: Publicaciones de la Universitat Jaume I., 2006. – 284 p.
180. Monster Espinosa, S. M. Violetta, un personaje de la postmodernidad en Diablo guardián de Xavier Velasco. Un acercamiento a las nociones del narcisismo y vacío de Gilles Lipovetsky / S. M. Monster Espinosa. – México, D.F.: Universidad Autónoma Metropolitana Unidad Iztapalapa, 2006. – URL: <http://148.206.53.84/tesiuami/UAMI13583.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).
181. Morales García, V. E. La cortesía en el español de México. Estrategias de rechazo de peticiones, invitaciones y sugerencias en estudiantes oaxaquecos / V. E. Morales García. – Puebla: Universidad de las Américas Puebla, 2009. – URL: http://catarina.udlap.mx/u_dl_a/tales/documentos/lla/morales_g_ve/ (дата обращения: 09.04.2016).
182. Moreno de Alba, J. G. «Mexicanismos», Minucias del lenguaje / J.G. Moreno de

- Alba. – México: Fondo de cultura económica, 2000. – 298 p.
183. Moreno de Alba, J. G. La lengua española en México / J. G. Moreno de Alba. – México: Fondo de Cultura Económica, 2003. – 148 p.
184. Nord, C. Translation as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained / C. Nord. – Manchester: St Jerome Press, 1997. – 160 p.
185. Novinger, T. Intercultural Communication : A Practical Guide / T. Novinger // Another Day in Paradise. – 2008. – Marzo. – URL: <http://culturespan.blogspot.ru/2008/03/tu-or-usted.html> (дата обращения: 09.04.2016).
- Ortega Morón, A. Las golondrinas / A. Ortega Morón // Cápsulas de lengua. – 2008. – 2 junio. – URL: <https://capsuladelengua.wordpress.com/2008/06/02/las-golondrinas/> (дата обращения: 10.04.2016).
186. Parra Sánchez, L.R. Consideraciones sobre la cortesía en México / L.R. Parra Sánchez // Proyecto APUC. – 2006. – Mayo. – URL: <http://apuccuestion1.blogspot.ru/2006/05/consideraciones-sobre-la-cortesa-en.html> (дата обращения: 09.04.2016).
187. Paz, O. El laberinto de la soledad / O. Paz. – México, DF: Fondo de Cultura Económica, 2004. – 89 p.
188. Poniatowska, E. La propuesta hereje de Sara Sefchovich / E. Poniatowska // Nexos. – 2015. – 1 marzo. – URL: <http://www.nexos.com.mx/?p=24248> (дата обращения: 10.04.2016).
189. Ramos Amézquita, S. El perfil del hombre y la cultura / S. Ramos Amézquita. – Mexico: Planeta Mexicana, 2003. – 145 p.
190. Ramos Amézquita, S. La inferioridad del mexicano / S. Ramos Amézquita. – 2008 URL: http://www.filos.unam.mx/CNEPJ/categoriaA/La_inferioridad_del_mexicano.pdf (дата обращения: 03.04.2016).
191. Robichaux, D. Identidades indefinidas: entre «indio» y «mestizo» en México y América Latina / D. Robichaux // Amérique Latine Histoire et Mémoire. Les Cahiers ALHIM. – 2007. – № 13. – URL: <http://alhim.revues.org/1753> (дата обращения:

03.04.2016).

192. Rodríguez Alvarado, A. F. Tlaconete, Embarazo a mujeres / A. F. Rodríguez Alvarado // Parnassus Americano. – 2014. – 8 enero. – URL: <http://afrarodriguez.blogspot.ru/2014/01/tlaconete-embarazo-mujeres.html> (дата обращения: 10.04.2016).

193. Rojo, J.A. Arturo Pérez-Reverte celebra en Guadalajara los valores contradictorios de los mexicanos / J.A. Rojo // El país. – 2002. – 5 diciembre. – URL: http://elpais.com/diario/2002/12/05/cultura/1039042803_850215.html (дата обращения: 09.04.2016).

194. Rosch, E.H. Prototype classification and logical classification : The two systems / E.H. Rosch // New Trends in Cognitive Representation : Challenges to Piaget's Theory / E. Scholnick (ed.). – Hillsdale, N.-J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1983. – P. 73-86.

195. Sainz, P. Los Tigres del Norte: Los reyes del narcocorrido cantan a La Reina del Sur / P. Sainz. – 2002. – 15 november. – URL: <http://laprensa-sandiego.org/archieve/november15-02/norte.htm> (дата обращения: 09.04.2016).

196. Saralegui, C. El español americano: teoría y textos / C. Saralegui. – Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra, S.A., 2004. – 122 p.

197. Solares, B. Madre terrible: la diosa en la religión del México antiguo / B. Solares. – México: UNAM, 2007. – 430 p.

198. Tomasini Bassols, A. Malinchismo filosófico y pensamiento mexicano / A. Tomasini Bassols // Chicomóztoc, Ciudad de México: Coordinación de Humanidades. – México: UNAM, 1997. – URL: <http://www.filosoficas.unam.mx/~tomasini/ENSAYOS/Malinchismo.pdf> (дата обращения: 03.04.2016).

199. Vasconcelos Méndez, J.P. La raza cosmica / Vasconcelos Méndez J. P. – México: Porrúa, 2003. – 164 p.

200. Vasconcelos Méndez, J.P. Leyenda: La Maldición de Huatulco / Vasconcelos Méndez J.P. // El Oriente. – 2014. – 22 noviembre. – URL:

<http://www.eloriente.net/home/2014/11/22/leyenda-la-maldicion-de-huatulco/> (дата обращения: 10.04.2016).

201. Vermeer, H.J. Translation theory and linguistics / H. J. Vermeer, P. Roinila, R. Orfanos, S. Tirkkonen-Condit // Häkökohtia kääntämisen tutkimuksesta. – Joensuu: University, 1983. – P. 1-10.

202. Zea, L. Características de la cultura nacional / L. Zea. – México: UNAM, 1969. – 89 p.

203. WordReference : el foro de lengua – 2008. – Abril. – URL: <http://forum.wordreference.com> (дата обращения: 10.04.2016).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

204. Diccionario etimológico. – URL: <http://etimologias.dechile.net> (дата обращения: 10.04.2016).

205. Diccionario panhispánico de dudas. – Madrid : Santillana, 2005. – 872 p. – URL: <http://www.rae.es/diccionario-panhispanico-de-dudas> (дата обращения: 12.04.2016).

206. Gómez de Silva, G. Diccionario breve de mexicanismos / G. Gómez de Silva. - México: Academia Mexicana y Fondo de Cultura Económica, 2003. – 251 p. – URL: <http://www.academia.org.mx/universo:lema/obra:Diccionario-breve-de-mexicanismos-de-Guido-Gomez-de-Silva> (дата обращения: 10.04.2016).

207. Macazaga Ordoño C. Vocabulario esencial mexicano: lexico de las cosas de Mexico / C. Macazaga Ordoño. – México: Informática Cosmos, 1999. – 389 p.

208. Moliner, M. Diccionario de uso del Español : 2 volúmenes / M. Moliner. – Segunda Edición. – Madrid: Gredos S. A., 2004. – 1597 p.

209. Partridge, E. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / E. Partridge, T. Dalzell, T. Victor. – New York: Routledge, 2008. – 48 p.

210. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española / Real Academia Española. – 23.ª ed. – Madrid: Espasa, 2014. – URL: <http://www.rae.es> (дата обращения: 10.04.2016).

211. Smyth S. Diccionario Breve de Mexicanismos / S. Smyth, E. Crosbie. - New York: Fondo de Cultura Económica USA, 2006. - 226 p.
212. Urban Dictionary. – URL: <http://ru.urbandictionary.com/define.php?term=mojado> (дата обращения: 03.04.2016).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА И ТЕКСТОВЫХ ПРИМЕРОВ

213. Esquivel, L. Como agua para chocolate / L. Esquivel. – Santa Fe Punto de Lectura, 2014. – 264 p.
214. Fuentes, C. Adán en Edén / C. Fuentes. – Barcelona: Alfaguara, 2009, 179 p.
- Fuentes, C. Gringo viejo / C. Fuentes. – México: Fondo de Cultura Económica, 1985. – 143 p.
215. Mendoza, É. Asesino Solitario / É. Mendoza. – México D.F.: Tusquets, 1999. – 250 p.
216. Mendoza, É. El amante de Janis Joplin / É. Mendoza. – México D.F.: Tusquets, 2001. – 246 p.
217. Perez Reverte, A. La Reina del Sur / A. Perez Reverte. – Madrid: Punto De Lectura, 2007. – 552 p.
218. Vallejo, F. Entre fantasmas / F. Vallejo. – Bogota: Aguilar Colombia, 2005. – 264 p.
219. Velasco, X. Diablo Guardián / X. Velasco. – México: Alfaguara, 2003. – 400 p.
220. Winslow, D. The Power of the Dog / D. Winslow. – New York: Alfred A. Knopf, 2005 – 539 p.

Приложение

Таблица 1. Когнитивно-прагматические функции мексиканских слов-реалий в романе Х. Веласко «Diablo Guardián»

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
Предметная область	Квант социокультурного знания	Эксплицитная информация	Имплицитная информация	Прагматическая функция	Прагматическая установка
Природно-географическая слова-реалии	названия населенных пунктов,	географические координаты романа	Мексика - это неблагополучная страна	кумулятивная ассоциативная	обосновать стремление Виолетты отделить себя от мексиканской культуры
	названия животных, растений	негативное отношение Виолетты к Родольфо	Характер взаимоотношений между героями с точки зрения Виолетты (она жертва)	экспрессивно-образная, ассоциативная оценочная символическая	показать субъективное отношении Виолетты к другим героям и родной Мексике
Реалии-антропонимы	история и культура Мексики	имена героев романа, апелляция к историческим персонажам и событиям	Виолетта стремится отделить себя от мексиканской нации (особенности самоидентификации). Малинчизм Виолетты.	кумулятивная экспрессивно-образная, ассоциативная символическая	продемонстрировать читателю особенности самоидентификации Виолетты
	история	названия улиц	ценность исторического прошлого Мексики, его связь с настоящим страны	кумулятивная	показать, что исторический прошлое Мексики находит свое продолжение в современной действительности мексиканского народа.
Бытовые и алиментарные слова-реалии	предметы обихода, одежда, игры	элементы материального окружения и детали биографии героев	Виолетта мыслит в рамках мексиканской национальной картины мира Психологическое состояние героев их характер обуславливают их предпочтения с детского возврата	эстетизация бытовой детали характерологическая	показать психологическое состояние героев и их неразрывную связь с их материальным окружением
Слова-реалии, относящиеся к «культурному фонду»	мифология	имена богов	распутство как характерная черта мексиканок, с точки зрения Виолетты	кумулятивная, символическая	показать субъективное отношение главной героини к окружающей действительности и негативное восприятие ею своей культуры.
	песенное творчество	названия песен	характер Виолетты, отношение к ней Пига	кумулятивная, символическая	изобразить героиню в тесной связи с мексиканской культурой

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
	Библия*	сравнение Виолетты с овцой*	восприятие Виолеттой себя и окружающих ее людей*	кумулятивная*	показать особенности самоидентификации Виолетты*
Слова-реалии как ключевые национальные концепты	названия районов, национальных блюд	Виолетта стремится отделить себя от мексиканской культуры, Родольфо – хитрый и жестокий человек, место жительства мексиканцев	три тенденции мексиканского общества: малинчизм, мачизм, иерархичность и социальная дифференциация мексиканского общества	кумулятивная, оценочная	показать особенности психологии и мировосприятия главных героев (Виолетты, Родольфо Феррериро)

Таблица 2. Когнитивно-прагматические функции мексиканских слов-реалий в романе Э. Мендосы «El amante de Janis Joplin»

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
Предметная область	Квант социокультурного знания	Эксплицитная информация	Имплицитная информация	Прагматическая функция	Прагматическая установка
Природно-географический слова-реалии	названия населенных пунктов, животных, растений	место действия событий происходящий в романе, перемещение героев	особенности мировосприятия главного героя, его умственная неполноценность	кумулятивная, стилистическая ассоциативная, эстетизации бытовой детали	выступить в качестве неких символов, образов и т.д., характерных для мировосприятия героя; ввести элементы материального и природного окружения с целью национальной идентификации героя; передать внутреннее состояние героя
Реалии-антропонимы	кинематограф	сравнение внешности героев в внешностью известных актёров	образы героев, особенности мексиканской метафорической картины мира	кумулятивная, экспрессивно-образная стилистическая и ассоциативная функции, функция лаконизации, функция интенсивности	создать метафорическую картину мира произведения; передать физическое состояние героя/персонажа
	кинематограф, история	имена второстепенных героев	жизнь известных людей отличается от того, что нам о ней рассказывают официальные средства массовой информации	стилистическая функция гиперболизации ассоциативная функция	продемонстрировать читателю реальную действительность Мексики без прикрас

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
	бейсбол Библия*	имя и фамилия главного героя, названия бейсбольных команд	Реалистичность образа Давида Валенсуелы	ассоциативная функция предсказательная характерологическая	
	журналистика, песенное творчество, политика	имена журналистов, певцов, название партий	абсурдность работы полиции Мексики при пассивности и апатичности мексиканского народа	кумулятивная функция гиперболизации	показать реальное положение дел в госструктурах Мексики и реальный уровень преступности
	названия улиц (имена революционеров и конкистадоров)	внешность героя, географические координаты романа	особенности мексиканской метафорической картины мира, связь исторического опыта этноса и его современной жизни	кумулятивная экспрессивно-образная стилистическая, ассоциативная	показать влияние политических событий на жизнь простых мексиканцев
	этнический аспект	индейские фамилии	недалекость главного героя, сдержанность и умение индейцев скрывать свои чувства и мысли	кумулятивная характерологическая	продемонстрировать ограниченность присутствия индейского компонента в мексиканском обществе и особенности поведения индейцев
Бытовые и алиментарные слова-реалии	национальная кухня	названия блюд, напитков	мексиканцы не стремятся адаптироваться, попадая в условия <i>чужой</i> культуры	Кумулятивная, эстетизация бытовой детали	передать традиционность и консервативность мексиканцев
	национальная кухня	название заведений питания	торговля наркотиками проникает во все сферы жизни народа, даже в кулинарию	Кумулятивная, эстетизация бытовой детали, экспрессивно-образная стилистическая	продемонстрировать высокую степень проникновения наркоторговли и преступности в повседневную жизнь мексиканского народа
Слова-реалии, относящиеся к «культурному фонду»	фольклор, песенное творчество	цитаты из текстов революционных баллад	связь исторического прошлого Мексики с современной жизнью ее народа	кумулятивная ассоциативная предсказательная	познакомить читателя с определенными чертами национального самосознания мексиканцев и влиянием наркоторговли на ценности, принятые в их обществе, передать внутреннее состояние героев.
	народные верования	имя покровителя наркоторговли	в мире наркоторговли свои ценности и свои Святые-	кумулятивная	продемонстрировать смещение ценностей в мексиканском обществе

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
			покровители.		из-за влияния наркоторговли
Инвективные слова-реалии	поведение и внешний вид людей	грубые слова и выражения в речи преступников, полицейских, рыбаков	особенности общения гражданских лиц с полицейскими, преступников между собой, гендерные особенности коммуникации	оценочная экспрессивно-образная стилистическая	показать незащищенность простых мексиканцев от произвола полиции, манеру общения наркоторговцев и рыбаков.

Таблица 3. Когнитивно-прагматические функции мексиканских слов-реалии в романе Ф. Вальехо «Entre fantasmas»

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
Предметная область	Квант социокультурного знания	Эксплицитная информация	Имплицитная информация	Прагматическая функция	Прагматическая установка
Природно-географические слова-реалии	названия населенных пунктов, животных, растений,	место действия, описание флоры Мексики, в Пуэбле и Чолуле много церквей	в стране засушливый климат, растут кактусы, в религии для мексиканцев формальная сторона важнее сути, в Мексике развито воровство, смерть в Мексике подстерегает на каждом шагу, она бывает глупа и нелепа;	кумулятивная, локализирующая, стилистическая, экспрессивно-образная, функция лаконизации	показать ироничное отношение рассказчика к мексиканцам, их религиозности и продемонстрировать неблагоприятную криминальную обстановку в стране, визуализировать у читателя типичный мексиканский пейзаж, создать у читателя ощущение «узнавания» Мексики
Реалии-антропонимы	политика, история, культура Мексики	имена политиков, мексиканских культурных деятелей (литература, искусства)	авторитет мексиканских политиков и культурных деятелей сильно завышен, Мексикой управляют коррумпированные и недалекие чиновники;	локализирующая, стилистическая оценочная (ироническая)	создать образ рассказчика, который призывает отказаться от существующих в мексиканском обществе ценностей и авторитетов, создать комический эффект
Исторические и общественно-	история, политика	упоминание Мексиканской	рассказчик позиционирует Революцию как причину многих	кумулятивная, локализирующая,	показать ироничное отношение рассказчика к историческому

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
политические слова-реалии		Революции 1910-х гг.	современных бед Мексики (преступности, вымогательства, воровства, лживости).	характерологическая	развитию Мексики и отдельных чертам национального характера ее жителей
Слова-реалии из области религии, традиций и фольклора	религия, традиции, обычаи, фольклор	имена мексиканские святые, имена ацтекских богов, отношение к смерти	рассказчик ставит под сомнения устоявшие ценности и авторитеты мексиканского общества, создание комического эффекта	кумулятивная, локализирующая, характерологическая	создать образа ироничного рассказчика, призывающего отказаться от традиционных ценностей мексиканского общества
Слова-реалии как ключевые национальные концепты	этнический аспект, взаимоотношения между мексиканцами	В Мексике слишком много индейцев. Они подлые.	необязательность мексиканцев, их взяточничество, изворотливость	кумулятивная, локализирующая, экспрессивно-образная оценочная (ироническая)	дать негативную характеристику Мексики, её народа и национального коммуникативного стиля мексиканцев

Таблица 4. Когнитивно-прагматические функции мексиканских слов-реалий в романе А. Реверте «La Reina del Sur»

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
Предметная область	Квант социокультурного знания	Эксплицитная информация	Имплицитная информация	Прагматическая функция	Прагматическая установка
Природно-географические слова-реалии	названия населенных пунктов, животных, растений	место действия в штате Синалоа солнечный, жаркий климат	Мексика – криминальная страна, мачизм мексиканского общества	кумулятивная, локализирующая	показать, что в Мексике высокий уровень преступности, создать реалистичные образы героев
Реалии-антропонимы	история, литература, преступность	имена Э. Кортеса, Малинче, Моктесума, имена мексиканских авторов, имена глав наркокартелей	до тюрьмы Тереса была необразована в мире наркоторговли есть свои герои, правила и законы	кумулятивная, локализирующая	создать эффект документализации, реалистичные образы героев, ощущение погружения в мир наркоторговли, образа криминальной Мексики, показать особенности когнитивной картины мира мексиканцев, продемонстрировать, что Конкиста Мексики – значимый эпизод истории страны
	песенное творчество	имена популярных мексиканских певцов, названия коллективов, имена гермов наркокррида	Наркоторговцы живут в своем собственном мире, который отличается от жизни простых людей	кумулятивная, локализирующая	показать особенности внешности наркоторговцев, нарисовать реалистичные образы героев, ощущение погружения в мир наркоторговли, образа криминальной Мексики,
Исторические и общественно-политические слова-реалии	революция	Во время революции пели баллады	наркоторговцы стали героями современного мексиканского общества	кумулятивная, экспрессивно-образная	ценности страны со времени Революции изменились (духовное обнищание) под влиянием наркоторговли
Бытовые и алиментарные	предметы быта и обихода	названия мексиканских марок напитков,	живя в Испании, Тереса скучает по Мексике, она неотделима от	кумулятивная, характерологическая,	погрузить читателей в атмосферу мексиканской действительности,

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
слова-реалии		сигарет, алкоголя, посуды, автомобилей	материальной составляющей ее родной культуры	эстетизация бытовой детали	показать ностальгию Тересы по Мексике
Слова-реалии из области религии, традиций и фольклора	религия, фольклор	Мексиканцы — верующие люди	Наркоторговля проникает во всех сферы обществе и даже в религию	кумулятивная, когнитивная	показать особенности когнитивной картины мира мексиканцев, создать реалистичный образ героев, погрузить читателей в атмосферу мексиканской действительности,
Слова-реалии как ключевые национальные концепты	внешний вид, характер, речь мексиканцев	сдержанность и внешнее спокойствие мексиканцев, многозначность фраз, высказывания с размытой семантикой	самоконтроль, жестокость	кумулятивная, характерологическая оценочная	показать высококонтекстуальность мексиканской культуры, создать реалистичный образ героев

Таблица 5. Прагматические функции мексиканские слов-реалии в романе Д. Уинслоу «The power of the dog»

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
Предметная область	Квант социокультурного знания	Эксплицитная информация	Имплицитная информация	Прагматическая функция	Прагматическая установка
Природно-географические слова-реалии	названия населенных пунктов, растений	место действия	в Мексике идет война наркоторговцев между собой, в Мексике семью ценят больше, чем в США	кумулятивная, локализирующая, стилистическая, эмфатическая	показать высокую ценность семьи в мексиканском обществе и высокий уровень преступности в Мексике, создать эффект документализации и реалистичные образы героев-преступников
Реалии-антропонимы	имена известных наркоторговцев и полицейских, «классические» криминальные	имена героев	национальность героев и их род занятий	кумулятивная, локализирующая, характерологическая	создать эффект «узнавания» криминальной Мексики, нарисовать реалистичные образы героев-преступников

Предметная область		Когнитивный кластер		Прагматический кластер	
	прозвища				
Исторические и общественно-политические слова-реалии	названия политических партий	PRI — коррумпированная партия, которая стоит у власти слишком долго	призыв отстранить PRI от управления страной	кумулятивная, локализирующая	показать, что Мексика — коррумпированная страна
	названия военных операций	в Мексике проводились ряд военных операции	Мексика не справляется с преступностью самостоятельно	кумулятивная, убеждение	убедить, что США может навести в Мексике порядок
Слова-реалии из области религии, традиций и фольклора	имена святых, названия и атрибуты праздника Дня мертвых	религиозность мексиканцев	синкретизм католичества в Мексике	кумулятивная, локализирующая, характерологическая, стилистическая (экспрессивно-образная)	показать, что индейские верования и торговля наркотиками наложили отпечаток на католицизм в Мексике
	фольклор	привычный уклад жизни мексиканцев	жизнь в Мексике похожа на войну (во Вьетнаме)	кумулятивная, характерологическая	доказать, что наркоторговля оказывает влияние на ценности мексиканского общества, становясь его необъемливой частью, погрузить читателей в атмосферу мексиканской действительности,
	предмет одежды	описание внешности героев-наркоторговцев	герои-преступники	кумулятивная, локализирующая, характерологическая	создать эффект «узнавания» криминальной Мексики, (Мексиканские преступники выглядят так, как их изображают в фильмах) погрузить читателей в атмосферу мексиканской действительности,
Слова-реалии как ключевые национальные концепты	национальный характер	члены наркокартеля обращаются друг другу терминами родства	В мексиканском обществе очень ценится семья и мужское достоинство, члены одного наркокартеля — одна семья	резюмирующая, характерологическая функция лаконизации	создать эффект «узнавания» криминальной Мексики и реалистичные образы героев